

**КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. Вернадского
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТРНАВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В ТРНАВЕ (СЛОВАКИЯ)
БОЛГАРСКИЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР**

XXXII ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ.**

1917-2017:

СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ ПРОШЕДШЕГО СТОЛЕТИЯ

17-21 мая 2017 г.

г. Ялта,

Республика Крым

Симферополь

ИТ «АРИАЛ»

2017

УДК 37
ББК 74.00
П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Главные редакторы:

Т.А. Сениюшкина, доктор политических наук, профессор;

А.В. Баранов, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Н.А. Романович, доктор социологических наук, профессор;

Е.А. Сениюшкин, кандидат политических наук, доцент;

П.И. Пашковский, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Минчо Минчев, доктор философии, профессор;

Михаэла Моравчикова, доктор теологии, профессор;

Прити Дас, доктор философии, доцент.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 Политическое пространство и социальное время. 1917-2017 :
смыслы и ценности прошедшего столетия. Сборник научных тру-
дов XXXII Хараковского форума 17 – 21 мая 2017 г., г. Ялта /
Под ред. Т.А. Сениюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь :
ИТ «АРИАЛ», 2017. – 280 с.

ISBN 978-5-906877-97-0

В сборнике размещены материалы XXXII Хараковского фору-
ма «Политическое пространство и социальное время: идентичность
и повседневность в структуре жизненного мира», состоявшегося в
г. Ялта 17 – 21 мая 2017 г. Раскрываются проблемы коллективной
памяти, исторического времени, социального и политического про-
странства, соотношения религиозной и этнической идентичности в
условиях культурного и цивилизационного разнообразия, анализи-
руются актуальные вопросы межконфессионального взаимо-
действия, проблемы, связанные с этническими и религиозными
конфликтами в условиях интеграционных процессов и геополити-
ческой конкуренции.

**УДК 37
ББК 74.00**

ISBN 978-5-906877-97-0

© Сениюшкина Т.А., 2017
© Баранов А.В., 2017
© ИТ «АРИАЛ», 2017

Агапов О.Д., Агапова Э. И.

АНТРОПОДИАГНОСТИКА РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. Статья представляет собой теоретико-методологическое исследование антропологических и экзистенциальных оснований российских революций.

Ключевые слова: история, событие, революция, личность, гуманитарные практики.

Agapov O.D., Agapova E.I.

ANTROPODYAGNOSTICS OF RUSSIAN REVOLUTIONS

Abstract. The article is a theoretical and methodological study of the anthropological and existential foundations of Russian revolutions.

Keywords: History, event, revolution, personality, humanitarian practices

История - это процесс, состоящий из «ткани» событий / событий, каждое из которых принципиально множественно и богато на различные последствия: инверсии – медиации, прорывы – провалы, прогрессы - регрессы и т.д.

Онтологически события отмечают себя как *другое начало*, где между прежним состоянием социальной реальности, ума или научного знания / парадигмы и новизной события сразу образуется зазор, устанавливается дистанция, что порождает – дезориентацию, задает блуждание, вращение (лат - *volvo*), поиск оснований [1, с. 363]. Неслучайно А. Магун отмечает, что «как революция, так и ее провал являются для современников угрозой, источником постоянной тревоги» [1, с.342].

Логико-герменевтические исследования Х. Аренд, Р. Козеллека, А. Ашкерова, А. Магуна показывают, что на короткий период – в эпоху рождения Нового времени (XVI –XVIII вв.) понятия «ре – волюция», «ре – форма», «ре-ставрация» были практически синонимами, отражающими ситуацию человека оказавшегося в ситуации внешнего и внутреннего разрыва и *неопределенности*, и в силу этого ищущего все силами путь к исходному. Другое дело, что исходное может восприниматься: и как рутинное или «старый порядок», и как исток / другое начало истории, открывающее перспективу движения без отчуждения, заблуждений, насилия и т.д.

Онтологически каждое событие – это синергия, рождение нового состояния бытия, шанс на его преумножение, выход из плоскостной размерности сущего. Вместе с тем, уровень и характер синергии может быть различен. С. Хоружий отмечает три топоса, горизонта и практики синергийного движения: онтологический, онтический и виртуальный. «Если события трансцендирования можно рассматривать как преодоление наличествования, и в этом смысле, как своеобразное «события *сверх*-наличествования», то виртуальные события суть чистое умаление наличествования, или «событие *недоналичествования*». Используя традиционную для онтологии световую метафору, можно уподобить виртуальные события – мерцанию, тогда как события трансцендирования – сфокусированной сверхинтенсивной вспышке» [2, с. 339].

Ф.А. Степун, осмысляя опыт российских революций 1917 г., в статье «Религиозный смысл революции» отмечает, что в Октябрьской революции как свершившемся событии, можно выявить три момента, придающей ей неоднородный характер. Первый момент – биологический, связанный с энергией молодежи, второй – криминальный, и, наконец, третий – фантастический и оборотнический. «Молодежи всегда свойственно мужество разрушения: у нее много времени впереди, и она убеждена, что успеет построиться. Ей свойствен вера в реальность невидимого: она естественно живет взысканием и чаянием..... Несчастные среди уголовных влекутся к революции потому, мечтают наконец-то обрести доступ к обществу в качестве его честных и равноправных членов. Подлинные преступники среди уголовных тяготеют к ней, как к мутной воде, в которой как нельзя лучше удить рыбу....». Третий – метафизический момент в событии революции, отмеченный Ф.А. Степуном – это подъем демонических энергий человеческой души, связанный с метафизической тоской. «Живет человек в своей судьбе, как в тюрьме и все мучается мечтой – вырваться наружу, дойти до своей настоящей, большой, Богом обещанной жизни или же развернуться на весь мир всеми своими не дожившими до жизни душами, всеми своими неизжитыми жадностями, всей своей тоской и срамотой. Революция, смещающая все социальные перегородки, отменяющая все метрономические выстукивания обыденности, открывает этой тоске, и прежде всего низинам этой тоски, все двери настежь» [3, с. 496]. Генезис революционного духа, где воедино сплелись дух молодости, преступности и демонической фантастики образует дилетантизм революционного творчества. По классификации концепции синергийной антропологии С. Хоружего описанная конфигурация сил революций может быть названа онтической и виртуальной.

Онтологическое измерение событие (революции, реформы – любого иного исторического свершения) возможно только в личности, в рождении нового субъекта или субъектов истории. Событие по А.Ф. Лосеву – это чудо, где встречаются два плана: 1) личность сама по себе, как принцип, «как смысл всякого становления»; и 2) история этой личности, ее алогическое становление, «сплошно и непрерывно текущее множество - единство, абсолютно текущая неразличимость и чисто временная длительность и напряженность» [3, с. 346-356]. Идея личности и история личности сопряжены в становлении, где они отождествляются, представляя собой нечто *третье*, выступающее как *предел* «всякой возможной полноты и цельности воплощения идеи в истории; оно – умная фигурность смысла, вобравшая в себя и *алогию* становления и через то ставшая именно чем-то умно – телесным; оно – идея, вполне осуществившая свою отвлеченную заданность и потому оформленная как единойраздельная умная телесность, т.е. как фигурность». Таким образом, чудо есть живая личность, осуществленная как миф интеллигенции, «как – смысл, лик самой личности»; - это «*энергичное проявление личности в ее субстанции*» [4, с. 363].

Итак, интенции и динамика исторического процесса коренится в антропологическом истоке – желании сбыться, стать самим собой (М. Мамардашвили), стать на предел (С. Хоружий), получить признание (Г.Гегель, А. Кожев, Р. Жирар). Иными словами, в основании истории находится пробуждение человека в его экзистенции, открытие трансцендентного горизонта существования, зовущего его не просто к жизни, а к воплощению, просветлению, просвещению, пребыванию, к тому, что мы сегодня весьма обобщенно можем назвать сферой Духа. Именно поэтому у истоков события стоят поэты, философы, ученые как демиурги смыслов самым актом *поименования* выводя мир из алогичности в логос.

Таким образом, антропологическое и одновременно экзистенциальное измерение задают *онтологию события*, которое затем, может быть опознано и освоено различным образом. Мы убеждены, что богатство интерпретаций исторического становления человеческого рода связано с тем, что трансцендентальные по основаниям *события* получают свое *именование* и практику в зависимости от того какие *субъекты* «пробуждается», какие его социокультурные - явные и неявные – предпочтения, установки, ценности, значения и смыслы опредмечиваются. Получая имя, *событие*, между тем, не редуцируется до понятия, оно остается в своей трансцендентности (потанности / сокрытости). Каждый термин изначально мал перед событием рождения субъекта / субъектов.

И.П. Смирнов в своем социософском исследовании указывает, что «революция раскрывает крайние возможности общества, которые актуализируются, когда оно хочет быть и быть Другим». В этот момент общества превращаются в «трансцендентальный субъект немецкой классической философии. Революцию можно определить как явленную ноуменальность. В автонегации социум не только разрушитель. Он проводит ее из некоей точки самотворения – оттуда, где в нем таится креативный потенциал. Эту революционно-созидательную энергию общество черпает из взаимокompенсаций, которые регулируют его соотносительность с антропологической и индивидуально-психической реальностями» [5, с. 48].

Каждое со – бытие истории, по И.П. Смирнову, и революция не исключение – «есть попытка социального тела *антропологизироваться*», ибо «социальный переворот раскрепощает индивидуальный психизм, однако диктуется общество не душой, а Духом (О.А и Э.А. – в этом И.П.Смирнов солидарен с Ф.А. Степуном). «Личности привносят в революционное действие тот творческий потенциал, которым они наделены в силу того, что их вынесла на поверхность культуры некая эпоха ее развития.....От того, какие личности – эпохально продвинутые или нагоняющие ушедшие вперед времена – возглавляют революцию, во многом (хотя и не во всем) зависят ее успех / неудача. Победоносной она становится при условии, что ее вожди принадлежат к культуре – стадийно новейшей» [5, с. 53].

Мы убеждены, что 100 – летие русской / российской революции достаточное основание к переходу от ноуменального к ее феноменологическому постижению. Это означает, что мы признаем революцию как форму исторического творчества, ибо эмоционально-резонансное отношение к истории ведет к нигилизму и социально-антропологической эвтаназии человеческого рода.

На наш взгляд, необходимо изучать практики революций XVII–XX вв., чтобы выявлять их духовно-экзистенциальный компонент и снижать риски деструктивных аспектов динамики революционных процессов (революционный террор, насилие, авангардизм, установление культов личности, исторический нигилизм). Энергия революций должна сегодня претворяться в гуманитарные инновации и духовные практики, в выстраивании гражданских сообществ.

Литература

1. Магун А. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта / А. Магун. – СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2008. 416 с.
2. Хоружий С.С. О старом и новом / С. Хоружий. – СПб, Алетейя, 2000. 477 с.
3. Степун Ф.А. Жизнь и творчество / Ф.А. Степун. – М.: Астрель, 2009. 809 с.
4. Лосев А.Ф. Самое само / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1999. 477с.
5. Смирнов И.П. Социософия революции / И.П. Смирнов. – СПб.: Алетейя, 2004. 369 с.

Азарова Ю.О.

ДЕРРИДА О ФЕНОМЕНЕ СССР: УНИКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

Аннотация. В статье исследованы представления Ж. Деррида о советском обществе в период «перестройки» и его оценки идеализации СССР французскими интеллектуалами 1930-х гг., определены аргументы оценки Российской революции 1917 г. в творчестве Ж. Деррида.

Ключевые слова: Ж. Деррида, феномен СССР, уникальное, универсальное.

Azarova I.O.

DERRIDA ON THE PHENOMENON OF THE USSR: UNIQUE AND UNIVERSAL

Abstract. The article examines the views of J. Derrida on Soviet society during the period of “perestroika” and its evaluation of the idealization of the USSR by the French intellectuals of the 1930s. The arguments for assessing the Russian Revolution of 1917 in the works of J. Derrida were determined.

Keywords: J. Derrida, phenomenon of the USSR, unique, universal.

В период с 26 февраля по 6 марта 1990 г. французский философ Жак Деррида по приглашению Института философии Академии наук СССР посетил Москву. Итогом данной поездки стала его книга «Back from Moscow, in the USSR». Как Деррида оценивал события, происходящие в СССР?

Что он говорит о своем путешествии? Довольно мало. Вместо детального рассказа о своих впечатлениях, о стране, о городе, о людях, Деррида предлагает кропотливый анализ чужих текстов – «Возвращения из СССР» Андре Жида, «Московского дневника» Вальтера Бенямина и «Дневника о путешествии в СССР» Рене Этьембля.

Почему Деррида уклоняется от подробного рассказа о путешествии? Он так поясняет свой отказ: «Если бы я мог сообщить вам нечто весьма *личное* или новое в связи с недавней поездкой в Москву, то я к этому пока не готов» [1, с. 18]. Однако причины данного решения лежат значительно глубже.

Во-первых, «избирательность» [1, с. 13]. Деррида отмечает, что любой рассказ, – даже если он очень хорош и совершенен, – не сообщает нам правду. Он не открывает истину потому, что содержит частный, субъективный взгляд на вещи. Именно такой избирательности Деррида хочет избежать.

Во-вторых, «рационализация» [1, с. 13]. «*Осмыслить* – значит *рационализировать*. На специальном языке психоанализа это называется активной сверх-интерпретацией: благодаря ей порядок *post factum* привносится туда, где его первоначально не было» [1, с. 14]. Деррида отвергает логическую реконструкцию живого опыта памяти.

Третья причина, по которой автор не рискует предлагать читателю рассказ о путешествии «относится к специфике самого предмета» [1, с. 14]. «Интенсивный, богатый и насыщенный тип литературы», который Деррида определяет как «возвращение из СССР» ныне уже просто невозможен.

Почему? Потому ли, что в 1990 г. СССР практически перестал существовать как государство, а 1991 г. – полностью распался? Но тогда можно написать «Возвращение из России». Нет, – отвечает Деррида. СССР – это совсем другое дело. СССР – не географическое, а политическое понятие.

«Название СССР является единственным в мире названием государства, которое не содержит в себе какой-либо отсылки к местности или нации» [1, с. 15]. Даже США указывает на конкретное место на Земле – Америку, а Соединенное Королевство – на Великую Британию.

Да, название СССР – «чисто искусственное, техническое, концептуальное, абстрактное, конвенциональное и конституциональное название» [1, с. 15]. Однако за такой абстракцией скрывается уникальное место. «СССР – это имя государства – индивида» [1, с. 15], которое воплощает в себе мечту человека о счастливом будущем.

Жанр «возвращения из СССР» – особый тип литературы. «До Октябрьской революции не было ничего подобного, и этот жанр прекратит свое существование в ближайшее время: он станет невозможным после окончания борьбы и надежд, предвидений и дискуссий, повод к которым дала революция» [1, с. 15].

Чем было путешествие западных интеллектуалов в Москву? Во все не экзотикой или переменной места в духе современного туризма. Андре Жид, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Вальтер Беньямин, Луи Арагон, Рене Этьембль едут в СССР для того, чтобы обрести себя, открыть свою истинную человеческую природу.

Это путешествие – «поиск всеобщего», «идеала», «движение в сторону абсолютной культуры», «мечта об *интернационале*, реализованном за пределами речевой и языковой формы» [1, с. 38]. Оно было сродни паломничеству к святым местам, нахождению Земли Обетованной.

Андре Жид в 1936 г. писал: «В СССР совершался беспрецедентный эксперимент, наполнявший наши сердца надеждой, ... мы связывали с СССР будущее самой культуры» [2, с. 520-521]. «Всё, о чем мы мечтали, о чем помышляли, к чему стремились наши желания и чему мы готовы были отдать свои силы – всё было там» [2, с. 522].

В те годы СССР стал форпостом человеческой цивилизации. О нем говорили только в превосходной степени, как о чуде, сбывшейся мечте: «нигде, кроме как в СССР», «едва ли в какой-либо другой стране», «нет слов, чтобы выразить искреннее восхищение», «подлинный восторг», etc.

«Я не думаю, – писал Жид, – что где-нибудь ещё, кроме как в СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы» [2, с. 528-529]. «Едва ли в какой-либо другой стране можно встретить такую неподдельную искреннюю сердечность ... такую очаровательную молодежь» [2, с. 529].

Аналогично отзывались практически все литераторы. «Я хочу, – отмечает Деррида, – еще раз подчеркнуть в качестве сущностной черты жанра “возвращений из СССР”, то, что данные тексты рассказывают о чем-то совершенно ином, нежели поездка в конкретную страну с определенной культурой» [1, с. 38].

Конечно, СССР не был идеален. Сегодня его даже называют тоталитарной страной, обвиняя этом Сталина. Однако, по мнению Деррида, в геноциде и политических репрессиях виноват не «один» Сталин. Обвиняя «лишь» его, мы, фактически, снимаем всю ответственность с себя.

Деррида не отрицает ошибки и просчеты политики Сталина. «Мне, – продолжает он, – никогда не приходило в голову желание преуменьшить преступления, совершенные Сталиным и зло, причиненное явлением, которое сейчас непринужденно называют сталинизмом» [1, с. 38].

«Но нам необходимо проанализировать ту процедуру, благодаря которой вся ответственность оказалась отныне сконцентрированной в личности “папаши”, т. е. вымарана, заклята, объективирована, удержана на расстоянии и, тем самым, нейтрализована в теле деспота» [1, с. 38].

Почему же в злодеяниях оказался виновен «только» Сталин? Кто же объективирует деспотизм и сбрасывает всю вину на «одного» Сталина? Деррида полагает, что это делают современные «демократы» и «либералы» в двух политических лагерях – как в России, так и на Западе.

«Демократизм», который провозглашает перестройка в СССР или манифестирует Запад, Деррида считает весьма проблематичным. Заметим, что сомнение Деррида в демократическом характере перестройки относится к началу 1990 г., а не к более позднему времени, когда все снова «прозрели».

Действительно ли перестройка – это демократизация общества? «Что покрывает собой столь туманное слово “демократизация” со всеми инвестициями, которые в него вложены?» [1, с. 28]. За ним, по мнению философа, скрываются вестернизация и европоцентризм, экспансия западного образа мысли.

Интеллектуалы «ожидают от *перестройки*, что она выкует общество ... *по модели* западных парламентских демократий, либеральное в политическом и экономическом отношении» [1, с. 52], но на самом деле происходит навязывание западных ценностей, стандартов, взглядов на мир.

«Никто не знает – проницательно говорил Деррида в феврале 1990 г., – что есть, что значит и во что выльется *перестройка*. Ее природа, единство ее смысла, остаются предельно темными, в том числе для тех, кто считает себя решительными сторонниками перестройки (включая первого из них – Горбачева)» [1, с. 53].

Когда московские философы предложили Деррида назвать перестройку деконструкцией, то он скептически заметил: «Причина моей максимальной сдержанности по отношению к переводу слова “перестройка” термином “деконструкция” – это сущностная непроясненность, которая целиком отдает ее на откуп будущему» [1, с. 53].

Деррида признает, что многие западные политики и журналисты, приезжающие сегодня в СССР весьма самонадеянны. «Уверенные в знании того, *что есть демократия* или *какой демократия должна быть* ... они едут в СССР посмотреть: движется ли тамошнее общество в нашем направлении?», «принимает ли оно наши позиции и стандарты» [1, с. 52].

Западные эксперты и теоретики считают, что им известна реализованная модель демократии, что они знают абсолютную истину и могут объективно судить об СССР. «Именно это, – пишет Деррида, – я и называю самонадеянностью, которая представляет для нас серьезнейшую проблему» [1, с. 52].

Мы часто «предполагаем, что якобы здесь, на Западе, мы обладаем строгой моделью демократии, ее надежным опытом, ее законченным понятием и, самое главное, в порыве наивной эйфории или слишком расчетливой стратегии начинаем думать, что они ... должны стремиться быть похожими на нас, участвовать в великом либеральном процессе» [1, с. 27].

Одним словом, – резюмирует Деррида, – в настоящее время дискурс, доминирующий на Западе ... принимает форму вопроса: удастся ли этим людям, и если да, то какой ценой и как быстро, стать нам подобными?» [1, с. 52]. «Именно такого дискурса мне хотелось бы избежать» [1, с. 53].

Что же тогда Деррида думает об Октябрьской революции? Говорить о ней очень сложно. Сегодня коллапс интерпретаций вызывает к жизни то, что Деррида называет «феноменологическим мотивом»: в ситуации, где «любая эмпирия уже есть теория», нам остается «интерпретация самой вещи».

Очевидно, что Октябрьская революция, которая так много обещала людям, потерпела трагическое поражение. Но поражение здесь терпит не только революция, а нечто гораздо большее: разрушается извечная надежда человека на создание абсолютно нового, справедливого мира.

Деррида проводит строгое различие между неудачей и поражением. Есть поражение как свидетельство тупикового пути, как осознание его неверности. А есть иное поражение, когда понимают, что путь в целом – верный, а неудача вызвана частными, привходящими, сопутствующими обстоятельствами.

Какую же позицию занимает Деррида? Совсем не простую. С одной стороны, он признает насильственный характер революции как События, которое осуществляет разрыв между старым и новым порядком. С другой стороны, он не спешит предавать революцию анафеме,

ибо крах революции вовсе не равнозначен победе подлинной демократии.

Да, есть ошибки и недостатки Октябрьской революции. Однако «отдельные ошибки одной страны» несоизмеримы с «истиной всеобщего дела», которое воплощала эта страна в сингулярности своего имени, тела и места – «чисто политического, коммунистического имени» [1, с. 15].

Поражение Октябрьской революции – это, по сути, поражение великой надежды человечества обрести себя. Здесь Деррида очень близок к Ханне Арендт, которая называет «утраченным сокровищем» попытку человечества «найти себя», – «попытку, образующую содержание революции в отличие от простого бунта» [3, с. 267].

Деррида акцентирует огромный мировоззренческий смысл Октябрьской революции. Это – не просто политический переворот, а Событие, которое изменило ход истории, цивилизацию, человечество. Октябрьская революция по своей значимости для истории стоит намного выше, чем Великая Французская революция.

Размышляя об Октябрьской революции, Деррида предостерегает от поспешных выводов. Заблуждения и просчеты – «это, конечно, вещи известные, но анализ такого рода явлений находится пока далеко не на самом высоком уровне» [1, с. 27]. Несмотря на соблазн резких и провокативных оценок, мы должны проявлять критическую осторожность.

Аргументы и факты – еще не повод для окончательного вердикта. По мнению Деррида, «нам недостает не только тонких концептуальных орудий, но и более “общей”, “фундаментальной”, “радикальной” требовательности в том, что касается аксиоматики, которая может лечь в основу подобного анализа» [1, с. 27].

Таким образом, Деррида не считает путешествием свою частную поездку. Более того, он отказывается писать «книжку», удовлетворяющую вкус тех западных интеллектуалов, которые видят в «бархатных революциях» Восточной Европы свидетельство культурного события первой величины.

Деррида, безусловно, восхищается мирными революциями, идеологиями которых были Вацлав Гавел и Андрей Сахаров. Но вряд ли стоит видеть в их мирном характере превосходство над той далеко не мирной Революцией, которую Деррида, в отличие от событий в Восточной Европе и в СССР во время перестройки, именует с большой буквы.

Массовая спонтанность, называемая революцией, предполагает полную готовность к самопожертвованию, а не просто сговор или договор. Эта жертвенность присутствовала у лидеров демократических

движений конца 1980-х гг., но массам в целом она была чужда: люди не чувствовали, что происходит возвращение человечества к себе.

«Я мог бы попытаться, – подчеркивает Деррида, – составить последовательный анамнез своего путешествия в Москву – с того момента, как я начал понимать, что там происходит или что провозглашается под названием *перестройка*» [1, с. 56]. Но он категорически не хочет этого делать.

Деррида, как философ, принципиально не желает становиться на позицию лжепророка, «того, кто предвещает будущее и, тем самым, ослепляет себя самого, претендуя на *прозрачную интуицию присутствия, на видение и предвидение самой вещи, на созерцание самого референта*» [1, с. 56-57].

Есть также другие важные моменты, объясняющие сдержанность Деррида. Во-первых, теоретический нюанс: «бдительная рефлексия по поводу приведения в соответствие способа *изложения* (письма, текста, презентации) *присутствию* самой вещи в том виде, как она сама себе предстает. Это – то, что я назвал феноменологическим мотивом» [1, с. 57].

Во-вторых, практический нюанс: «сознание не дает представления о логике экономических фактов, составляющих инфраструктурный фундамент *текущего момента*, как не дают его *дух* и даже *культура*. Об этой конечной инстанции экономических фактов никто не имеет достаточного аналитического представления, даже сами русские» [1, с. 59].

И, вместе с тем, Деррида пишет свое «возвращение из СССР», понимая, что написать его невозможно. Почему же тогда пишет? «Да, потому, что в каком-то смысле, прямо или косвенно, у меня нет другого выбора» [1, с. 13]. Даже в ситуации *конца истории*, у нас нет иного выбора, кроме как *продолжать жить*, оставаясь, по возможности, людьми.

«Возвращаясь из СССР», Деррида не ставит цели «найти истину», «обрести мир» или «открыть человека». Однако философ также не замирает в отрешенном безмолвии. Деррида пишет о сложных проблемах в надежде, что его труд, обреченный на неудачу, будет все-таки отчасти удачным, полезным для рассуждения.

Литература

1. Деррида Ж. Back from Moscow, in the USSR // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия: сборник статей и интервью. М.: Культура, 1993. С. 13–81.
2. Жид А. Возвращение из СССР // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. М.: Московский рабочий, 1990. С. 520–562.
3. Arendt H. On Revolution. N.Y.: Penguin Books, 1990. 350 p.

Алехина Л.Л.

САМОМЕНЕДЖМЕНТ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматривается менеджмент как искусство управления людьми и самоменеджмент во времени и пространстве социальных и профессиональных взаимоотношений.

Ключевые слова: менеджмент, наука, искусство, управление людьми, самоменеджмент, тайм-менеджмент.

Aliokhina L.L.

SELF-MANAGEMENT IN TIME AND SPACE OF HUMAN INTERACTION

Abstract. This article discusses management as an art of managing people and self-management in time and space of social and professional relationships

Keywords: management, science, art, people management, self-management, time management.

В настоящее время все более очевидно, что менеджмент правомерно рассматривать не только как науку, но и в большей степени как искусство. Ни у кого не вызывает сомнений, что более ста лет менеджмент является важной социально и экономически значимой наукой, прошедшей долгий и противоречивый путь своего эволюционного развития. Кстати отметить, в России уже около тридцати лет существуют свои школы бизнеса, всевозможные управленческие курсы для менеджеров всех уровней. Вместе с тем, менеджмент является также искусством – искусством управления людьми и искусством самоуправления.

Любая сфера управленческой деятельности затрагивает кадровые вопросы, и чтобы грамотно и эффективно управлять, что означает правильно и рационально принимать организационные решения, следует не только обладать необходимыми знаниями и навыками своей профессиональной деятельности, но и развивать и совершенствовать психологию человеческих взаимоотношений. Ведь персонал является не только основным ресурсом организации, но и сложной и неоднозначной системой со своими навыками и умениями, потребностями и желаниями, потенциалом и мотивацией. Поэтому в вопросах социальных и профессиональных взаимоотношений существует подход, основанный на искус-

стве сочетания необходимых специальных знаний, интуиции и творческих стремлений.

Стратегическое управление персоналом знаменует собой новый этап в кадровом менеджменте. Его появление связано с вступлением общества в информационную стадию своего развития, превращением персонала и управления им в ключевой фактор успеха организации [1].

Отдельного внимания заслуживают вопросы самоменеджмента и тайм-менеджмента [2]. Базовые законы тайм-менеджмента в системе человеческого взаимодействия представлены в таблице 1.

Во времени и пространстве социальных и профессиональных взаимоотношений с точки зрения тайм-менеджмента можно обозначить шесть основных законов. Согласно закону С. Тейлора, не следует заниматься рутинной работой, если имеется прилив сил, бодрости и желание творить. Надо сразу приступать к важным проектам и работать достаточно упорно. Однако, когда энергия крайне низка, можно заняться нудными и неинтересными делами.

Таблица 1.

Базовые законы тайм-менеджмента в системе
человеческих взаимоотношений

Закон	Название
1. Закон Стива Тейлора	Порядок ваших действий сильно влияет на эффективность
2. Закон стагнации	При получении определённых результатов прирост эффективности снижается
3. Закон Генри Лаборита	У каждого человека есть склонность, талант, особенность делать то, что ему доставляет удовольствие
4. Закон неподдельного интереса	Чем выше твой интерес к какому-либо делу или занятию, тем быстрее течёт время
5. Закон Паркинсона	На любую работу тратится именно столько времени, сколько вы на неё отвели
6. Закон Паретто	20% ваших действий приносят 80% успешных результатов

Интерпретация второго закона (закона стагнации) предполагает, что не следует на начальном этапе работы при ее хорошем подъеме приостанавливаться и расслабляться. В противном случае возможен спад эффективности всякой деятельности. Так, остановка в работе невозможна, лучше стабильно двигаться к результату, что, в конечном счете, приведет к росту производительности и мотивации трудовой деятельности.

Закон Г. Лаборита предполагает, что в случае интересной работы, ее следует транслировать как любимое дело (занятие), и это приведет к достойной результативности труда. В случае же важной и необходимой

работы, хотя и не достаточно интересной, следует опираться на собственное упорство, идя по своему пути и к своей мечте.

Четвертый закон транслирует, что в процессе увлеченности не стоит впадать в крайности. Важно помнить о других сферах жизни и быть умеренным во всем.

В соответствии с законом Паркинсона необходимо четко соблюдать план действий и временные ограничения для увеличения своего коэффициента полезного действия, что будет способствовать росту количества сделанных дел и высвобождению времени.

И, наконец, закон Паретто гласит, что работа и дела, выполняемые в течение оставшихся 80% времени приводят только к 20% результатов. Однако эти 80% дел, которые выполняют многие люди практически охватывают активное время жизни. При этом 20% всех дел являются доминирующими и существенными в жизни человека. Важность данного момента заключается в их поиске, обозначении и выполнении.

Таким образом, пространство и время неумолимы. Смыслы и ценности меняются, а вопросы и ответы остаются прежними. В системе человеческого взаимодействия важно соблюдать принципы самоуправления и тайм-менеджмента, так как приведет к заметным положительным результатам и желанию двигаться дальше во времени и пространстве.

Литература

1. Пугачев В.П. Стратегическое управление человеческими ресурсами организации: учебное пособие / В.П. Пугачев, Н.Н. Опарина. М.: КНОРУС, 2016. 208 с.
2. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2014. 695 с.

Анчев С.И.

СОЗДАНИЕ МАРИОНЕТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ КАК ПОЛИТИКА, НАПРАВЛЕННАЯ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВИЯ, СЛАВЯНСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В течение длительного периода с восстановления балканской государственности в XIX в. до организованного извне распада балканских стран в конце XX и начале XXI вв. страны региона важны для политики Запада и России. В разные периоды они были разделены блоковыми системами, были поочерёдно в роли победителей и проигравших. Сегодня они идентифицируются как источник кризиса, а их политическая роль на международной арене – это роль протекторатов.

Ключевые слова: Балканы, Россия, США, НАТО, Косово, Босния и Герцеговина.

Anchev S.I.

THE CREATION OF PUPPET STATES AS A POLICY AIMED AGAINST ORTHODOXY, SLAVDOM AND NATIONAL IDENTITY

Abstract. Over a long period of recovery of the Balkan states – from XIX to orchestrated from outside disintegration of the Balkan countries – in the late twentieth and early twenty-first century, countries of the region are present in the policies of the West and Russia. In different periods they were separated from block systems, were in a position of winners and losers. Today they are identified as a source of crisis and their political role on the international scene is nothing more than countries protectorates.

Keywords: Balkans, Russia, the US, NATO, Kosovo, Bosnia and Herzegovina.

После завоевания Балкан турками-османами наступает конец существования целого ряда православных стран с увлекательной историей в средневековый период. В XIX веке, известном как «век национализма (национальных государств)», православные общества начинают своё восстановление. Этот процесс характеризуется активной русской политикой, которая сталкивается не только с противостоянием Османской империи, но с амбициями западных стран. В XIX веке создаются балканские национальные доктрины, которые позже оказывают сильное влияние на региональную политику.

Начало и конец XX в. наиболее динамичны по отношению к политическим процессам и переменами для балканских народов. В начале века были утверждены или отвергнуты объявленные национальные доктрины. Это происходит путём войны и дипломатического правления великих держав. Во многом Запад реализует свои идеи, заложенные ещё на Берлинском конгрессе 1878 г., связанные с противостоянием балканским государствам и снижением русского влияния на полуострове. В западной литературе и риторике Балканы определяются как «тёмные», а их народы – как носители национализма, постоянно воюющие между собой. На самом деле, это мнение глубоко неправильно. Его целью является демонизация региона, в котором живут православные славянские народы и где русская политика имеет определённый успех. Национальные конфликты между балканскими государствами выражаются только столкновениями. В отличие от европейского национализма (а сегодня и западного национализма в целом), который выражается в навязывании «нового мирового порядка», балканские страны занимаются сами собой. Нет в новой и новейшей истории события, которое показывает какую-либо балканскую страну в качестве завоевателя территорий за пределами полуострова. Что касается демонизации Балкан путём введения терминов, ставших эмблемой для региона: «пороховая бочка», «балканизация», «тёмные Балканы», то следует отметить, что не существует договора, определяющего границы балканских государств, который не создан или, по крайней мере, не утверждён западными великими державами; в XVIII и XIX вв. нет ни одного русско-турецкого договора, который не был изменён под диктовку Запада во вред как России, так и соответствующего балканского народа. И всё это делается против балканского православия, балканского славянства и определяемой этим национальной идентичности.

Во время двух мировых войн балканские страны участвовали в обоих военно-политических блоках. После окончания Первой мировой войны при созданной однополярной модели большинство балканских стран было на стороне победителей. Этот факт определил их политику в межвоенный период – поддержание послевоенного статус-кво. Вторая мировая война тоже разделила страны Балкан и в конечном счёте, все они оказались на стороне победителей. Это предопределено волей «большой тройки» - антигитлеровской коалиции, а также внутренними политическими изменениями в управлении балканских стран.

Однополюсная модель победителей продержалась всего шесть месяцев после окончания войны. Новое мировое противостояние в борьбе за ресурсы известно под названием «холодная война». После окончания Второй мировой войны военное и политическое напряже-

ние на Балканах остаётся надолго. Гражданская война в Греции в разной степени происходила при вовлечении Болгарии и Югославии до конца 1940-х гг. В тот же период, 28 июня 1948 г. Югославия была исключена из Коминформбюро. Этот раскол между И.В. Сталиным и И.Б. Тито стал удобным моментом для политического и экономического вмешательства США в дела Югославии. Тогда подготавливалась и создавалась очередная «Балканская Антанта» с участием Югославии, Турции и Греции. Эти события показывали намерения США в отношении разделения и противопоставления балканского православия и славянства, основываясь на идеологии сразу после начала «холодной войны» и введения доктрины Трумэна и плана Маршалла. После смерти И.В. Сталина отношения между Югославией и СССР стали не столь враждебны, но и не улучшались коренным образом.

После распада «Восточного блока», в результате усилий Запада и политики М.С. Горбачёва балканские страны постепенно попадают в положение стран в условиях кризиса. После 1989 г. нет разделения и принадлежности Балкан к двум разным блокам, как и идеологической конфронтации. На самом деле, видны амбиции США и их западных союзников насчёт освоения новых территорий в борьбе за ресурсы. Следует подчеркнуть, что процесс распада государств начался с национального и религиозного противопоставления общин в балканских странах. На передний план выходит национализм и идеологическое осуждение коммунизма. На самом деле коммунизм как социальная система нигде не существовал, но использование его в качестве политической угрозы дало свои результаты. В Болгарии этот процесс был связан с вдохновлённой с турецкой стороны кампании выселения населения, определяющее себя как турки. В западных районах Румынии существовал конфликт между венграми и румынами. Последовало свержение Н. Чаушеску. Чехословакия разделилась на Чехию и Словакию. Германия объединилась в одну страну. Начались процессы, связанные с разрушением Югославии, где вызванный экономический кризис привёл к политическим изменениям, межнациональному и религиозному противостоянию и гражданской войне. Менее чем за 20 лет на Балканах была создана мозаика из слабых, политически и экономически недееспособных и уязвимых в военном отношении стран. Несмотря на участие некоторых из них в ЕС и НАТО, они превратились в источник кризисов, в протектораты США с европейским участием или просто в несостоявшиеся государства.

Один из многих примеров управления извне, определяющий Боснию и Герцеговину (БиГ) как протекторат, - это Управление Высокого представительства (УВП), которое следит за осуществлением граждан-

ских аспектов Дейтонского соглашения 1995 г. УВП обладает широкими полномочиями вмешиваться в общественную и политическую жизнь страны. УВП может отзывать политиков за неспособность обеспечить соблюдение требований Дейтонского соглашения. Верховного представителя предлагает Управляющий совет Совета по применению мира (PIC) и одобряет Совет безопасности ООН. На самом деле БиГ – это искусственно созданное государство. Согласно одному социологическому исследованию, босняки определяются как атеисты по религиозным убеждениям и как мусульмане по национальной принадлежности. По всей вероятности, из-за этого после принятия решения в Дейтоне из Вашингтона объявили, «...что на Балканах было создано мусульманское государство Босния и Герцеговина». Возможно, из-за неудачного западного эксперимента не было громкого празднования с похвалами для американской политики во время 20-й годовщины создания этого несостоятельного государства.

Для имперских амбиций США создание государства – протектората в Южной Сербии это демонстрация силы перед Россией и возможность вмешательства в европейскую политику своих союзников. Наибольшим достоинством Республики Косово является её роль нарко-распределительного пункта идущего из Афганистана в Европу и США героина. Её быстрое, совершенное под давлением Вашингтона, массовое признание не привело к желаемым ожиданиям. На Балканах появилось ещё одно искусственное, недееспособное во всех отношениях государство протекторат. Создана ещё одна пороховая бочка, предназначенная взорвать мир на Балканах и в Европе. Сербии же придётся выбирать между компромиссом со своим национальным достоинством и её вступлением в ещё существующий ЕС.

Баранов А.В.

БАЛАНС ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ: ВЫБОР МЕЖДУ КОНФЛИКТОГЕННОСТЬЮ И МИРОСТРОИТЕЛЬСТВОМ

Аннотация. Определены политические факторы и проявления динамики баланса гражданской, региональной, этнических идентичностей в современном Крыму. Внимание сосредоточено на альтернативных тенденциях развития идентичности: их конфликте либо мирной сочетаемости.

Ключевые слова: идентичности, баланс, современный Крым, конфликтогенность, миростроительство, выбор.

Baranov A.V.

IDENTITIES' BALANCE IN THE CONTEMPORARY CRIMEA: CHOICE BETWEEN OF CONFLICT POTENTIAL AND PEACE- BUILDING

Abstract. The author determines the political factors and manifestations of the dynamics of civil, regional, ethnic identities' balance in the contemporary Crimea. Attention is focused on the alternative tendencies of identity development: its conflict or peaceful co-existence.

Keywords: identities, balance, contemporary Crimea, conflict potential, peace-building.

В условиях информационного общества идентичность региональных сообществ становится всё более неоднородной и динамичной. Крым – многосоставное сообщество, он развивается в ситуации фронта между западной, православной и исламской цивилизациями. В таких поликультурных регионах баланс национальной, региональной, этнических и конфессиональных идентичностей неустойчив и конфликтогенен. Но данная тенденция не фатальна, с ней конкурирует позитивная сочетаемость идентичностей.

Цель статьи – раскрыть факторы и проявления альтернатив развития гражданской, региональной, этнических идентичностей в современном Крыму (2014 – начало 2017 гг.). Статья выполнена на основе социального конструктивизма. Применена концепция социокультурных размежеваний, модель сложносоставной идентичности.

Важный фактор – взаимоусиление этнической и конфессиональной идентичности. Опрос, проведенный Украинским центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова в 2011 г. (выборка 2020 чел.), доказал, что 78,9% респондентов считали себя православными, 8,8% - мусульманами, по 5,2% назвали себя «просто христианами» или не отнесли себя ни к одному вероисповеданию [1, с. 28]. 97,8% татар считали себя мусульманами, а 85,1% украинцев и 84,9% русских – православными, судя по опросу 2008 г. [2, с. 4]. Этническая и конфессиональная идентичности совмещаются в высокой степени. Сложились три основных этнических сообщества, символические границы которых во многом совпадают также с маркерами религии и языка. Они имеют контрастное самосознание и по-разному оценивают российскую идентичность. Направленность и способы

коммуникации этнических сообществ определяются в большей мере повседневными практиками общения, вовлеченностью в сети обмена информацией, а не воздействием государственной политики.

Актуальные сведения о межэтнических восприятиях дал массовый опрос, проведенный ООО «Бизнес-сотрудничество-Юг» 14-31 марта 2015 г. Пропорциональная выборка составила 1600 чел. во всех муниципальных образованиях Республики Крым (погрешность не более 3,5%). Этнический состав респондентов близок пропорциям состава населения [3, с. 292-297, 305-331]. Оценка состояния межэтнических отношений наиболее позитивна среди болгар, армян, греков и русских, а относительно негативна среди крымских татар и украинцев. При ответе «Между какими этническими группами Крыма, на ваш взгляд, межнациональная напряженность наиболее выражена?» преобладает мнение: «нет таких групп» (37,6% во всей выборке). На втором месте – мнение о том, что наиболее выражена напряженность между русскими и крымскими татарами (30,3%); на третьем – мнение о напряженности между русскими и украинцами (17,6%) [3, с. 323]. Важны суждения респондентов об ущемлении их прав по сравнению с представителями других народов. Наиболее склонны признавать факты дискриминации по этническому признаку армяне (18,2% ответов) и крымские татары (12,9%) по сравнению с 3,2% русских, 9,1% греков и 9,5% украинцев [3, с. 323]. Представления этнических групп о конфликтных линиях выражены отчетливо и мало изменились за 2014 – начало 2015 гг.

Полезную информацию даёт анкетный опрос крымских татар, проведенный ВЦИОМ и Институтом социологии РАН в октябре 2015 г. Выборка исследования – 1200 чел. Крымские татары идентифицируют себя, прежде всего, как народ (81% ответов), жители Крыма (58%), мусульмане (51%). Среди опрошенных 16% назвали себя россиянами, в том числе среди поддержавших воссоединение Крыма с Россией – 36%. В сравнении подвыборок разных типов поселений (г. Симферополь, средние и малые города, сёла) очевидно: исламская идентичность наиболее важна для татар Симферополя (86% ответов), в селах её отметили 49%, а в средних и малых городах – 44% [4, с. 60, 62, 64, 65]. Те, кто считают веру одной из 2-3 самых важных для себя личных характеристик, менее довольны жизнью, чем считающие себя прежде всего жителем региона и гражданином России (соответственно, 66, 56 и 4% негативных оценок). Наиболее пессимистичную оценку своей жизни дают назвавшие себя, прежде всего, народом (87% ответов). Среди крымских татар – сторонников воссоединения

региона с РФ 36% считают важной для себя религиозную идентичность. Среди сторонников Украины таких 66%. Наиболее влиятельна религиозная самооценка для малоимущих слоёв респондентов и тех, чей статус снизился с 2014 г. [4, с. 66, 67]. Таким образом, риски конфликта идентичностей высоки и они сосредоточены в столице, что объяснимо борьбой за власть и относительной депривацией. Этническая и конфессиональная идентичности крымских татар имеют высокую степень сочетаемости, из них первична этническая.

Исследование подтвердило политизацию конфессиональной идентичности. Среди опрошенных 20% положительно оценивают свое проживание в религиозном государстве, а среди «практикующих» мусульман (соблюдающих все нормы) таких 33%. Террористическая организация ИГИЛ (Запрещена в Российской Федерации) осуждается большинством. Считают ошибкой участие в ИГИЛ 45%, преступлением против ислама – 29%. Лишь 2% опрошенных назвали участие в ИГИЛ джихадом, одоблив такие действия. Риски одобрения ИГИЛ несколько больше среди респондентов, совершивших хадж или намеренных его предпринять [4, с. 67].

Новейшие данные о балансе идентичностей в Крыму даёт опрос, проведённый Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель – июнь 2016 г., выборка 1101 чел.). Респонденты, в первую очередь, считают себя «гражданами России» (43,1%) и «жителями Крыма» (35,3%), «жителями планеты» (9,4%), «жителями города, района» (8,4%). Гражданами Украины признали себя 1,1%. В сравнении этнических групп считают себя, в первую очередь, гражданами России 52% русских, 28% украинцев и 8% крымских татар. Воспринимают себя, прежде всего, как жителей Крыма, 30% русских, 42% украинцев и 65% татар. Различия этнических групп в восприятии украинской и локальной идентичностей незначительны [5, с. 11-15]. Удельный вес респондентов, считающих себя в первую очередь гражданами России, в городах Крыма 47%, а в сельской местности – 38%. Региональной идентичности привержены в большей мере сельские жители (46%), а не горожане (28%). Степень оптимизма оценок политической ситуации в Крыму слабо различается по линии «русские – украинцы», но резко контрастна по оси «славяне – крымские татары». Удовлетворены положением дел в Крыму 44% татар и 70% респондентов всей выборки [5, с. 15, 25-27]. Отношение трех идентификационных групп к воссоединению с Россией также различается. Воссоединение поддерживают 96% русских, 84% украинцев и 46% крымских татар (среди последних 36% дали не-

определенные оценки) [5, с. 40-41]. Баланс идентичностей в каждой из основных этнических групп своеобразен, а регионализм противоречив: он может быть и резервом конструирования российской идентичности (среди русских и украинцев), и конфликтным противопоставлением последней (среди крымских татар).

Определены факторы баланса гражданской, региональной и этнических идентичностей в Крыму. К ним относятся: приграничное расположение региона в контактной зоне цивилизаций, историческая «тропа зависимости», незавершенность социокультурной интеграции постсоветских государств, взаимоусиление этнических, конфессиональных и географических размежеваний.

Региональное сообщество Крыма является многосоставным с сегментацией на русское, украинское и крымскотатарское сообщества. Но этнические, лингвистические и религиозные размежевания отчасти компенсируются, что сдерживает их конфликтность. Русская этническая идентичность крымчан своеобразна, но интегрирована в общерусскую идентичность. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Сложилась сложносоставная идентичность крымчан. Её разделяют не только русские, но и многие украинцы, белорусы, армяне, греки, представители других народов. В Крыму русское самосознание является основой региональной идентичности, смысловым «ядром» конструирования российской гражданской идентичности. Внутрорегиональные конфликты идентичности наиболее вероятны по линии «славяне – крымские татары». Необходима научно обоснованная стратегия реинтеграции Крыма и России на основе укрепления гражданской идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных сообществ. Ресурс её прочности – интеграция этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, создание механизмов демократического согласования и представительства интересов.

Литература

1. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4-5 (122-123). С. 27-39.
2. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. № 5 (109). С. 2-72.
3. Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.

4. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51-68.

5. Проект «Открытое мнение – Крым – 2016»: Краткий аналитический отчёт по итогам исследования. М., 2016. 45 с.

Баранов Н.А.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Аннотация. Информационная политика в России формируется под влиянием геополитических факторов, влияющих на национальную безопасность и авторитет страны в мире. В статье сделан акцент на документах, определяющих информационную политику в России.

Ключевые слова: геополитическое противоборство, гибридная война, информационная политика, информационная безопасность, информационное противоборство.

Baranov N.A.

INFORMATION POLICY OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF THE GEOPOLITICAL ANTAGONISM

Abstract. Information policy in Russia is formed under the influence of the geopolitical factors influencing national security and authority of the country on the world. In article the emphasis on the documents defining information policy in Russia is placed.

Keywords: geopolitical antagonism, hybrid war, information policy, information security, information antagonism.

В современных условиях высокую значимость приобретает деятельность государства в информационной сфере, включающую в себя совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных

отношений [3]. Значимость любого произошедшего события зависит, в первую очередь, от его интерпретации в средствах массовой информации. А если эта информация имеет политический подтекст, выгодный одним и не выгодный другим акторам мирового политического процесса, то возникает потребность в соответствующем объяснении событий. Поэтому информационная политика «как особая сфера жизнедеятельности людей, связанная с распространением информации в интересах государства и гражданского общества» [5, с. 103] занимает особое место в современном обществе.

Потребность в критическом осмыслении информационной политики связана с распространением гибридных войн, понимаемых в НАТО как тактики, при которой не используется открытое применение обычных военных средств и включающей в себя пропаганду и дезинформацию, методы экономического давления, а также тайное использование сил специального назначения [6]. Цели гибридной войны – полная или частичная дезинтеграция государства, качественное изменение его внутри- или внешнеполитического курса, замена государственного руководства на лояльные режимы, установление над страной внешнего идеологического и финансово-экономического контроля, ее хаотизация и подчинение диктату со стороны других государств или ТНК.

В условиях жесткого информационного противодействия использование различных информационных каналов на формирование альтернативной Западу точки зрения является не только оправданной, но и необходимой формой защиты национальных интересов России. Поэтому важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации в соответствии с новыми руководящими документами, принятыми в последние годы, является доведение до мировой общественности объективной информации о позиции России по основным международным проблемам, ее внешнеполитических инициативах и действиях, процессах и планах социально-экономического развития Российской Федерации, достижениях российской культуры и науки. В частности, об укреплении «позиций российских средств массовой информации и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве» говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 30 ноября 2016 г. Указом Президента России [8].

Информационное воздействие в XXI веке приобретает еще большую значимость, так как его направленность влияет на поведение большого количества людей, у которых под влиянием той или иной информации могут возникать потребности как конструктивного, так и

деструктивного характера, что существенным образом влияет на политическую ситуацию в стране и в мировом пространстве в целом. Недавно средства информационного воздействия называют информационным оружием, так как по своим разрушительным силам оно сопоставимо с обычными средствами вооружения, а иногда по своим последствиям превосходит их. В современном научном дискурсе под информационным оружием понимается «совокупность информации, а также специальных методов, устройств и средств манипуляции ею для скрытого воздействия на информационный ресурс противника с целью достижения поставленных целей и решения задач информационной борьбы (войны)» [7, с. 53].

В целях предотвращения угрозы такого воздействия Россия предпринимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам государственной, экономической и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, добивается выработки под эгидой ООН универсальных правил ответственного поведения государств в информационной сфере, в том числе посредством интернационализации на справедливой основе управления информационно-коммуникационной сетью Интернет.

Для решения задач информационной безопасности в рамках ООН по инициативе России в 2004 году была создана Группа правительственных экспертов для рассмотрения существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер для их устранения. Россия, являясь инициатором создания этой коллегиальной структуры, вносит существенный вклад в международное сотрудничество в области информационной безопасности. Так, Российская Федерация предложила на заседании Группы правительственных экспертов, которое состоится 23 июня 2017 г., рассмотреть концепцию проекта резолюции Генеральной ассамблеи ООН «Правила ответственного поведения государств в информационном пространстве в контексте международной безопасности» [2, с. 70], подтверждая, таким образом, свою ведущую роль в данной сфере.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации высказывается озабоченность тем, что «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических

целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [9]. В Стратегии отмечается, что появляются новые формы противоправной деятельности с использованием информационных коммуникационных и высоких технологий. В целях осуществления государственной и общественной безопасности совершенствуется система выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им; принимаются меры для повышения защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных спецслужб и пропагандистских структур.

В подтверждение опасений, высказанных в Стратегии, 23 ноября 2016 г. депутаты Европарламента одобрили резолюцию о противодействии антиевропейской пропаганде, которую, по их мнению, ведут Россия и исламистские террористические группировки. Для пропаганды, указывается в резолюции, «российское правительство использует широкий диапазон инструментов, включая ТВ-каналы, вещающие на разных языках (в том числе Russia Today), псевдоновостные агентства и мультимедийные сервисы (в том числе Sputnik), а также соцсети и интернет-троллей» [4]. Евросоюзу, подчеркивается в документе, необходимо более активно принимать меры по борьбе с дезинформацией и пропагандой, опасаясь ситуации, при которой, по мнению А. Анненкова, «побежденное государство как бы встраивается в общий алгоритм функционирования победителя и начинает обеспечивать его национальные интересы» [1, с. 126].

Агрессивная информационная политика, проводимая западными странами против России, вынуждает российское политическое руководство принимать адекватные меры, и прежде всего в концептуальном плане. 5 декабря 2016 г. Президентом России была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, представляющая собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере на основе анализа основных информационных угроз и оценки состояния информационной безопасности [3].

Таким образом, в условиях геополитического противоборства государств, связанного с формированием нового мирового порядка, Россия добивается объективного восприятия ее в мире, развивает собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, содействует усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую для этого государственную поддержку, активно участвует в международном

сотрудничестве в информационной сфере, принимает меры по противодействию угрозам своей информационной безопасности.

Литература

1. Анненков В. Информационно-психологическое противоборство: современные аспекты // Современный мир и геополитика / отв. ред. М.А. Неймарк. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2015. С. 116-126.
2. Бойко С. Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее // Международная жизнь. 2016. № 8.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 20.02. 2017).
4. Европарламент принял резолюцию против российской пропаганды. URL: <https://meduza.io/news/2016/11/23/evroparlament-prinyal-rezolyutsiyu-o-protivodeystvii-rossiyskoj-propagande> (дата обращения: 20.02.2017).
5. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2012. 542 с.
6. НАТО приняла стратегию против гибридных войн. 2 декабря 2015 г. URL: <https://newsland.com/user/4296735949/content/nato-priniala-strategiiu-protiv-quotgibridnykh-voynquot/4854888> (дата обращения: 20.02.2017).
7. Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия-Телеком, 2011. 264 с.
8. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 20.02.2017).
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 20.02.2017).

Бастина Т.Е.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ

Аннотация. Среди проблем межэтнического взаимодействия особое внимание привлекает вопрос о конструктивном диалоге культур – средстве национального развития и воспитания национальной гордости. Знание и соблюдение принципов и требований межкультурной политики, толерантность к другим культурам, их взаимопомощь

являются критериями, которых стоит придерживаться, чтобы не допускать конфликтов.

Ключевые слова: диалог культур, межэтническая толерантность, аккультурация, ассимиляция, трансккультурация.

Bastina T.Y.

THE DIALOG OF CULTURES IN INTERETHNIC INTERACTIONS

Abstract. Among the problems that are associated with interethnic interaction, attention is attracted to the question of constructive dialogue of cultures, which is a means of national development and nurturing national pride. Knowledge and adherence to the principles and requirements of inter-cultural policy, tolerance to other cultures, mutual aid, are the criteria that should adhere to in order to avoid conflicts.

Keywords: the dialogue of cultures, interethnic tolerance, acculturation, assimilation, transculturation.

Иследуя вопросы диалога культур, мы невольно вспоминаем миф о Вавилонской башне [1]. Легенда описывает времена, когда люди говорили на одном языке и все друг друга понимали. Но однажды им в голову пришел дерзкий замысел построить башню до самого неба и бросить вызов Богам. За это намерение Господь наказал их, разделив единый «праязык» на множество разных, а, следовательно, изменив и их культуру. Перестав понимать друг друга, люди породили распри, и строительство Вавилонской башни пришлось прекратить.

Сегодня эта легенда уже не кажется чем-то невообразимым. Наблюдаемый в наши дни повышенный интерес к вопросам культуры и сравнительно молодой науки, её изучающей – культурологии, которая ещё находится в состоянии становления, определяет научную новизну данного исследования. Кроме активных процессов определения собственной культуры, происходит поиск всевозможных форм взаимодействия представителей различных национальностей, общение и обмен опытом. Главным условием эффективной работы в этом направлении является конструктивный диалог культур, взаимоуважение к особенностям друг друга и межэтническая толерантность. Не без причины считается, что важнейшим элементом построения политических отношений между странами являются именно межкультурные коммуникации. Впрочем, учитывая нынешнюю небывалую тенденцию к миграции, расселению и смешению народов, государства становятся

многонациональными. В связи с чем диалог культур можно рассматривать как в пределах страны, так и в международном масштабе.

Но существует и противоположная сторона медали – кроме познавательных мотивов в изучении данного вопроса, наблюдаются тревожные тенденции к взаимообогащению собственной культуры опытом других – ненасильственная аккультурация, и, что более грустно, целенаправленное «растворение» поработанного этноса. В истории широко известны примеры радикальных форм взаимопроникновения – ассимиляции и менее конфликтной транскультурации.

Для начала следует различить понятия аккультурации и ассимиляции. Второе приводит к полной потере культуры одного народа при воздействии доминирующего. При этом аккультурация выступает началом процесса полной ассимиляции. Ярким образцом этнической ассимиляции, чаще всего происходящей путём завоевания или смешанных браков, может выступать «поглощение» южных славян Османской империей. В связи с чем последовали реформы в сфере культуры захваченного народа: образовались новые этнические группы, часть которых, потеряв собственную самобытность, калькировали обычаи, манеры поведения, стиль одежды, религиозные взгляды и прочие неотъемлемые части культуры завоевателей. Оставшаяся часть сберегла свои устои в решающей степени из-за сохраненного языка [2].

В наши дни примером незавершившейся ассимиляции может выступать трансформация двух рас в США. В связи с обострившейся популярностью в начале XIX века покупать рабов из Африки численность чёрного населения увеличилась в разы, чем было положено начало непримиримой до сих пор расовой дискриминации. Даже учитывая тот факт, что рабство было отменено 13-й поправкой к Конституции США в 1865 г., вопрос предоставления афроамериканцам прав, равных с белыми, оставался открытым долгое время. Но это дало толчок к тому, что к началу XX века значительно больше половины всех афроамериканцев были мулатами из-за заключения браков с белыми гражданами. К началу 1960-х гг. концепцию превосходства над некогда завоеванным народом официально удалось преодолеть, но и в наши дни данная проблема не решена в полной мере: сохраняются ущемление прав при приёме на работу, неравенство в медицинском обслуживании, существование районов, где обособленно проживает только чёрное население. Тем не менее, правительство страны старается показательно демонстрировать, что сегодня дискриминация не имеет места в США. Ни один современный блокбастер не обходится без положительного темнокожего героя, а 44-м президентом США в

2008 г. стал Барак Хуссейн Обама. И хотя его происхождение не имеет отношения к рабам, это – яркий пример того, что на словах и на деле политика государства значительно отличается [3].

Этническая транскulturация представляется менее разработанным, но широко используемым феноменом. Уже из анализа этимологии слова становится очевидным значение термина: приставка «транс» означает «по ту сторону». В данном контексте данное явление понимается как добровольное слияние или насильственное переселение некоего сформировавшегося типа культуры в иную этнокультурную среду. Причём в отличие от аккультурации, при которой есть однозначно доминирующая сторона, этот феномен предполагает постоянное нарушение устойчивого господства или подчинения. Рассматривая транскulturацию как тенденцию глобализирующегося мира, Гюльнар Касумова описывает феномен как «один из социокультурных рисков общества». Подобные межкультурные коммуникации хоть и увеличивают площадь для взаимодействия, но в непрерывном потоке инородных культур усиливается риск потери индивидуальных черт [4]. Образцом транскulturации выступает Куба, культура которой не единожды подвергалась преобразованиям и представляет напластование самых разнообразных элементов и эпох. В результате смешения культур Кубы, привезенных рабов Африки, влияния колонизаторов – Испании и США сформировалась новая культурная конфигурация, которая сейчас и представляет остров Свободы [5].

Также показательным фактором, иллюстрирующим процесс взаимодействия культур являются этно-языковые столкновения. В этом вопросе интересна работа С. Г. Тер-Минасовой, в которой описывается ряд примеров конфликтных ситуаций между различными этносами [6].

В частности, некая испанская фирма получила заказ от мексиканской на поставку огромной партии пробок для шампанского, однако, не зная национально-культурных особенностей, испанцы изготовили пробки бордового цвета. Сделка сорвалась, а дело всё в том, что выбранный цвет оказался цветом траура у мексиканцев.

Второй пример связан с тайскими студентами, обучающимися в Москве. Для них оказалась неприемлемой громкая и чёткая манера преподавания русской литературы, и они отказались посещать занятия в университете, объясняя это тем, что, по их мнению, преподаватель на них кричит.

Чрезвычайно интересен так называемый «подарочный» конфликт. Если в России считается обыденным часто и щедро делать презенты, то западные гости относятся к этому как к попытке подкупить или скрыть материальное благополучие. Известен случай, когда на

церемонии вручения дипломов американский педагог английского языка в МГУ в качестве прощального подарка на сцене преподнесла красиво запакованный унитаз. Очевидно, что в культуре нашей страны такой подарок совершенно не принято дарить, более того, это абсолютно неприемлемо.

Образцом литературного конфликта культур может служить пьеса «Гамлет» Шекспира, которую жители Западной Африки восприняли несколько иначе. Для них Клавдий – положительный персонаж, ведь культурный человек немедленно после смерти брата женится на его вдове. Призрак отца Гамлета остался за гранью понимания, а Гамлет поступил абсолютно правильно, убив Полония, так как в охотничьей культуре африканцев, услышав шорох и не получив человеческого ответа, там принято убивать источник опасности. Это ещё раз доказывает несовместимость некоторых представлений в разных культурах.

Подводя итоги, становится очевидной необходимость во избежание подобных конфликтов уделять особое внимание формированию и развитию культуры межнационального общения. Данный процесс предполагает деятельность, направленную на:

- популяризацию знаний о своей культуре и других культур на уровне осознания сходств и различий между своей и чужой;
- оценку людей разных этнических групп прежде всего с позиции общечеловеческих ценностей;
- пропаганду обучения уважению и терпимости к привычкам, взглядам и нормам жизни представителей чужих этнокультур;
- осознание значимости разнообразия культур и их равноценности;
- восприимчивость к нуждам людей других этнических групп, способность и готовность прийти к ним на помощь;
- стремление и способность к эффективному взаимодействию на основе взаимоуважения и диалога культур [7, с. 91].

Между тем существование любой культуры предполагает развитие, а для этого важно вести диалог, быть открытыми друг другу, уметь признавать права на отличие от других культур, уважать другую культуру. В результате такого межкультурного взаимодействия возможно снижение этноконфликтного потенциала.

Литература

1. Вавилонская башня // dnevnik-legend.ru: дневник легенд. URL: <http://dnevnik-legend.ru/vavilonskaya-bashnya> (дата обращения: 02.03.2017).
2. Этническая ассимиляция: примеры из истории // [LifeStories.com.ua](http://lifestories.com.ua): расскажи свою историю. 2016. URL: <http://lifestories.com.ua/blog/161...> (дата обращения: 02.03.2017).

3. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. 352 с.

4. Касумова Г.К. Транскультурация, как тенденция глобализирующего мира. Бакинский государственный университет. URL: <http://gisap.eu/ru/node/910> (дата обращения: 07.03.2017).

5. Глостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации: учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 251 с.

6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация (Учеб. пособие). М.: Слово/Slovo. 2000. 624 с.

7. Педагогика межнационального общения / под ред. Д.И. Латышиной. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2008. 168 с.

Безвербный В.А.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ МЕГАПОЛИСА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 15-36-70012 мол_а_мос)*

Аннотация. В статье показана динамика проявлений девиантного поведения в административных округах и районах г. Москвы. Рассмотрены тенденции роста преступности, алкоголизма, наркомании и суицидов среди населения города. Для выявления местностей Москвы, наиболее подверженных девиациям, автором разработана классификация районов города. Приведены данные социологического опроса населения Москвы, нацеленного на изучение социально-экономических и психологических факторов девиантного поведения.

Ключевые слова: девиации, девиантное поведение, Москва, административные округа и районы, преступность, алкоголизм, наркомания, суициды, урбанизация, городская среда.

Bezverbny V.A.

SOCIO-ECONOMIC AND PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE MOSCOW'S POPULATION DEVIANT BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF METROPOLIS EXPANDING

Abstract. The article shows the dynamics of deviant behavior in the administrative districts and areas of Moscow, considers growth rates of crimes, alcoholism, drug abuse and suicide among the city population. To identify the area's most prone to deviant behavior of Moscow, the author developed a classification of city areas. The data of the sociological survey of the Moscow population was reviewed, aimed at the study of the socio-economic and psychological factors of deviant behavior.

Keywords: deviation, deviant behavior, Moscow, administrative districts and areas, crime, alcoholism, drug addiction, suicide, urbanization, urban environment.

С точки зрения гуманитарных наук девиантным или отклоняющимся поведением (от лат. *deviatio* – отклонение) принято считать несоответствие поступков и действий индивида сложившимся в обществе нормам, ценностям, ожиданиям и установкам, что приводит к нарушениям формальных и неформальных общественных законов и становится причиной возникновения социального конфликта [3, с. 2].

Отдельный научный интерес представляет исследование важнейших причин и факторов девиантного поведения в современном обществе. Основные факторы девиантного поведения особенно сильно проявляют себя в условиях больших городов, т.е. в социальных средах, где с одной стороны ослаблен механизм социального контроля, с другой стороны, высок уровень социального неравенства и психологического дискомфорта [1]. В этой связи особый интерес и социальную значимость приобретает исследование динамики девиантного поведения в крупнейшем городе и столице России – Москве.

Рассматривая динамику заболеваемости населения Москвы алкоголизмом, наркоманией и психическим расстройствами можно также отметить как положительные, так и негативные тенденции. Например, заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами на 100 тыс. населения в 2010–2014 гг. снизилась на 32,8%, заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом психического расстройства и расстройствами поведения на 100 тыс. населения сократилась на 30,4%. В то же время показатель заболеваемости населения с впервые в жизни установленным диагнозом наркомании на 100 тыс. чел. увели-

чился на 27,9% [6]. Необходимо отметить тенденцию к сокращению числа самоубийств среди жителей Москвы. С 2011 по 2015 гг. показатель совершенных суицидов уменьшился с 5,5 до 4,3 самоубийств в расчете на 100 000 населения, что при среднероссийском значении – 17,1 делает Москву одним из наименее подверженных суицидам городов России.

В то же время большую тревогу вызывают тенденции роста преступности в столице. По данным МВД России в 2015 г. в Москве зарегистрировано 195 239 преступлений, что на 6,8% больше чем в 2014 г. При снижении числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений на 1,2% в 2014–2015 гг., наблюдалось увеличение преступлений по ч. 4, ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, на 14%, а также числа зарегистрированных преступлений средней и небольшой тяжести – на 9% и 11% соответственно [5]. Кроме того, в Москве наметились устойчивые тренды значительной дифференциации округов и районов города по уровню преступности. Так, можно выделить четыре группы округов города:

1-я группа – округа с очень высоким уровнем преступности (Центральный АО – 261 преступление на 10 тыс. чел., Троицкий и Новомосковский АО – 217 преступлений на 10 тыс. чел.).

2-я группа – округа с высоким уровнем преступности (Юго-Восточный АО – 174 преступления на 10 тыс. чел., Северный АО – 172 преступления на 10 тыс. чел.).

3-я группа – округа со средним уровнем преступности (Южный АО – 155 преступлений на 10 тыс. чел., Восточный АО – 150 преступлений на 10 тыс. чел., Зеленоградский АО – 149 преступлений на 10 тыс. чел., Северо-Западный АО – 142 преступления на 10 тыс. чел.).

4-я группа – Западный АО – 136 преступлений на 10 тыс. чел., Северо-Восточный АО – 134 преступления на 10 тыс. чел., Юго-Западный АО – 127 преступлений на 10 тыс. чел.).

Наиболее высокий прирост зарегистрированных преступлений в период с 2014 по 2015 гг. произошел в Западном АО – 15,8%, Троицком и Новомосковском АО – 13,7%, Южном АО – 12,3%.

Рассматривая уровень преступности Москвы в районном разрезе, необходимо отметить, что из 10 наиболее криминальных районов города 6 приходятся на Центральный АО. В их числе: Красносельский район – 406 преступлений на 10 тыс. чел., Якиманка – 338 преступлений на 10 тыс. чел., Замоскворечье – 309 преступлений на 10 тыс. чел., Арбат – 302 преступлений на 10 тыс. чел. (данные за 2014 г.), Мещанский – 297 на 10 тыс. чел. (данные за 2014 г.), Тверской – 297 на 10

тыс. чел. (данные за 2014 г.). Также в число самых криминальных районов входят: Молжаниновский район (САО, данные за 2014 г.) – 388 преступлений на 10 тыс. чел., Даниловский (ЮАО) – 323 преступления на 10 тыс. чел., Донской (ЮАО, данные за 2014 г.) – 301 преступление на 10 тыс. чел., Левобережный (САО) – 274 преступления на 10 тыс. чел.

Центральный административный округ (ЦАО) является не только самым криминальным из 12 округов Москвы, но и отличается высокой динамикой роста численности преступлений в сравнении с 2015 г. (+10,8%). По данным Управления внутренних дел по Центральному административному округу основными причинами увеличения общего числа преступлений являются: рост преступлений экономической направленности (+34,4%); умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших смерть (+50%); случаев незаконного оборота наркотиков (+15,1%) и оружия (+18,3%); организации притонов для занятия проституцией (+29%); случаев организации незаконной миграции (+171,3%). В сравнении с 2014 г. количество преступлений, совершенных в общественных местах увеличилось на 30% (с 9798 до 12745), а уличная преступность – на 6,3% (с 5575 до 5927). В течение 2015 г. выявлено 1629 преступлений (+15,9%), связанных с незаконным оборотом наркотических средств (за 2014 г. – 1405). В тоже время снизилось количество убийств (-23,7%), фактов причинения тяжкого вреда здоровью (-8,3%).

Для более глубокого изучения факторов девиантного поведения населения Москвы автором при участии компании Tiburon Research проведен дистанционный опрос населения в районах и округах Москвы. Применялся метод интернет-опроса и самозаполнения анкет. Целевую аудиторию составили жители Москвы 16-65 лет, непрерывно проживающие в городе и районе более 3-х лет. Основное внимание было уделено Центральному АО, Восточному АО и Южному АО. В результате было опрошено более 300 человек с высокой степенью репрезентативности и 95% доверительным интервалом. Полученные данные позволили выяснить, что более 30% опрошенных жителей Центрального округа оценили уровень жизни в районе проживания как очень высокий, более 37% опрошенных также высказались, что ЦАО отличается высоким и очень высоким уровнем социального неравенства, при этом в Центральном районе оказалось меньше респондентов чем в ВАО и ЮАО, которые при ответе на вопросы о комфортности проживания выбрали варианты – «очень комфортно» и «вполне комфортно». В тоже время подавляющее большинство респондентов отметили, что для наиболее актуальных проблем для них является: пло-

хая экология (57,5%), шум от транспорта и городской инфраструктуры (57%), наличие бродяг и лиц без определенного места жительства (41,3%). Также большинство жителей ЦАО ответили, что в первую очередь необходимо организовать и улучшить работу полиции, бороться с наркоманией и алкоголизмом, решить проблемы нелегальных мигрантов и др.

Таким образом, можно сказать, что главными факторами высокого уровня девиантного поведения населения Центрального АО являются: высокий уровень социального неравенства, нахождением на территории районов крупных транспортных узлов и вокзалов, большее количество нелегальных мигрантов и бродяг, неэффективная работа полиции, широкая продажа алкоголя и наркотиков, решить проблему точечной застройки.

Литература

1. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 520 с.
2. Клейберг Ю.А. Девиантология: схемы, таблицы, комментарии. Учебное пособие. М.: НОУ ВПО «МПСУ», 2014. 152 с.
3. Майсак Н. В. Матрица социальных девиаций: классификация типов и видов девиантного поведения // Современные проблемы науки и образования. 2010. Вып. 4. С. 78-86.
4. Официальный сайт ГУ МВД России по г. Москве. URL: <https://77.mvd.rf> (дата обращения: 08.11.2016).
5. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 04.11.2016).

Беспалова Т.В.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка снять распространённую методологическую проблему – неготовность исследователей воспринимать память вне метафорического концепта. Это проблема взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти, субъективации и объективации воспоминаний. Проблема политики памяти и забвения касается конструирования общего прошлого на основе исторически сложившихся в обществе ценностей. Научной новизной работы вы-

ступает обоснование понятий «народная» и «национальная» память в российской теории нациестроительства.

Ключевые слова: память, забвение, нация, народ, глубинная память народа, народная память, историческая память, культурная память, национальная память.

Bespalova T.V.

THE POLICY OF MEMORY AND OBLIVION IN MODERN RUSSIA: THE PROBLEM OF METHODOLOGY

Abstract. The article deals with an attempt to remove the widespread methodological problem – the unavailability of researchers to perceive memory outside the metaphorical concept. This one is the problem of interaction of individual and collective memory, of subjectification and objectification of memories. In a meaningful way, the problem of the policy of memory and oblivion concerns the construction of a common past on the basis of historically established values in society. The scientific novelty of the work is the substantiation of the concepts of "people's" and "national" memory in the Russian theory of nation-building.

Keywords: memory, oblivion, nation, people, people's deep memory, people's memory, historical memory, cultural memory, national memory.

Явление памяти многогранно. Две основные парадигмы в осмыслении памяти заданы в работах Платона (памяти как «вечной души») и Аристотеля (памяти как «восковой таблички») – это, в первом случае, надвременность памяти и, во втором – взаимосвязь памяти с жизнью индивида и границами определённого времени. История философии представляет собой чередование парадигм памяти в различные культурные эпохи. Социально-исторические и религиозные аспекты памяти начинают изучаться в эпоху Средневековья и Ренессанса. В Новое время «память» и «душа» были разведены соответственно в область науки и религии. Десакрализация коснулась и феномена памяти, которая отчасти утрачивает свой онтологический статус, приобретённый ранее.

Изучение памяти (исторической памяти) в современной научной традиции имеет одну распространённую методологическую проблему – неготовность исследователей воспринимать память вне метафорического концепта. Эта проблема взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти, субъективации и объективации воспоминаний.

Историческая память и национальная идентичность представляют собой два проблемных поля, которые не мыслимы друг без друга.

Проблему исторической памяти (как и проблему национальной идентичности) представляется возможным осмыслить в рамках трёх подходов: примордиализма, конструктивизма, инструментализма – память как реальность, конструкт и технология конструирования национальной идентичности.

Историческая память как объективная реальность связана с особым освоением прошлого, признанием объективности исторического факта как такового (ориентацией на эмпирический материал, его «живое» припоминание). Память обладает онтологическим статусом, независимо от культурных эпох и смены парадигм памяти. У нации появляется целый набор устойчивых общих воспоминаний в отношении событий, фигур истории, символов, образов России, которые передаются из поколения в поколение через социальные практики – образовательные, культурные, религиозные. «Национальная (народная) память» сохраняет то, что должно жить, вопреки всему.

Память как конструкт не входит (во всяком случае, не всегда) в противоречие с «живой» народной памятью, дополняя её сюжеты необходимым для конкретного исторического и политического времени организованным припоминанием или забыванием тех или иных исторических событий. Конструирование определённых воспоминаний связано с преданием забвению исторических событий, разрушающих целостность национальной общности. Таким образом, историческая память конструируется с опорой на огромное количество объективных исторических фактов, их распространённую интерпретацию, однако окончательное содержание организованной памяти должно соответствовать историческим запросам времени и политическим целям. Особую роль в конструировании культурной, исторической, в целом, национальной памяти играют мифы. Память формирует лояльность к власти. Культура памяти полностью не востребована, актуальной является лишь та её часть, которая важна для поддержания культурных различий и ограничений в обществе.

Инструменталистский подход (память как технология) предполагает субъективацию памяти, её использование для достижения жизненно важных целей или собственной выгоды отдельными группами. Организация памяти оказывается связанной с манипуляциями в отношении исторического прошлого, когда историческая ложь превращается в историческую правду. Наиболее эффективным механизмом формирования идентичности становится организованное забвение (историческое заблуждение), нежели воспоминание. Функциональная

роль памяти важнее её онтологического статуса. Однако, подобное использование памяти имеет ограничение «рамками памяти» (временными и пространственными).

Все три подхода востребованы в научном исследовании, когда целью является изучение целостного представления о памяти, её типологии, припоминания/забывания.

Однако, чаще исследователи памяти упрощают методологическую проблему, осуществляя выбор между примордиалистским и модернистским (конструктивистским) подходами.

Нация как культурно-историческая общность не может быть сведена только к территории, экономике и политике, огромное значение имеет её духовное измерение. Э. Ренан отмечал незначительность политических и экономических интересов, для истинного понимания нации важна эмоциональность. Ренан обращается к метафорике: нации необходимо не только «тело», но и «душа». «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна — в прошлом, другая – в будущем. Одна – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая – общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством».

Философский подход к проблеме памяти обосновывает её онтологический статус и причины его изменения, сущностные характеристики памяти, социокультурные и религиозные аспекты.

В российской теории нациестроительства понятия «нация» и «народ» очень близки, часто в научных исследованиях речь идёт национальном самосознании и «народной памяти». В отечественной философской мысли идеи, близкие к концепции памяти Э. Ренана, были выражены в работах П.Я. Чаадаева (о «глубинной памяти народа»), П.А. Флоренского, С.Л. Франка и др. (о целостности духовной и душевной жизни) и многих других.

Термин «память» в последние годы двадцатого века начал активно использоваться для обозначения массовых или групповых представлений о прошлом (историческое сознание) в различных словосочетаниях – коллективная память, социальная память, политическая память, культурная память, историческая память и т.д.

Постоянство наших жизненных отношений во многом определяется сжатием/расширением времени (особым восприятием настоящего), когда усиливается или ослабевает потребность человека в восстановлении связи с прошлым. В период трансформации общества время сжимается, сокращается расстояние между временными интервалами, «прошлое» предстаёт ближе, чем в периоды стабильности.

Повышенный интерес к памяти как социальным представлениям о прошлом имеет разные причины: внимание к воспоминаниям участников и жертв величайших трагедий двадцатого века – вторая мировая война, этнический и политический геноцид, репрессии; юбилейные и мемориальные поводы; борьба за групповые и политические интересы, включающая в себя нужные образы прошлого и т.д. [3, с. 403-405]

В концептуальном плане общепризнанным стало положение о том, что прошлое – это конструкция, которая возводится в настоящем (это не то, как было на самом деле) и является объектом манипулятивных технологий властной элиты, представляющих гражданам удобный для неё образ и форму прошлого в рамках исторического сознания.

В данном контексте заслуживает внимания концепция коллективной памяти М. Хальбвакса, который в своих работах первой половины двадцатого века «Социальные рамки памяти», «Легендарная евангельская типография Святой земли: этюд о коллективной памяти», «Коллективная память» показал, что источником воспоминаний (в том числе и личных) является социальная среда, которая ограничивает и упорядочивает воспоминания в пространстве и времени, формируя при этом сложные образы, возникающие только через коммуникацию и взаимодействие в рамках социальных групп. Хальбвакс обращает внимание не только на содержание воспоминаний, но и на сам процесс припоминания, который сам по себе историчен и, по сути, создаёт историю памяти.

Субъектом памяти и воспоминаний является коллектив, обладающий коллективной психикой (разум, рассудок, эмоции, память), групповой памятью и памятью нации (статьи «Коллективная психология рассудочной деятельности», «Индивидуальное сознание и коллективный разум», «Выражение эмоций и общество») [5, с. 10-25].

Следует согласиться с оценкой данного подхода как способа антропоморфизации коллективного субъекта памяти путём наделения социальных коллективов и групп чертами индивидуальной личности и переноса на массовое сознание понятий из психоанализа начала двадцатого века (травма и т.п.), различных психических расстройств (амнезия – потеря памяти, гипермнезия – навязчивая память и т.д.).

Речь должна идти в лучшем случае о метафоричности понятий, поскольку память является лишь одним из элементов когнитивной системы (что известно любому современному психологу) и имеет такое же отношение и к представлениям о настоящем и будущем [3, с. 406].

Концепт «историческая память» имеет разные трактовки, систематизированные Л.П. Репиной: как «коллективная память» о прошлом

в случае группового субъекта и как «социальная память», если речь идёт об обществе; как индивидуальная память о прошлом; как совокупность представлений о социальном прошлом на массовом и индивидуальном уровнях в единстве когнитивного, образного и эмоционального аспектов (содержание исторической памяти); как минимальный набор основных образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной и текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти [2].

Критическая оценка данного понятия также связана с его метафоричностью, поскольку исторические знания запечатлены в текстах и других материальных носителях, а память – это способность индивидуальной психики.

Заслуживает внимания концептуализация исторической памяти и политики памяти, представленная И.В. Савельевой и А.В. Полетаевым. Историческая память является главным символом политизации истории как идеологическое клише, поскольку, по сути, речь идёт о социальных представлениях о прошлом. Идеологический характер понятия «историческая память» подтверждается его неразрывной во многих случаях связью с понятием «политика памяти». Политика указывает на то, что речь идёт либо об изучении способов идеологизации прошлого, либо о самом процессе идеологизации знания о прошлом.

Во все времена власти всегда были заинтересованы в создании «правильного» образа прошлого путём уничтожения сведений о каких-то людях и событиях или их актуализации и героизации. Не вызывает сомнений утверждение о том, что все идеологические системы, по мнению указанных авторов, признают как аксиому возможность и даже необходимость изменения обстоятельств, которые институционализируют социальную реальность, если предметно воздействовать на содержание исторического сознания [3, с. 410].

Включение историков в обсуждение проблемы исторической памяти и политики памяти в современном обществе существенно меняет представление о функциях истории. Если с XIX века история в основном обеспечивала социально-групповую идентификацию – национальную, партийную и т.п., то в XX веке и далее функция идентификации должна реализоваться и на уровне массовых представлений о прошлом. Другими словами, профессиональные историки оказываются включёнными в создание альянсов «власти и памяти», «власти и забвения», занимаясь не только производством научного знания, но и массовой исторической памятью о прошлом.

В содержательном плане проблема исторической памяти и политики памяти касается конструирования общего прошлого на основе

общих правил и ценностей, заключённого в разных практиках: в организации документальной базы, актуализации античного и средневекового наследия, «изобретении традиций», историософских конструкциях развития человечества, партийно-политических интерпретациях истории, в организации массового исторического образования, монументальной пропаганде и т.д. [3, с. 411-412].

Историческая память в контексте политики памяти интерпретируется историками как функция власти, определяющей, как следует представлять прошлое, что связано со сменой предметной области исторических исследований (переключение с идеологически насыщенных текстов на пропагандистские образы и символы, с политической истории на культурную политику). Власть при этом определяет, какое прошлое достойно сохранения, а какое – забвения, что делит политику памяти на два блока (политика запоминания и политика забвения), взаимосвязанных между собой.

И.М. Савельева и А.В. Полетаев подчёркивают, что политика памяти, прежде всего, связана с государственным влиянием на облик исторического знания и сознания по следующим направлениям:

а) прямое государственное вмешательство в содержание исторического знания (официальной историографии). К примеру, во Франции при Наполеоне I исторические сочинения курировало Министерство внутренних дел и полиции, а историки по статусу считались государственными служащими;

б) формирование государственной политики памяти в системе школьного образования, в рамках которой познавательная функция истории переплетается с функциями воспитания и идентификации под прямым контролем первых лиц государства содержания учебников истории;

в) общая культурная политика государства – охрана художественных ценностей, поддержка определённых направлений в искусстве, установка памятников и мемориальных досок и т.д. проводится целенаправленно под контролем государства;

г) политика забвения, направленная на сознательное уничтожение памятников, религиозных реликвий, книг и т.п. Яркий пример – Великая Французская революция (уничтожение всего, что напоминало о феодальном режиме в республике) [3, с. 413-417].

К проблематике политики памяти примыкает и тема традиции, актуализирующая объекты, процессы и способы социокультурного наследования. Заслуживает внимания в данном контексте позиция Э. Гидденса:

1. Идея традиции – порождение Нового времени. Все традиции, по мнению автора, являются выдуманными. В любых традициях присутствует элемент власти. Традиции не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому и внезапному изменению и трансформации. Они всё время изобретаются заново. Традиций «в чистом виде» не бывает. Традиции неизменно являются принадлежностью группы, сообщества, коллектива. Отличительные характеристики традиции – это ритуальность и повторяемость.

2. Любое общество нуждается в традициях, они необходимы и будут существовать всегда, они придают жизни преемственность и форму. Традиции можно отстаивать нетрадиционным способом – в этом их будущее. Автор подчеркивает, что традиции будут и далее поддерживаться настолько, насколько они реально оправданы.

По мере того, как роль традиции меняется, наша жизнь приобретает новую динамику, которую автор определяет как дилемму между свободой действий и зависимостью, с одной стороны, и между космополитизмом и фундаментализмом – с другой [1, с. 53-67].

Е.Г. Соколов отмечает, что традиции образуют «коллективную память» общества и культуры, к которым обращаются из поколения в поколение члены той или иной социальной группы, что обеспечивает самотождественность как отдельных индивидов, так и целых сообществ. Традиция выступает формой коллективного опыта и означает факт наследования. Через неё индивид подключается к групповой памяти, укореняется в прошлом, что позволяет ему ориентироваться в настоящем.

Консерватизм, по сравнению с традицией, озабочен неукоснительным воспроизведением, в идеале сохранением аутентичности первичных форм, наделённых непререкаемым авторитетом истинности в общем символическом порядке культурного образования.

Традиция более мобильна, радуется за сохранение «сути» или «духа» практикуемой культурной модели. Культуры, ориентированные на традиции, могут быть консервативными (с очень сильным акцентом на сохранение незыблемости однажды утверждённых в качестве истинно подлинных репрезентативных форм-явлений (моделей)) и неконсервативными, спокойно воспринимающими формальные нововведения, не отвергающие культурно-исторический опыт и не нарушающие линию преемственного наследования [4, с. 225-245].

Культурная стратегия государства как переход от одной модели к другой происходит путём существенной как формальной, так и смысловой перекодировки всей культурной наличности – возрождение исконных российских культурных ценностей.

Что это такое? Сложность заключается в том, что достаточно развёрнутой и убедительной номенклатурной фиксации этих ценностей пока не существует.

Культурная реальность на самом деле не содержит в современной России черт традиционности и консерватизма, она перекодируется в рамках инновационных тенденций, форм и методов конструирования, принятых во всём цивилизованном мире и в этот процесс вовлечено большинство населения.

Литература

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет жизнь. М., 2004.
2. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.
3. Савельева И.М. Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006.
4. Соколов Е.Г. Консервативные тенденции в современной российской культуре // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России. СПб., 2004.
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 40-41.

Бойчук С.С.

ВЫЗОВ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: РУССКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ОТВЕТОВ

Аннотация. Статья посвящена феномену культурной идентичности. Автор пытается показать особенности и тупики дискурса поиска русской национальной идеи в европейском контексте.

Ключевые слова: культурная идентичность, национальная идея, «русская идея».

Boychuk S.S.

THE CHALLENGE OF CULTURAL IDENTITY AND SEARCH NATIONAL IDEA: THE RUSSIAN QUESTION IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN ANSWERS

Abstract. The article deals with phenomena of the cultural identity. Author tries to show the features and dead ends of search process of the Russian national idea in the European context.

Keywords: cultural identity, national idea, «Russian idea».

Экономический – или даже, скорее, крайне упрощенно понятый монетарный – дискурс 90-х годов прошлого века сменился беседами о духовности и вечных смыслах: очереди переместились в картинные галереи созерцать творения Бакста и Серова, а вместе с ними и вся оставшаяся культура обрела новое дыхание и, словно сбросив ярмо, птицей-тройкой помчалась ввысь. Рожденный несдерживаемой фантазией и пиратской предприимчивостью мираж под названием «российский рынок» аккуратно по-английски исчез, оставив после себя зияющие пустоты необналиченных ценностей. Бодрые капиталистические лозунги и первобытные практики в экстренном порядке были заменены особой автохтонной версией культурологии, уходящей своими корнями не в структурную антропологию и полевые исследования, а в трактирные беседы *sub species aeternitatis*.

Особая реальность, творимая в полутьме данного российского эквивалента агоры, самоотверженно из века в век сохраняла фундаментальные мифологические структуры спасительной истины от солнца рефлексии. Заняв все пространство культуры и вытеснив все разнообразие расписных портиков, академий и ликеев, русский трактир с забытой на столе привезенной из Европы философской книжкой, создал традицию мысли и задал порядок проклятых вопросов о последних основаниях при полном невежестве в отношении предпоследних и, тем более, ближайших насущных вызовов. Эта атмосфера нетрезвого сознания, словно мушка вокруг лампочки, наматывающего безумные круги над сложными конструктами и концептами не оставляла ни малейшего шанса попыткам говорить и мыслить вне чар сна.

Именно постоянное место угощений и симпозионов русских мальчиков благодаря суровому климату просторов и широте души их обитателей не только стал единственно возможным пространством свободного диалога, переходящего в изысканные интеллектуальные спекуляции, но и сформировал особую гносеологическую и экзистен-

циальную стратегию. Среди многочисленных достоинств/недостатков последней – сумбурность рассуждений, срывающихся в тональность пьяных выкриков, навязчивые повторения и пришепетывания заплетающегося разума. Пропитанная духами и туманами, поэтика национальной модели познания принципиально отрицала противопоставление доксы эпистеме и с легкостью принимала проходящую мимо очередную незнакомку за пустынно-гностическую Софию Ахамот.

Сочетание этих элементов в сложных алхимических пропорциях сформировало особый жанр «русских разговоров» о пределах и истоках собственной культуры как последней онтологической реальности. Особую пикантность беседам о судьбах придавал тот факт, что все главные участники, научившись разыгрывать пару банальных мелодий на первой попавшейся метафизике, пытались внедрить плохо понятые умозаключения любого прочитанного текста в реальность за окном. Начиная от разночинных метаний от Гегеля к Конту через сумбур лихолетья бердяевщины и богоискательства опытным путем до невнятных выкриков современных писателей-ратоборцев, дискурсивное поле бесед на тему загадочной русской души и особого пути измерялось преимущественно степенью мармеладовского надрыва и громкостью крика.

Очередным моментом вечного возвращения к беседам в поэтике питейных заведений стала мечта об экзистенциальном драйве потерявшегося в чаще абстрактных правд человека эпохи развитого постмодерна. Многолетняя нехватка ощущения легкости бытия от эмоциональной вовлеченности в большие проекты фиксировалась неоднократно. Легенда о заказе времен Ельцина на создание национальной идеи и не столько историческое, а, скорее, агиографическое откровение В. Библихина о том, что загадочные лица, именуемые им как «военные политические стратеги» вынашивали планы «скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение армии православие» ещё в 1970-е гг. свидетельствуют о неутоленной жажде и очерчивают поле значений новых/вечных поисков черной кошки национальной судьбы в неосвященных углах трактиров.

Выход из этой платоновской пещеры, освобождение от власти теней и агрессивных идолов неминуемо предполагает отрезвление посредством обращения к социологическому и историческому знанию. Если первое позволит преодолеть ложные онтологии идентичности, то второе развеет иллюзии уникальности, и таким образом откроет верную мыслительную перспективу и создаст условия для обретения нужной точки опоры.

На современном этапе ведущим фактором, формирующим пространство дискурса российской идентичности, выступают попытки преодолеть последствия очередного фиаско большого экзистенциального проекта культуры, строящей свой мир в качестве дома вселенской истины. Бытие перед лицом предельных ценностей и высших смыслов, объявленные альфой и омегой осуществления себя в историческом становлении, в 1990-х гг. обрушилось в ничто. Вместе с тем, нет ни малейших оснований видеть в развале советской идентичности уникальное историческое событие, ведь XX век оказался свидетелем крушения нескольких крупных идей, поставивших под сомнение структуры и ценности многих культурных ойкумен.

Прежде всего, Франция, страна, чье имя означало величие, потеряла на протяжении жизни двух поколений все, в том числе и честь, не столько по причине конфликта с немецким «бронированным кулаком», а сколько благодаря неуютному англосаксонскому покровительству и собственной усталости от судьбы оси вселенной. Неумелые попытки осуществить новый вариант обретения себя в превосходстве посредством лидерства в Евросоюзе не соответствуют наполеоновским амбициям: Брюссель – не Аустерлиц, и солнце над ним не светит с той же силой...

Даже величие и спокойствие британского духа, всегда респектабельно выглядящие на континентальном фоне, были поколеблены отказом от «бремени белого человека», империи и цивилизаторской миссии, финальным аккордом драмы «крупнейшего агентства добра» оказалась филологическая псевдоморфоза английского языка в диалект американского. Несмотря на то, что имперская идентичность все-таки оставалась на периферии островной системы ценностей, стресс был колоссальным, а осознание себя провинцией мира для владычицы морей не прошло без болезненных вех Суэца и Фольклендов.

О трансформации германской культурной идентичности в ушедшем столетии особо говорить не приходится: претензии на существование в качестве единственно возможной истинной Европы завершились присутствием в окружении молодых и бедных «малых наций» в роли одной из частей общности.

Таким образом, кризисы идентичности, глобальная переоценка ценностей, отбрасывание одних моделей и принятие иных – есть факт, а не трагедия. Кроме того, очевидна общая тенденция вытеснения идеи величия и могущества в сочетании с поиском компенсации ее в неких превращенных формах, что иногда переживается болезненно на индивидуальном уровне, но общность в целом вырабатывает новые языки самоописания и стратегии самопознания. Причина столь несравнимо

более мягкого и комфортного прохождения критических точек идентификации европейскими нациями состоит в том, что в современных символических джунглях идентичность выступает маркером, определяющим принадлежность к некой общности, своеобразным приглашительным билетом в тот или иной клуб. Некогда, в европейском средневековье таким дресс-кодом оказалось христианство, гарантировавшее крестившимся варварским князьям почет, уважение и место на карте цивилизованного мира, однако реформационная переоценка ценностей сняла аксиологическую вертикаль и поставила политические интересы выше смыслов, что в удобный момент и позволило французскому королю немислимый кулбит внешней политики и обретение союзника в лице Османской Порты.

Приведенный эпизод становления западного мира – одна из многочисленных иллюстраций, свидетельствующая: проблемы идентичности – это вопросы не бытия культурной общности перед лицом последних пределов, это маячки, позволяющие ориентироваться на месте, или удобный и соответствующим условиям костюм, время от времени который стоит менять. Такое видение культурной идентичности, предполагающее преимущественно прагматическую интерпретационную модель приспособления к символическим географиям, может и должно влиться в поиски сокрытой онтологии и миссии служения истины, привнеся рациональный элемент в погруженный в мистику естественный натурализм и эмоционально окрашенный трагизм российских размышлений.

В дискурсе, в рамках которого по-прежнему с увлечением и серьезным по-академически напыщенным видом повторяют, что национальная идея – это, прежде всего, мысль Бога о нации, заклинания подменяют собой общественные институты и обрекают на вечное возвращение в трактирный угар. Попытка укрепить идентичность в структурах социальности означает не только отказ от камланий и идеологических подмен, а возвращение в пространство, где объявленные идентичности оказываются встроенными в реальные символические универсумы. Подмена проекта самообретения самообманом становится главной угрозой современного дискурса, с детской наивностью пребывающего в блаженном пространстве между безответственным сонным шепотом и пафосными выкриками.

О. Макарий (Буга)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АПОЛИТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье обсуждаются видение истории и политики с точки зрения историчности Вальтера Бенямина и с точки зрения Православного богословия. В обоих случаях современная политическая активность неоднозначно воспринимается общественностью, и популяризация политики и истории нисколько не способствует прояснению политической картины мира.

Ключевые слова: православие и политика, политическая реальность, история и историчность, православие и ценностные приоритеты, политическое будущее.

F.Makary (Buga)

POLITICAL FRAMEWORK OF APOLITICAL

Abstract. The article discusses the vision of history and politics from the historical point of view of Walter Benjamin and from the point of view of Orthodox theology. In both cases, contemporary political activity is ambiguously perceived by the public, and the popularization of politics and history does not at all contribute to clarifying the political picture of the world.

Keywords: orthodox church and political life, history and history, orthodox valuable priorities, political future, political philosophy.

С каждым днем мы наблюдаем все нарастающую активность в сфере политического. При этом, вся видимая политическая активность, не то чтобы не продуктивна, но сама продуктивность всей нашей политической деятельности как будто требует особых интеллектуальных усилий для понимания. То есть, при всей нынешней популяризации политики в обществе все равно нет единого мнения о том, «что происходит». С одной стороны, исходя из сложившейся исторической ситуации, мы не можем ожидать от государства особых, изысканных и плодотворных административных решений и государственных программ, так как формально курс взят на реорганизацию, централизацию власти ради отстаивания собственных национальных интересов, и сохранения суверенитета путем сложного пересмотра взаимоотношений в мировой политике. И это вновь, как и в начале века, заставляет нас думать, что вся эта политическая деятельность

проявит себя, лишь только мы победим или договоримся с нашими западными партнерами. С другой стороны, нет совершенно никакой хоть сколько-нибудь удовлетворительной политической теории, которая являлась бы плодом переосмысления всей истории политики и описывала бы нам будущее, отличное от будущего наших «врагов», если таковые имеются, хотя как мы увидим ниже, утверждение К. Шмитта, что «политика начинается там, где появляется враг», уже кажется устаревшим. При этом мы видим активную популяризацию истории. Каждый день на наших глазах развенчивается какой-нибудь исторический миф в рамках поп-истории (история для чайников). И вот, появляется чувство, что мы где-то рядом, мы почти поняли смысл происходящего. Появляется чувство, что если бы от нас не был бы скрыт тот или иной исторический факт, если бы мы смогли найти некое отсутствующее звено в цепочке исторических событий, то, как нам кажется, смогли бы понять, наконец, «почему Белоруссии можно, а России нельзя», «что именно ищет ИГИЛ (запрещённая в РФ террористическая организация) в Пальмире».

И поневоле встает вопрос о всеобщей политической активности. Помогает ли поп-история и поп-политика адекватно понимать и оценивать политические и исторические процессы. Достаточно ли исторична «история для чайников». Вышедшая в прошлом году на русском языке книга Ж. Бодрийяра «Войны в заливе не было» заставляет нас задуматься над тем, что историчность – это, прежде всего, особое историчностное прочтение истории. Именно о таковом прочтении писал в свое время Вальтер Беньямин. В беньяминовской модели историчности речь идёт о принципе соответствия, при котором наблюдающая система и наблюдаемый объект вступают в некоторые интимные отношения, которые по сути уже даже не являются отношениями, поскольку отношения всегда подразумевают связь между двумя независимыми явлениями, тогда как у Беньямина, как и у некоторых представителей квантовой механики, в ситуации за наблюдением микромеханическим объектом возникает нечто новое, другое явление, которое не является ни суммой, ни связью, ни синтезом, но, тем не менее, представляет собой нечто очень прочно повязавшее эти две системы, так что одна без другой фактически не существует.

И вот здесь возникает искушение проверить эту гипотезу историчности гипотезой Эверепа, в которой, как известно, предполагается, что в момент этой встречи происходит некий зачаток междумирья. Иначе говоря, в тот момент, когда наблюдающая система воздействует на наблюдаемую, возникает состояние, в котором наблюдаемая как будто находится на своего рода распутье, когда у неё возникают два

потенциально возможных пути дальнейшего развития. Историчность, как её прописывает Беньямин, - это что-то такое, что создаёт реальность события так, что реальность непременно оказывается маргинальной. Именно так надо понимать беньяминовский тезис, согласно которому историю пишут победители, тезис этот нужно понимать в его негативном значении. Беньямин, указывая на тот факт, что историю пишут победители, делает её совершенно внеисторичной. Проблема не в том, что надо учесть все точки зрения или дать голос угнетенным, маргинальным субъектам, не имеющим права на реализацию своих прав, субъектам делегитимизированным и т.д. Беньямин не придерживается ставшей популярной полвека позже теории маргинализации, согласно которой только маргинал имеет право на провозглашение истин, исходя из того, что в какое-то время ему не дали говорить.

У Беньямина гораздо более тонкая мысль. Историчность для него – это то, что следует за историей тенью. Там, где предполагается некий исторический нарратив, можно быть уверенным, что историчность тоже где-то рядом, только для того, чтобы её увидеть, необходимо своего рода смещение. То, что находится в центре истории, ни в коем случае истиной не является. Истиной является то, что нужно вытаскивать за некоторые выступающие, но зачастую, пропускаемые части. И, как только это уникальное вытащено на свет, оно теряет свою эфемерность и делается универсальностью. Причем не универсальностью с гегельянской точки зрения, не универсальной объективностью, а универсальностью того, что Беньямин называет историческим зовом.

И такого рода явления можно наблюдать на ближайших примерах. Это примеры изоляции, состояния современного искусства и эволюции в области искусства. Представьте себе, что вы посетили какую-нибудь театральную постановку, например, фоменковскую, которая показалась вам, с одной стороны, блестящей, и это вполне объективная истина, которая подтверждается большим количеством фестивальных премий, ажиотажем публики, аншлагом на премьере, зрителем которой оказались и вы сами. С другой стороны, при всём видимом успехе, вам все это кажется глубоко неудовлетворительным. Вы, просмотрев эту премьеру, чувствуете, что сама манера, в которой подаёт себя академический театр, манера, где все начинается с вешалки, а заканчивается прекрасной жестовой актерской игрой, где каждый поворот головы, каждое движение брови, каждая интонация имеет огромное значение, вы чувствуете, что эта манера коренным образом вас не удовлетворяет. Здесь так и просится словечко – устарело. То есть, те элементы новизны, которые хочет привнести фоменковский театр в театральное искусство, не покрывают размеров той инфляции, которой это искусство

с некоторого времени подвергается. Вам кажется, что вы наблюдаете очень фальшивое действо, которое ни в коей степени не удовлетворительно, в котором все приемы актеров предстают натянутыми, манера речи крикливой, все интонации неубедительными. И вы уходите из театра под впечатлением, что вам показали полнейший хлам.

При этом, заметьте, что вы продолжаете признавать то, что спектакль и вправду блестящий, что тот жанр, в котором он выполнен, превзошёл все мыслимые и немыслимые ожидания, это остаётся объективной истиной. Это остаётся, если угодно, историей, написанной победителями, но, тем не менее, на первый план выступает истина, она действительно является историчностью истиной, то что она истина, подтверждает объективно наблюдаемое утомление от театра наподобие фоменковского, а историчность ситуации в целом, включая политические коннотации театра в том виде, в котором они о себе заявили, начиная с Брехта, когда классический театр стал не только эстетическим, но и политически неудовлетворительным. Историчностная истина этого положения заявляет, что вы в своём ощущении правы, что фоменковский театр и вправду бесконечно устарел, что он действительно радикально аполитичен, натянут, фальшив, невзирая на всю хорошую проработку и несомненное мастерство постановщика. И вот именно в этот момент, когда ваше актуальное утомление от разнообразных театральных дискуссий, от эстетической эволюции, которая пройдена в том числе и вами (является она субъективной или нет – вопрос абсолютно праздный), вся эта самая эволюция дискуссий, через которую вы лично прошли, дискутируя о театре или ангажированности современного интеллектуала, вся эта череда высвечивает уникальный момент, в котором вы встречаетесь с фоменковским спектаклем и обнаруживаете, что он совершенно неудовлетворителен.

И эта ваша точка зрения вдруг неожиданно оказывается истиной историчности. Именно так возникает историчностное событие в отличие от исторического, которое назначается всегда с внешней стороны и не имеет никакого отношения к той серии событий, которое предшествовало восприятию этого события, история которой берет на себя право речи сказать, например, что театральность, подобная фоменковской, театральность классического образца, пусть даже подкрашенная новыми приемами, новыми атрибутами, новыми театральными решениями-все равно является устаревшей и, в этом смысле, глубоко аполитичной. Так вот, если не найдётся никого, кто об этом заявит, если это не станет предметом обсуждения, совершенно очевидно, что этот новый возможный мир не появится, если не найдётся агент, который

может об этом во всеуслышание заявить и, тем самым, создать совершенно новое дискуссионное поле и, тем самым, новое событие.

То же и в сфере политики. Невозможно быть политически ангажированным, невозможно принимать определенного рода зависимость от целого ряда факторов, не будучи участником этого самого исторического события. Иными словами – невозможно претендовать на какого либо рода успевание за окружающим, невозможно претендовать на вменяемость, невзирая на объём производимого речевого материала, в том случае, если речь того, кто говорит, не стала, своего рода, отблеском того самого историчностного события.

Если не произошло пересечение двух серий, если не произошло с одной стороны устаревания (совершенно независимо от нас) того или иного института, театра, образования, а, с другой стороны, не произошло пересечения другого типа серий. Дискуссия, не неся на себе отпечатка этого историчностного события, не является дискуссией, способной в происходящем что-либо изменить в ситуации, где аполитичен по преимуществу весь политический мировой истеблишмент, где политическая карта мира осталась в той же эпохе, где и театр классического образца. Только в лучах этой историчности можно увидеть, что новая карта мира – не политическая, но экономическая и она монохромная. Именно такой она лежит на рабочем столе издателя.

И само собой, встаёт вопрос, будет ли место Православию там, где не будет место политике? Справедливости ради надо отметить, что вовлечение Церкви в политические процессы указывает по слову Славоя Жижека на несостоятельность политических элит. Но, исходя из подлинного, Эсхатологического идентитета Церкви, можно сказать, что в это чёрное, аполитичное время, Православие и проявит себя как Единственная Соборная и Апостольская Церковь, сохранившая свои Таинства и, прежде всего, таинство покаяния, как принцип вечной новизны. Именно на этот принцип вечной новизны, на принцип оставления всего старого, непригодного для новой жизни, смогут опереться те немногочисленные представители политической элиты, которые будут иметь необходимое историчностное видение современности, не только в бенъяминовском, но и в Свято-апостольском смысле. И быть может, это историчностное видение и будет началом новой политической реальности.

Литература

1. Бенъямин В. Историко-философские тезисы // Левая Россия. 2001. № 7 (20). 19 марта.
2. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Изд. Дом «Дело», РАНХиГС, 2014. 528 с.

3. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35-67.

4. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было: сборник. М.: Рипол-классик, 2016.

5. Митрополит Иоанн (Зизиюлас). Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. Изд-во Св.-Филаретовского Православно-Христианского Института, 2006.

Вакулова Т.В.

ИСХОД 1920 ГОДА: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. В работе с точки зрения цивилизационного подхода рассматриваются события исхода русской армии генерала Петра Николаевича Врангеля из Севастополя и Крыма в 1920 году.

Ключевые слова: цивилизационная теория, раскол общества, надлом цивилизации, взаимодействие цивилизаций.

Vakulova T.V.

EXODUS OF 1920: THE CIVILIZATIONAL DIMENSION

Abstract. In the article examines the events of the exodus of Russian army of General Pyotr Nikolayevich Wrangel from the Crimea and Sevastopol in 1920 from the point of view of the civilization approach.

Keywords: civilization theory, the division of society, breakdown of civilization, interaction of civilizations.

Актуальность данной темы связана с необходимостью применения цивилизационной теории в исследовании и анализе исторических событий Русской революции 1917–1920 годов и её последствий для русской цивилизации. Применение цивилизационного подхода дает возможность глубже проникнуть в ход рассматриваемых явлений и процессов истории России и открывает возможность осмысления событий 1917–1920 гг. с новой точки зрения.

Н.Я. Данилевский ввёл понятие культурно-исторический тип, под которым он понимал «своеобразный план религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, одним словом, исторического развития общности людей» [1]. Мыслитель полагал, что цивилизации отличаются языком, особым образом жизни, непохожими нравами, традициями, культурой и религией.

П.Я. Чаадаев считал, что значение народов определяется их духовной мощью, зависит от их нравственного влияния в мире. А.С. Хомяков подчеркивал, что религия является главной составляющей любой цивилизации. Он писал: «Выньте Христианство из истории Европы и Буддизм из Азии, и вы уже ничего не поймёте ни в Европе, ни в Азии» [5]. Именно этот фактор, характеризующий цивилизационные различия, становится основным для русских философов XIX-XX веков. В.С. Соловьёв полагал, что война – это не столько социально-политическое явление, сколько духовно-культурное, главная причина войн – во внутренних изменениях нравственно-духовной жизни общества [2]. С.Н. Булгаков рассматривал войну как войну между цивилизациями, при этом он неоднократно указывал на духовный кризис европейской цивилизации. Е.Н. Трубецкой полагал, что Германия и вся западноевропейская цивилизация возвысили себя над другими государствами, народами и цивилизациями. В межцивилизационной войне он видел возможность возрождения России [4].

Согласно теории Н.Я. Данилевского, условием существования цивилизаций является расширение территориальное, географическое, политическое, экономическое, а также культурное расширение зоны обитания, или зоны влияния отдельного государства, народа, культуры или цивилизации (экспансия). По мнению О. Шпенглера, экспансия цивилизации осуществляется проводимой государством политикой, которая ставит своей целью территориальные, сырьевые и финансовые завоевания. О. Шпенглер считал, что цивилизации проявляют себя как во «внутренней» – духовно-культурной действительности, так и во «внешней». К внешней относятся войны или конфликты, которые являются одним из средств осуществления выбранных целей. История жизни цивилизаций сопровождается «бесконечной чередой войн», «для людей эпохи цивилизации нет более высокого смысла, чем участие в таких войнах» [7, с. 446]. Согласно Шпенглеру, конфликты – это внешние проявления культурного кризиса, их начало находится в глубине культурно-духовной действительности, причины конфликтов нельзя обнаружить только в политике воюющих государств. Конфликт является политической проблемой, однако он не может быть понят только лишь из самой политики: «существенные черты, скрытые в глубине, проявляются только в форме весьма отдалённых научных и чисто философских мыслей» [7, с. 447]. Шпенглер пишет, что на завершающем этапе каждой цивилизации присуще стремление к экспансии, т.е. каждая цивилизация несёт в себе конфликтную составляющую, и эта составляющая называется «принцип экспансии». Именно в экспансии проявляется судьба западной цивилизации.

Для А. Тойнби основной вопрос – это вопрос конфликта цивилизаций, который выражается в стремлении подчинить одни цивилизации другим. Войны, экспансия, конфликты – одна из форм взаимодействия между цивилизациями. Основным средством распространения внешнего влияния цивилизации в концепции Тойнби являются войны. Война отражает человеческую историю как «череду непрекращающихся военных конфликтов», мы не знаем цивилизации, в жизни которой война не была бы установленным и господствующим инструментом [3, с. 346]. Причину конфликтов Тойнби видит в осознании собственного превосходства одной цивилизации над другой, а поскольку цивилизации различны по своей силе, то конфликт между ними будет существовать всегда [271, с. 346-347].

Конфликт цивилизаций рассматривается как конфликт политический, так как цивилизация реализует себя посредством таких политических инструментов, как государство, армия и войны. Но развитие цивилизации связывается с религией – высшей её ценностью. По мнению Тойнби, цивилизация состоит из людей – наследников одной и той же культуры, объединённых в единой социальной сфере.

Государства являются частным выражением цивилизаций. Границы цивилизации не такие чёткие, как политические границы государств, в них входящих [3, с. 82-85].

Все эти авторы выделяют стадии развития цивилизаций: зарождение, рост и упадок (закат). Согласно Тойнби, цивилизации имеют свой центр и периферию. «Растущая цивилизация являет собой единство и состоит из творческого меньшинства – центра или (цивилизационного ядра), за которым добровольно следует большинство». Он формулирует закон «Вызова – Ответа». Вызов активизирует рост, а ответ дает решение проблемы. Средства, которые использует общество для ответа на вызов окружающей среды, – это «мощные военные и социальные инструменты», при этом «выбирается сила для борьбы с силой» [3, с. 126]. В этом, по мнению Тойнби, заключается источник войн и конфликтов. Автор пишет о законе Надлома и Разложения цивилизации [3, с. 356]. Главное отличие стадии роста от стадии упадка в том, что на стадии роста общество находит успешный «Ответ» на постоянные «Вызовы», как внутри цивилизации, так и извне, а на стадии надлома – общество неспособно справиться с «Вызовом». Автор считает, что цивилизации гибнут не от внешнего врага, а от своих рук. Причина кроется в том, что у творческого меньшинства (ядра) недостаточно созидательной силы, «большинство» отказывается подчиниться меньшинству и вытекающий из этого – распад единства в обществе. Стадия упадка состоит из надлома, разложения и гибели цивилизации.

В отличие от других цивилизаций, Русская пережила в начале XX века все присущие ей симптомы надлома. Внутреннее большинство на этом этапе отпало от господствующего меньшинства, цивилизационного ядра, и в среде большинства усилилось недовольство и протест. Европейская цивилизация осуществляла активную экспансию, чем ослабляли и так надломившуюся Россию. Однако, христианская религия и церковь – как системообразующее начало цивилизации может стать мостом для возрождения.

Таким образом, хотя раскол в обществе поразил российскую государственность и русскую цивилизацию и привел к появлению так называемой «Советской атеистической цивилизации», произошли глубокие изменения в самом менталитете и поведении членов распадающегося общества. При этом сохранились религиозные ценности, сохранилась Вера и эту веру сохраняли представители цивилизационного ядра, которые перенесли эту ценность за рубежи своего Отечества.

И получается, что Исход 1920 г. мы можем рассматривать с точки зрения цивилизационной теории как перенос ценностей и их сохранение за рубежами цивилизационных границ. Хотя, справедливо будет утверждать, что и внутри полуразрушенной цивилизации вера сохранялась среди части советского общества. Причем сохранение цивилизационных ценностей происходило с некоторыми особенностями. Во-первых, религиозные традиции сохранялись внутри советского атеистического государства не институализированно и видоизмененно, во-вторых, сама церковь как общественный институт системы была сильно разрушена и отделена от государства.

Части русского мира там, где есть православная вера. Русскими, которые вынуждены были покинуть территорию России, делала их православная вера, язык, который они сохраняли, традиции, культура, история предков. Они были носителями и хранителями цивилизационных основ.

Мы можем также говорить об уничтожении большевиками людей – носителей цивилизационного кода, уничтожении цивилизационного генофонда, цивилизационных основ. Борьбой с религией и Церковью занимались различные большевистские организации. При Центральном Комитете РКП (б) с 1922 г. работала Антирелигиозная комиссия, в 1925 г. был создан Союз безбожников. Они разработали поэтапный план по ликвидации религии к 1937 г. Союз стремился добиться полной атеизации населения. Революция, навязанная западной цивилизацией, была направлена на разрушение предшествующего уклада русской жизни, на выработку нового образа жизни, новых норм и обычаев, на отрицание духовных корней, на изменение цивилизационных основ, цивилизационного кода.

Л.Д. Троцкий вспоминал, что для создания Красной армии требовалось «совершенно ликвидировать остатки старой армии и на ее месте создать в огне битв новую армию», что и происходило в России. Например, уже 1 марта 1917 г. Петроградским Советом был издан «Приказ №1», о демократизации армии, лишавший офицеров дисциплинарной власти над солдатами, приказ устанавливал гражданские права для солдат и матросов, очевидно, что приказ был направлен на развал царской армии.

В советской России не сохранялись многие традиции русской армии. Многое относящееся к царской армии часто осуждалось. Нередко русские генералы оговаривались. В декабре 1917 г. Совет народных комиссаров постановил разрушить памятники А.В. Суворову и М.И. Кутузову. В Ленинграде был ликвидирован Суворовский музей. В.И. Ленин, по существу, выступал не только против защиты российского государства, но и против защиты православных людей, православной цивилизации. Он выступал за отрицание цивилизационной самозащиты, цивилизационного самосохранения, за построение нового типа государства.

Но поскольку русская, православная цивилизация в мире самая живучая, и обладает мощным потенциалом самосохранения, поскольку Россия – последний рубеж защиты христианства, мы видим, как начинается процесс возрождения, возвращения, преображения России, усиления её вечных союзников (армии и флота) её цивилизационного ядра. Тойнби пишет, что ничто не может остановить процесс распада. Единственный плодотворный выход – путь преображения, означающий перенос целей и ценностей в сверхчувственное Царство Божие. Это может стать семенем для рождения новой цивилизации, которая будет шагом вперед в вечном процессе восхождения человека к Сверхчеловеку и Града Человеческого к Граду Божию как предельным пунктам движения.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо – Романскому. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
2. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
3. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис–пресс, 2006. 640 с.
4. Трубецкой Е.Н. Избранное. М.: Канон, 1995. 480 с.
5. Хомяков А.С. Собрание сочинений. Париж: YMCA-Press, 1989. 714 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М.: Айрис пресс, 2004. Т. 1. 528 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М.: Айрис пресс, 2004. Т. 2. 624 с.

Васюк С.В.

РЕФЕРЕНДУМ О СТАТУСЕ КРЫМА В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. В статье отражены результаты сравнительного анализа контента двух популярных ежедневных газет – «Крымской правды» и «Славы Севастополя». Выявлены особенности освещения референдума о статусе Крыма в прессе полуострова. Автор установил наличие информационной лакуны медиапространства – г. Севастополя, что существенно влияет на новостную повестку дня газет.

Ключевые слова: СМИ, референдум, политика, Крым.

Vasiuk S.V.

CRIMEAN STATUS REFERENDUM IN THE REGIONAL PRESS REFLECTION

Abstract. The findings of the comparative analysis of content of two popular daily newspapers – “Krymskaya Pravda” and “Slava Sevastopolya” are reflected in this paper. Features of covering of the Crimean status referendum in the press of the peninsula are revealed. The author has established existence of information lacuna of media space – Sevastopol.

Keywords: mass media, referendum, politics, Crimea.

СМИ являются одним из ключевых субъектов формирования общественного мнения. Они представляют собой основной источник информации о политических явлениях и событиях для населения страны, в целом, и региональных сообществ, в частности.

При изучении СМИ следует учитывать их типологические особенности. Российские СМИ можно подразделить на основе охвата аудитории на общефедеральные и региональные, по критерию характера медиаконтента – на печатные и электронные, использующие отличающиеся методы воздействия на целевые аудитории [1, с. 75].

В свою очередь, целый ряд российских исследователей различают прессу мнений (качественную прессу) и прессу новостей (массовая пресса) [2; 3, с. 3 и др.]. Они отличаются по целому ряду параметров: тиражам, объемами т.д. Основным признаком прессы мнений является «большая аналитичность, сдержанность текста публикации, обоснованность вынесения оценок и суждений» [4, с. 198]. Отметим, что в

рамках данной работы, объектом нашего исследования являются региональные (локальные) массовые издания.

В рамках данной работы будет раскрыто освещение референдума о статусе Крыма в печатной прессе полуострова. Хронологические рамки исследования охватывают период с 18 февраля по 18 марта 2014 г. Именно в это время в новостной повестке дня региональных СМИ активно обсуждается референдум о статусе территории.

В качестве объектов исследования были отобраны выпуски двух ежедневных газет – «Крымская правда» и «Слава Севастополя». «Крымская правда» издается тиражом более 30 тыс. экземпляров и является одним из лидеров рынка региональной прессы [5, с. 69]. Тираж газеты «Слава Севастополя» составляет 7-8 тыс. (в зависимости от дня недели), это одна из наиболее популярных местных газет в городе.

Следует отметить, что, помимо популярности изданий, одним из критериев их выбора стало соответствие структуре медиарынка полуострова. Д.А. Пушкарева доказывает, что медиаландшафт Крыма составляют два сегмента: г. Севастополь и остальная часть полуострова. При этом крымские издания зачастую не распространяются в г. Севастополе «по причине отсутствия интереса у местной аудитории в крымских новостях» [6]. Наличие на полуострове своеобразной информационной лакуны подтверждается при изучении тематики статей местной прессы. Так, практически весь медиаконтент газеты «Слава Севастополя» посвящен исключительно городским новостям.

Тема воссоединения Крыма с Россией и проведения референдума о статусе полуострова в медиадискурс полуострова входила постепенно. Своеобразным триггером данного процесса послужило силовое противостояние в центре Киева, результатом которого стала массовая гибель людей. В Крыму данные события получили особый резонанс в связи с гибелью сотрудников крымского спецподразделения «Беркут», которые в тот период несли службу по охране правопорядка в украинской столице. Если в выпусках 18-19 февраля массовым мероприятиям в Киеве были посвящены лишь два материала в единственной газете «Крымская правда» (Филиппов Н. «Импотенты против трусов» и «Наша молодёжь майданить не рвётся»), то 20 февраля, таких материалов было опубликовано уже 8 («Крымская правда»: Пупкова Н., Михальчевский К. «Не вмешивайтесь в нашу жизнь»; Филиппов Н. «Майдан тревоги нашей»; Головань М. «Захарченко, проснись!»; Филиппов Н. «Проект “Ющенко-2”»; Филиппов Н. «Вечная слава героям»; «Крымчане - о “Евромайдане”». «Слава Севастополя»: Сенченко А. «Пережить и преодолеть... Вместе!»; «Кому война, а кому мать род-

на...»). В обоих изданиях события в Киеве и активность оппозиции резко осуждаются.

На фоне событий в Киеве, в газете «Крымская правда» начинает осторожно высказываться мысль о воссоединении Крыма с Россией. В газете «Слава Севастополя» политика воссоединения Крыма с Россией в начале исследуемого периода не находит поддержки.

Материалы непосредственно о референдуме в прессе полуострова появились позднее. Он входит в дискурс региональной прессы после событий, произошедших в г. Симферополе 26 и 27 февраля, первым о нем упоминает «Крымская правда» (28 февраля, Филиппов Н. «Назначен референдум о статусе Крыма. Правительство и Могилёв отправлены в отставку»). В последнюю неделю перед проведением плебисцита ему посвящается значительная часть медиаконтента «Крымской правды» (11 марта – 7 статей, 12 марта – 5, 13 марта – 6, 14 марта – 11, 15 марта – 7). При этом, референдум позиционируется газетой как способ обеспечения безопасности населения: «самопровозглашённые украинские власти ... начали настоящую войну с нашей республикой ... В этой ситуации единственный способ обеспечения безопасности крымчан, сохранения их прав и свобод – возвращение Крыма в состав Российской Федерации» (13 марта, Никифоров А. «Украины уже нет, но у Крыма есть исторический шанс»).

В газете «Слава Севастополя» период 11-15 марта также характеризуется резким ростом количества материалов, посвященных референдуму. В этот период начинают преобладать позитивные оценки предстоящего события. Так, в выпуске от 12 марта волеизъявлению населения и сотрудничеству с Россией было посвящено 8 материалов: Сенченко А. «Горсовет Севастополя: “Мы ждем перемен!”», «Госдума РФ готова принять закон о расширении России», «Парламент Крыма принял Декларацию о независимости АРК и Севастополя», «Русская песня в русском городе», Клейн Б. «Россия обещает поспособствовать возрождению промышленности Севастополя», Лучников А. «”Живой” триколор», Гангут В. «Валерий Медведев: “Референдум в Севастополе пройдет по тому же принципу, что и выборы в местные советы”», Лучников А. «Москва и Севастополь подпишут новый договор о сотрудничестве».

Выпуски обеих газет от 18 марта практически полностью посвящены результатам состоявшегося референдума, которым дается положительная оценка.

Таким образом, специфика медиaprостранства в регионе заключается в наличии своеобразной информационной лакуны – г. Севастопо-

ля, что оказывает существенное влияние на новостную повестку дня газет, издаваемых на полуострове.

Газетные издания демонстрируют различные коммуникативные стратегии по тематике воссоединения Крыма с Россией и проведения референдума о статусе полуострова: от последовательной поддержки с различной интенсивностью в течение всего периода, до постепенного смещения оценок от нейтральных к позитивным.

Исследуемый период характеризуется значительным массивом медиконтента, непосредственно посвященного референдуму 16 марта. Его распределение по времени носит неравномерный характер, с резким ростом количества публикаций за неделю до проведения плебисцита.

Литература

1. Бударина К.А., Меркулов П.А. Медиаполитическая система в становлении общественно-политической субъектности молодежи // Вестник Поволжского института управления. Саратов, 2015. № 6 (51). С. 73-79.
2. Качественная пресса в медийных структурах / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2015. 344 с.
3. Прытков А.В. Квалонд в системе современной российской прессы: типологический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 22 с.
4. Муха А.В. Система современной общественно-политической прессы в России // Лучшая студенческая статья 2016: сб. статей II Междунар. науч.-практ. конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2016. С. 197-200.
5. Пушкарева Д.А. Типологическая специфика ведущих крымских газет // Медиа альманах. М., 2016. № 2. С. 68-76.
6. Пушкарева Д.А. Особенности продвижения прессы Севастополя и Крыма. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7032/uid3160_report.pdf (дата обращения: 02.02.2017).

Гарас Л.Н.

СПЕЦИФИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Анализируется специфика существования религии в современном мире. Акцентируется внимание на феномене «киберрелигиозность». Подчёркивается, что информационно-коммуникационные технологии обуславливают трансформацию деятельности традиционных религий и приводят появлению новых.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, традиционные религии, Русская православная церковь, Католическая церковь, киберрелигиозность, New Age.

Garas L.N.

SPECIFICITY OF THE EXISTENCE OF RELIGION IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article analyzes the specific character of the existence of religion in the modern world. The attention is focused on the phenomenon of cyber-religiousness. In this work is emphasized information and communication technologies determine the transformation of the traditional activities of religions and lead to creation of the new one.

Keywords: information and communication technologies, traditional religions, the Russian Orthodox Church, the Catholic Church, cyber-religiousness, New Age.

Оформление информационного общества происходит вне национальных границ и обуславливает практически все общественные процессы. Рост числа пользователей интернета, распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) не просто расширяют круг участников современных социально-политических процессов, изменяют способы их интеракций, влияют на формирование мировоззренческой позиции личности, а и в целом трансформируют самого человека и его бытие. Виртуализация проникает практически все сферы общества, в водоворот информационных потоков попадает и такой достаточно консервативный социальный институт как религия.

Современные реалии демонстрируют уникальную адаптивность функционирования религиозного института. Можно согласиться с высказыванием ливанского философа Жоржа Корма, что «за последние несколько десятилетий религия исподволь пропитала собой всё наше окружение, а может даже вошла в число важнейших наших забот» [1, с. 5]. Сегодня можно утверждать, во-первых, о наличии своеобразного религиозного ренессанса: религия не только не исчезла (как ей предрекали во второй половине XX века), а уверенно возвращается в общество, отвоёвывая себе место и порождая новые феномены. Данные процессы сопровождаются, в частности, трансформацией традиционного ареала распространения той или иной религии, изменением современных практик ортодоксальных религий, расширением спектра и появлением новых типов религиозности.

Во-вторых, высокие темпы развития и внедрения ИКТ, расширение возможностей и доступ к интернету, включают всё большее число людей в информационное пространство, которое открыто всем типам и формам коммуникации. Спецификой современности становится такой феномен как киберрелигиозность. Сегодня у прихожан благодаря интернету появилась возможность, оставаясь дома, общаться со священником или присутствовать на службе. Религиозные организации, отвечая на вызов современности, активно включаются в работу в Интернете и используют ИКТ в своей деятельности. Данные аспекты преследуют цели: поддержание групповой сплочённости религиозного сообщества; информирование о различных направлениях своей деятельности; установление и осуществление горизонтальных интеракций как среди единоверцев, так и для коммуникации с иноверцами. Следует отметить, что появление ИКТ коренным образом меняет способы и инструменты осуществления миссионерской деятельности.

Современные реалии вынуждают традиционные церкви активнее использовать возможности интернета. Так, в 1997 году появляется сайт Московского Патриархата (www.russian-orthodox-church.org.ru) [2]; с 2005 года действует сайт Русской Православной Церкви (РПЦ) patriarchia.ru. Патриарх Кирилл артикулирует позицию РПЦ в вопросе отношения к современным средствам коммуникации, акцентируя внимание на специфике и новых возможностях «для христианского свидетельства». Однако, патриарх подчёркивает необходимость совмещения реальной приходской работы с виртуальной миссией церкви. Одной из ключевых задач церкви в современном мире, он называет, представленность в интернет-пространстве как своеобразного «подтверждения заботы о спасении единоверцев» [3]. Однако, глава РПЦ предостерегает от чрезмерного увлечения интернетом, указывая на возможность манипулятивного эффекта, что может привести к разрушению личности, «порабощению сознания и воли» и трансформации идентичности. Патриарх Кирилл называл Интернет «королевством кривых зеркал», в котором царит духовный кризис [4].

Своеобразным первопроходцем в среде использования медиа, в том числе и в освоении интернет-пространства, является Католическая церковь. Ватикан с 1995 г. имеет собственный домен - .va, а с 2014 г. зарегистрирована доменная зона верхнего уровня .catholic и ее эквиваленты в кириллическом, арабском и китайском написании [5]. С 1996 г. работает сайт Святого Престола www.vatican.va. С 2002 г. на сайте Ватикана опубликованы документы, в которых озвучена позиция Католической церкви по вопросам использования коммуникации («Церковь и Интернет», «Этика в Интернете»). Понтифик, призывая

использовать интернет как священнослужителей, так и паству, объявляет «интернет божьим даром и воплощением подлинного добра», а также акцентирует внимание на открывающихся «безграничных возможностях для человеческого единения и проявления солидарности», однако, в то же время подчёркивает необходимость осознанного использования современных средств коммуникации. Стоит отметить, что годом ранее Папа римский опубликовал в Instagram свое первое селфи [4]. Таким образом, вышесказанное свидетельствует, что современные средства коммуникации требуют применения традиционными церквями новых методов коммуникационной, миссионерской и информационно-просветительской деятельности, учитывающих не только исторический опыт миссии, а и запросы современности.

В-третьих, современные информационно-коммуникационные технологии не просто обуславливают способы исповедования религии (возможность использования различных приложений, например, для изучения Библии BibleGateway, программа для мусульман iPray Pro, помогающая узнать время намаза и другие), но и инспирируют оформление новых типов религиозных сообществ. Одной из особенностей киберрелигии является огромное разнообразие духовных практик, доступных в Интернете, которые в той или иной мере удовлетворяют духовным потребностям личности. Американский социолог Э. Тоффлер назвал данное явление «рынком спиритуальных товаров», то есть современные технологии способствуют появлению разнопланового рынка духовных услуг, характеризующегося ярко выраженным эклектизмом: от мистических практик и опасных религиозных сект тоталитарного типа до симбиоза религии и мира высоких технологий. Учитывая открытость и экстерриториальность коммуникации, следует отметить, что новые учения и культы всё больше начинают конкурировать в киберпространстве с традиционными религиями, подталкивая последних к определённым метаморфозам. Стоит также отметить, что современные экономические реалии показывают активное действие законов рынка и в религиозной киберсреде. Остро стоит вопрос о честной конкуренции, так как богатые религиозные организации могут вкладывать средства с целью занять «топовые» позиции в рекомендованных поисковых системах.

В-четвёртых, сегодня не стоит утверждать о возврате к религиозной системе ценностей, речь скорее идёт о применении религии. В современных условиях религия выступает не только как моральный ориентир, а, прежде всего, как средство, инструмент давления и достижения целей, который активно используют заинтересованные акторы в достижении своих интересов, зачастую слишком далёких от рели-

гии. Сегодня происходит не только актуализация религиозного дискурса в публичном и политическом пространстве, а и выход на авансцену и проникновение в интернет-пространство религиозного радикализма (особенно его крайних форм – экстремизма и терроризма), что напрямую коррелирует с безопасностью общества, государства и личности. Так, по данным Национального антитеррористического комитета РФ, в настоящее время в мире действует около 5 тыс. интернет-сайтов, активно используемых террористами [6]. Интернет открывает упрощённый доступ к аудитории и её данным с целью посеять страх и панику, а так же используется для вербовки и др. Терроризм в интернете постоянно мимикрирует, стремясь найти последователей, особенно из молодёжной среды.

Таким образом, ИКТ сегодня выступают как бесспорный фактор изменения общества, который, продуцируя новые возможности, одновременно порождает риски и угрозы для дальнейшего развития.

Существование института религии в цифровом пространстве позволяет не только эффективно осуществлять процессы информирования и коммуникации, а и инициировать манипулятивный эффект, жёстко контролируя сознание верующих, трансформировать идентичность, конструировать виртуальную реальность, распространять идеи религиозного радикализма.

Современные реалии демонстрируют уникальную адаптивность функционирования религиозного института, который, с одной стороны призван сохранить традиционные ценности и нормы, а с другой – адекватно ответить на вызовы информационной эпохи. И хотя ИКТ трансформируют сам институт религии и религиозные практики, всё же традиционные религиозные конфессии могут способствовать налаживанию межконфессионального диалога, утверждению в виртуальном пространстве духовно-нравственных ценностей и приоритетов, определяющих духовное измерение общества и личности, противостоя деструктивным тенденциям.

Литература

1. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. 288 с.
2. Православная церковь и Интернет. URL: <https://www.osp.ru/pcworld/2003/05/165719/> (дата обращения 20.01.2017).
3. Святейший Патриарх Кирилл: Миссия в интернете важна, но не заменяет реальной приходской работы. URL: <http://www.pravoslavie.ru/59208.html> (дата обращения 03.02.2017).

4. Папа римский Франциск назвал интернет божьим даром. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2610603> (дата обращения 05.02.2017).

5. Ватикан и интернет. URL: <http://vaticanstate.ru/vatikan-i-internet/> (дата обращения 09.01.2017).

6. Терроризм в интернете. URL: <http://www.saferunet.org/adult/news/982/> (дата обращения 10.02.2017).

Гончаренко Л.Н.

ФЕВРАЛЬ 1917 Г. В РОССИИ: ЦЕНА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВЫБОРА

Аннотация. В статье анализируется положение России на заключительных этапах Первой мировой войны, рассматриваются причины гибели Российской империи и осуществления Февральской революции 1917 г., цена произошедших событий.

Ключевые слова: Первая мировая война, революция, общество, историческая альтернатива, империя, экономика, политика, элита.

Goncharenko L.N.

FEBRUARY OF 1917 IN RUSSIA: THE VALUE OF REVOLUTIONARY CHOICE

Abstract. The article analyzes the position of Russia in the final stages of World War I, the reasons of the Russian Empire's death and the implementation of the February Revolution of 1917, the value of events.

Keywords: World War I, revolution, society, historical alternative, the empire, economics, politics, the elite.

100-летий юбилей великих потрясений 1917 г. вызывает необходимость подвести определенные итоги и попытаться дать оценку произошедшим событиям в контексте общего хода более чем 1000-летней истории России. Совершенно очевидным является тот факт, что 100 лет тому назад произошел важный качественный сдвиг в истории российской цивилизации, которая дальше продолжила свое существование, но уже в других государственных формах и в рамках иной общественной системы. Как оказалось, эти «формы» и «новые сущности» стали не окончательными и претерпели кардинальные изменения в последнее десятилетие XX века.

Как известно, 1917 г. и последовавшая после него длительная Гражданская война несли в себе огромные угрозы для российской государственности и территориальной целостности страны. Великие потрясения 1917 г. продемонстрировали неспособность правящих элит и их лидеров, сменявших друг друга, адекватно оценивать происходящее и принимать решения, отвечающие интересам страны и всех слоев ее населения.

Насколько неизбежной была гибель Российской империи? Могла ли она пережить роковой для себя год и избежать событий, известных нам сегодня как Февральская революция? Кто несет ответственность за этот акт государственного самоубийства? Ответы на эти вопросы имеют не только чисто академическое, но и практическое значение, поскольку являются важным уроком для грядущих поколений россиян.

Целый ряд объективных фактов свидетельствует, что положение России в конце 1916 – начале 1917 гг. было далеко не безнадежным и революция являлась отнюдь не фатальной. Действительно, демократия, которая была написана на знаменах Февральской революции, в России уже была, как и развитая многопартийная система, в стране существовали профсоюзы и основы рабочего законодательства. Развивался парламентаризм, действовали Государственный Совет, Государственная Дума, думы в городах и земские собрания разных уровней.

В ходе Первой мировой войны были достигнуты огромные военные и внешнеполитические успехи. В 1916 г. в результате Брусиловского прорыва произошел коренной перелом в Великой войне. Главный союзник кайзеровской Германии – Австро-Венгрия оказалась на грани поражения, ее капитуляция был лишь вопросом времени. Италия была спасена от поражения, существенно облегчено положение Франции. Выдающиеся успехи были достигнуты русской армией на Кавказском фронте. В результате Трапезундской операции были освобождены территории Османской империи, населенные в значительной части армянами и греками, с восторгом встречавшими русские войска как освободителей от турецкого гнета.

Не менее впечатляющими были и дипломатические успехи России. Еще 12 марта 1915 г. Великобритания официальной секретной нотой вынуждена была взять на себя обязательства, что в случае победы Антанты и удовлетворения ее территориальных претензий и претензий союзной Франции в отношении владений Османской империи, она готова отдать России Константинополь с небольшим хинтерландом, включающим западное побережье Босфора, Мраморного моря, Галлиполийского полуострова и южную Фракию по линии Энос – Мидия. Далее, Россия должна была получить и восточное побережье

Босфора до Исмидского залива, острова Мраморного моря и острова Имброс и Тенедос. 10 апреля 1915 г. на эти обязательства дала свое согласие и Франция [5, с. 281]. Весной 1916 г. в результате обмена нотами между Францией, Россией и Великобританией было заключено ещё одно секретное соглашение, получившее название по имени его разработчиков – британского дипломата М. Сайкса и французского дипломата Ф.Ж. Пико, о разделе Азиатской Турции [3, с. 7]. К Российской империи отходили области Трапезунда, Эрзерума, Баязета, Вана и Битлиса, часть Курдистана и полоса суши вдоль Черноморского побережья, к западу от Трапезунда. Все это – сверх того, что было предусмотрено предыдущими договорами. Соглашения, заключенные союзниками по Антанте, относились к категории секретных, как, например, и решения Тегеранской и Ялтинской конференций в годы Второй мировой войны.

Российская экономика с начала XX в. находилась в тренде подъема. Напомним, что средний прирост производства промышленной продукции составлял в 1900–1910 гг. 3,2% и это несмотря на кризис 1900–1903 гг. и революцию 1905–1907 гг. В 1910–1913 гг., в годы так называемого «нового промышленного подъема» промышленное производство ускорило свой рост – в среднем до 6% в год. Начавшаяся Великая война не могла не повлиять на темы роста экономики и внесла изменения в структуру русской промышленности, однако общий рост промышленного производства продолжался, в 1916 г. превысив уровень 1913 г. на 9,4% [7, с. 128, 132, 133]. В русских войсках в 1916 г. был преодолен снарядный голод, имевший место в начале войны.

Зарплата рабочих, особенно занятых на военных предприятиях, постоянно росла. Известный большевик А.Г. Шляпников, сам квалифицированный рабочий, приводил данные о заработной плате рабочих металлистов на военных предприятия Петрограда в начале 1916 г. Так, фрезеровщики, токари, слесари, лекальщики зарабатывали от 5 до 10 рублей в день. Чернорабочие, естественно, получали значительно меньше, примерно 15 коп. в час. Он же приводит данные и по стоимости продуктов питания в магазинах. Например, в декабре 1916 г. фунт (0,4 кг) мяса II сорта можно было купить за 90 коп., хлеб черный – 6 коп., пшено – 60 коп., яйцо 25-40 коп. за 10 штук и т.д. [10, с. 324, 326-327]. В провинции цены были, естественно, ниже. Голода в России не было, более того в условиях прекращения экспорта в Европу, продовольствие не находило сбыта на внешних рынках. Оно скапливалось у производителей и в пунктах хранения – на железнодорожных станциях и пристанях. Известно, что в годы Великой войны Россия входила в число стран, где не были введены продовольственные карточки. Необ-

ходимости в них не было. Вместе с тем, возникали задержки при доставке продуктов питания в крупные города в связи с загруженностью железных дорог, работавших на нужды фронта. Зимой 1916–1917 гг. эти трудности усугубили еще и снежные заносы. Поэтому в Петрограде с хлебом начали случаться перебои, за ним выстаивались очереди, «хвосты» по терминологии того времени. В связи с прекращением импорта из Европы ощущался недостаток некоторых товаров массового потребления. Все это вызывало недовольство населения. Как тут не вспомнить Великую Отечественную войну и блокадный паек в Ленинграде в 250 г. для работающего и 125 г. для иждивенца, который не всегда можно было отovarить. Те, кому это не удавалось, шли и молча умирали. Кстати, умирали сотнями тысяч. Какие демонстрации? Какие крики «долой!». Люди были объединены общей идеей победы над врагом, соответствующим образом работали пропагандистские и карательные органы. Ничего подобного в годы Великой войны царским правительством создано не было.

Власть предрежащие, как и многие россияне в годы Великой войны, видимо, не конца понимали с катаклизмом какого масштаба столкнулась страна. Не случайно, в самом начале войны многие считали, что она продлится недолго и вскоре закончится полным разгромом Германии и ее союзников. Жизнь в стране так и не была переведена на военный лад, как это произошло, например, в СССР в годы Великой Отечественной войны. Известный русский искусствовед и литературный критик Э.Ф. Голлербах, вспоминая Петроград военного времени, писал: «Театры и шантаны ломились от публики, война жирно кормила казнокрадов, вылуплялись неведомо откуда новые меценаты и коллекционеры, бешено кутило тыловое офицерство» [4, с. 338].

Либеральная пресса смаковала каждое громкое выступление представителей либеральной оппозиции в Государственной думе, каждую неудачу на фронте, формируя определенным образом общественное мнение. Ведь цензура фактически отсутствовала. Обыватели упивались всякого рода слухами и пересудами, как впоследствии оказалось большей своей частью не соответствовавшими действительности, касающимися Г.Е. Распутина и императорской семьи. В конце концов Распутин был убит, но его убийцы остались практически безнаказанными. Авторитет царя и императрицы достиг самого низшего уровня. Убийство Распутина и безнаказанность его исполнителей стали своеобразным сигналом к свержению монархии, а затем и к расправе над царской семьей. Либеральная пресса, так называемая «просвещенная общественность», оппозиционные политические партии делали все, чтобы настроить народ, «массу», как любил выражаться В.И. Ульянов

(Ленин), на власть. Вождь большевиков из Швейцарии призывал к «поражению своего правительства в империалистической войне».

В 1916 – начале 1917 г. демонстрации и забастовки под лозунгами «Долой войну!», «Долой полицию!», «Долой царя!» приобретали в столице массовый характер. Разного рода радикалы из числа профсоюзных деятелей и представителей революционных партий подстрекали рабочих к противоправным действиям, в том числе демонстрациям и забастовкам. Все эти факты, кстати, очень хорошо исследованы и доказаны советскими историками [1; 6; 8]. Отдельных подстрекателей народного недовольства арестовывали и даже ссылали, однако системной борьбы с провокаторами не было. Царская семья стремилась личным примером показывать пример служения отечеству. Царь с 1915 г. большую часть времени находился на фронте, царицы и ее дочери не гнушались работой в госпиталях. Но этого было явно недостаточно.

А. Блок замечал, что накануне Февральской революции «Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже «сам себе не хозяин» [2, с. 8]. Говорят, что «короля играет свита». В России к началу 1917 г. свита, то есть ближайшее окружение Николая II, уже не просто не играла императора, она его предавала. Родственники из числа великих князей, высший генералитет, чиновничество, руководство монархических думских партий были готовы к смещению вполне дееспособного, но нуждающегося в поддержке, императора. Этот вопрос обсуждался в масонских ложах Санкт-Петербурга и Москвы, среди представителей петроградской и московской буржуазии, об этом мечтала почти вся русская интеллигенция, испытывавшая глубокую антипатию к исторической российской государственности и русскому православию. Таким образом, одной из главных причин гибели империи является предательство элиты, которая вскоре сама оказалась отправленной на свалку истории. При этом многие были искренне убеждены, что спасают Россию. В свое время американский историк У. Чемберлин писал: «Падение русской империи 12 марта 1917 г. было следствием одного из наиболее стихийных, неподготовленных, неорганизованных и никем не руководимых массовых выступлений в истории» [9, с. 4]. Эта точка зрения весьма распространена в западной историографии, однако с ней нельзя согласиться. Российская интеллигенция, еще со времен декабристов и А.И. Герцена мечтала об этом. Во имя этого ее представители создавали революционные кружки и партии, устраивали покушения на царей и их чиновников, ходили в народ, организовывали рабочие забастовки и восстания, томились в ссылках и десятилетиями жили в эмиграции.

А нам внушают, что все произошло «стихийно», «неподготовленно», «неорганизованно». Правда никто тогда не мог предположить, какие события произойдут и чем все это кончится. Но такова уж специфика исторического процесса.

К свержению царя руководителей думских партий подталкивали и союзники по Антанте. Такой авторитет, как историк Л.М. Спирин, многое сделавший для изучения истории 1917 г. и отстаивавший советскую концепцию истории Февральской революции, основанную на решающей роли народных масс в революции, тем не менее, был вынужден признать, что «Милюков, Родзянко, Гучков поддерживали тесные связи с послом Англии Бьюкененом и послом Франции Палеологом» [6, с. 45]. Европейские союзники по Антанте безответственно подталкивали российских либералов к отстранению Николая II от власти. За океаном, в США с опаской наблюдали за возможностью гигантского усиления России в случае победоносного окончания войны. Что касается Германии, то для нее был желателен сепаратный мир с Россией, но для этого необходимо было привести к власти в стране силы, готовые пойти на такой мир. Дестабилизация внутреннеполитического положения в России открывала такие возможности. Парадокс заключался в том, что к 1917 г. этого желали как союзники Российской империи, так и ее противники.

Таким образом, альтернатива сохранения империи не была реализована в результате совокупности и сложного переплетения объективных и субъективных факторов, причем именно последние и оказались решающими. Как известно, волнения в Петрограде не были вовремя подавлены, а затем в столице и произошли события, вошедшие в историю как Февральская революция. Эта революция положила начало периоду социальной нестабильности в России, переросшей очень скоро в Гражданскую войну. Начался процесс распада страны. Россия, внесшая основной вклад в победу Антанты, была вскоре исключена из числа стран-победителей. «Праздник» революции обернулся огромными экономическими и политическими потерями, гуманитарной катастрофой – жертвами, намного превысившими потери Великой войны. Осенью 1916 г., еще до начала революции, лидер партии кадетов П.Н. Милюков произнес в Государственной думе свою знаменитую речь, в которой рефреном звучали слова «глупость или измена». Эти слова были обращены к царскому правительству. По прошествии более чем 100 лет после речи лидера партии кадетов становится совершенно ясно, что едва ли не большей мере эти слова должны быть отнесены к политическим силам, совершившим Февральскую революцию, к которым и принадлежал Милюков.

Литература

1. Аврех А.Я. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990. 350 с.
2. Блок А. Последние дни императорской власти // Блок А. Собр. соч. в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. 6.
3. Дипломатический словарь. М.: Наука, 1986. Т. 3.
4. Игнатова Е.А. Записки о Петербурге: Жизнеописание города со времени его основания до 40-х годов XX века: В 2 кн. СПб.: Амфора; ТИД Амфора, 2005. 815 с.
5. История дипломатии. Дипломатия в новое время (1872 – 1919 гг.). М.; Л.: Гос. Изд-во полит. лит-ры, 1945. Т. 2.
6. Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. 333 с.
7. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М.: Высшая школа, 1982. 240 с.
8. Черменский Е.Д. Вторая российская революция, февраль 1917. М.: Просвещение, 1986. 175 с.
9. Chamberlin W. The First Russian Revolution // Russian Review. 1967. Vol. 26. No 1.
10. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х т. Т. 1. Канун семнадцатого года. М.: Политиздат, 1992. 383 с.

Горетить Йожеф

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. ЗАМЕТКИ К РОМАНУ ЮРИЯ ПОЛЯКОВА «КОЗЛЕНОК В МОЛОКЕ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема сущности искусства, смысла и эстетической ценности художественного и литературного произведения в условиях ценностного кризиса на примере романа Юрия Полякова «Козленок в молоке».

Ключевые слова: смысл художественного произведения, эстетическая ценность, художественное произведение как предмет, художественное произведение как духовное творение, кризисное состояние общества, кризис эстетических ценностей.

**THE VALUE OF LITERATURE IN THE CHANGING WORLD.
NOTES ON JURI POLIAKOV'S NOVEL «A GOATLING IN MILK»**

Abstract. The problem of the essence of art, meaning and aesthetic values of artistic and literary works in terms of value crisis on the example of Yuri Polyakov's novel «The Kid in milk» is analyzed in the article.

Keywords: the meaning of a piece of art, aesthetic value, a piece of art as a subject, a piece of art as spiritual creation, the society's state of crisis, crisis of aesthetic values.

Человечество, казалось бы, с самого начала существования искусства ищет ответ на тот простой вопрос, что такое искусство, в чем смысл художественного и – в рамках этого – литературного произведения. В своих эстетических трудах этим вопросом занимались крупные мыслители истории философии, начиная с Платона и Аристотеля до современных философов, Мартина Хайдеггера и Мишеля Фуко. Проблематика «в чем смысл искусства» или «каким должно быть литературное произведение» с самого начала истории литературы занимали, конечно, не только философов, но и писателей: по словам Аристотеля Софокл считал, что драматург должен изображать своих героев такими, какими они должны быть, а Еврипид, наоборот, хотел представлять их такими, какие они есть. Идеалом литературы в средневековье стало такое произведение, в котором органически соединяются друг с другом эстетические, нравственные и религиозные идеи (последним таким произведением, кажется, была «Божественная комедия» Данте Алигьери), а в первой половине XIX века Н.В. Гоголь по поводу своей концепции трилогии «Мертвых душ» мучился именно тем, что в современном ему мире такое единство ценностей литературного произведения никак не осуществимо. В эпохе Возрождения идеальным художником или литератором стал так называемый «полихистор», в эпохе Просвещения – в первую очередь благодаря эстетике французскому философу Буало – созданное на основе системы эстетических ценностей (например строго определенной иерархии жанров) античной литературы литературное произведение должно быть учить и воспитывать читателей. В то же самое время, в XVIII веке были написаны литературные произведения, в центре которых стояла сама литература: Лоренс Стерн, например, в своем романе «Тристрам Шенди» как будто показал «закулисный мир» того же романа, то есть то,

как создается произведение, которое читатель держит в руках, следовательно то, что литературное произведение является скорее «пустышкой», «праздной мозговой игрой» (термин Андрея Белого), чем серьезной вещью. В романтизме возникает идея, что поэт должен быть гением и пророком, который связывает мир эмпирии с миром идеалов, его язык понятен только посвященным, потому что этот язык является не простым человеческим, а скорее божественным, и созданное на нем литературное произведение включает в себя не только все виды искусства, но и – как в романе немецкого романтика Новалиса «Гейнрих фон Офтердинген» – естественные науки. В противоположность этому, через полвека, в русской литературе молодой тогда еще писатель, Федор Достоевский в первом своем произведении «Бедные люди», основной темой которого является именно литература, задается вопросом: после таких гениев, как Пушкин и Достоевский, способен ли русский литератор стать самодостаточным писателем, или он обречен остаться таким же эпигоном, как ничтожный герой той же повести, Ратазьев.

Мартин Хайдеггер в своем основополагающем философском труде по эстетике «Исток художественного творения» в том числе пишет и о том, что художественное произведение онтологически существует в двух ипостасях: как предмет, в которой материя определяет форму, и как творение, в котором форма определяет материю. Художественное произведение, таким образом, с одной стороны, является простой вещью, подчеркивающей предметность и указывающей на существование изображенного предмета и на существующее материальным предметом художественное произведение, с другой стороны, на существующий духовным творением художника продукт, суть которого значительно больше, чем его материальное существование. На его примере: картина Ван Гога «Башмаки» указывает на то, что это картина существует как предмет (можно ее повесить на стене, имеет свою цену на рынке как всякий товар), указывает и на то, что изображенные на холсте башмаки как предметы действительно существуют, но никому не входит в голову надевать их на ноги, потому что написанная Ван Гогом обувь имеет другое, духовное значение и ценность.

Но в чем именно состоит эта суть и эстетическая ценность, на этот вопрос – как мы видели на выбранных мной наугад примерах – философы и художники в отдельные исторические эпохи дали разные, часто очень противоположные друг другу ответы.

Кажется, в кризисные эпохи, когда существующие общечеловеческие – онтологические, познавательные, историософские, религиозные, моральные, общественные – ценности либо потряслись, либо

полностью исчезли, отсутствовали и стабильные эстетические ценности. И художники, особенно литераторы в своих произведениях либо обращали внимание общества на отсутствие определенных и непоставленных под сомнение эстетических ценностей, либо через отсутствие несомненных эстетических ценностей указали и на деформацию и/или отсутствие других общечеловеческих ценностей. Так, например, в эпоху реставрации в Франции, когда французское общество находилось в кризисном состоянии, по свидетельству «Утраченных иллюзий» Оноре де Бальзака и эстетические ценности пережили кризисное состояние, или полностью исчезли из мира. По вышеупомянутой формулировке Хайдеггера художественное произведение имело только предметное значение, стало рыночным товаром, а цена его зависела от общественной позиции создателя этого предмета, а не от той духовной ценности творения, которая – как мы видели – так или иначе, но является самой сутью художественного произведения. Сборник стихотворений главного героя романа, Люсьена де Рюбампре оценивается противоречивым образом, независимо от того, имеет ли этот сборник кое-какой эстетический смысл (об этом даже нет никакой информации в романе): когда Рюбампре является влиятельным журналистом, театральным критиком, любовником высокосветской женщины, его сборник очень высоко оценивается обществом; а после его падения, когда он стал в светской жизни ничтожеством, его сборник оценивается как ничего не стоящая, никакой цены и ценности не имеющая макулатура.

Во второй половине 80-х и в первой половине 90-х годов XX века русское-советское общество тоже находилось в глубоком – экономическом, политическом, общественном, моральном – кризисе. Граждане Советского Союза, великой империи в один «прекрасный» день проснулись к той невероятной ситуации, что живут в несуществующей стране. Об этом периоде русской истории написал Юрий Поляков свой роман «Козленок в молоке» (1995), в некотором смысле продолжающий и доводящий до абсурда мысль Бальзака. Во время землетрясения и исчезновения всех ценностей может происходить что угодно. По каким ценностям живет то общество, в котором, благодаря личным интересам «важных» околосовременных деятелей получает простой молодой парень, якобы романист, премию Бейкера (!) за роман, состоящий из пустых страниц? Юрий Поляков с помощью сатирических литературных приемов горько улыбается над состоянием современного («постмодернистского») мира, в котором человеческие ценности (в том числе и эстетические) не просто ставятся под сомнение и не просто теряют смысл, но и превращаются в пустоту.

Давыдова Е.И.

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания понятия «арабская весна» в научно-исследовательских кругах. Исследование показывает, что на данный момент отсутствует единая точка зрения относительно понимания данного явления. «Арабская весна» трактуется неоднозначно не только по выделяемым характеристикам, но и по смыслам.

Ключевые слова: «арабская весна», Ближний Восток, волны революций, «арабское пробуждение», научный дискурс.

Davydova Y.I.

«ARAB SPRING» IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the «Arab spring» concept in research circles. The research shows that the researchers studying the concept do not have a common interpretation of it. «Arab spring» is interpreted in different ways according to not only the characteristics, but also the meanings.

Keywords: «Arab spring», the Middle East, revolutionary wave, Arab Awakening, scientific discourse.

Наблюдаемые в последние года кризисные явления на Ближнем Востоке обусловили повышенное внимание к некогда «периферийному» региону.

Вопрос о том, как охарактеризовать события, активизировавшие массовые волнения в арабском мире остается открытым. Наиболее популярным на сегодняшний день является термин «арабская весна».

Понятие «дискурс» мы будем понимать в значении, предложенном И.Н. Барыгиным, как «текст, погруженный в научную и политическую жизнь» [1, с. 60].

Термин «spring» понимают как «пробуждение», «освобождение». Однако, в переводе с английского «spring» имеет также такие значения как «трещина», «течь». В ходе развития ситуации на Ближнем Востоке употребление последнего становится все более обоснованным.

Во всеобщее употребление термин «арабская весна» вошел в начале 2011 г. после волны массовых демонстраций в странах мусульманского мира. Считается, что впервые он был использован политологом Марком Линчем в журнале “Foreign Policy” [12].

В большинстве случаев термин «Арабская весна» подразумевает под собой волну социально-политических потрясений, прокатившихся по странам Ближнего Востока и Северной Африки. Также встречается определение Арабской весны «как волны революций» или «волны демократизации» [4, с. 4].

Исследователи раскрывают понятие «арабская весна» опираясь на собственное понимание ситуации в регионе и апеллируя категориями конкретной области знаний. Споры о том, какие явления «нутряные» или же «ветряные» [5, с. 36-41] сыграли решающую роль в возникновении и развитии «арабской весны» привели к появлению различных толкования данного термина.

Так, А.О. Филоник характеризует события на Ближнем Востоке как «мощный подъем общественного сознания, выразившийся в бурном протесте» и проводит аналогию с событиями «времен национально-освободительных революций, которые на волне энтузиазма принесли арабскому миру суверенитет и привели к структурным сдвигам в экономике, политике и в других сферах» [11, с. 33].

Часто исследователями соотносят термин «арабская весна» с понятием «весна народов 1848–1849 гг. Согласно позиции Д.Н. Нечаева, В.Ф. Ницевича, М.Л. Бочанова «арабская весна показала реальную возможность перерастания «цветных революций» как принципиально мирной политической технологии по смене власти в сторону масштабных кровопролитных конфликтов и, в частности, гражданских войн» [7, с. 116].

По мнению Е.И. Примакова, понятие «арабская весна» подразумевает под собой «революционную волну, стихийно обрушившуюся в начале 2011 года на ближневосточные авторитарные режимы» [9, с. 28].

Мнение о революционном характере событий «арабской весны» является одним из ключевых. Так, С.В. Цирель характеризует термин «Арабская весна» как «волну революций и попыток совершить революции в странах Ближнего Востока» [10, с. 128-161]. В статье ученый выводит свой «идеальный тип» понятия «революция».

В.В. Наумкин наряду с «Арабской весной» активно использует введенный в середине XX века термин «арабское пробуждение», характеризующий «волну народных движений охвативших арабский мир в 1950–1960-х годах» [6, с. 5]. События «Арабской весны» исследователь характеризует как «великую исламистскую революцию», выделяя религиозный фактор как один из основополагающих.

Ряд специалистов, однако, придерживаются противоположной точки зрения. С точки зрения Л.М. Исаева, термин «революция»

не может быть применим к «арабской весне» [4, с. 4]. Автор придерживается определения, предложенного социологом А.А. Давыдовым [2, с. 175-176].

А.А. Давыдов характеризует понятие «арабская весна» как «системное социальное явление, обусловленное множеством взаимосвязанных глобальных, региональных и национальных факторов, объективных (социально-демографических, экономических, политических, технологических, социокультурных и т.д.) и субъективных (уровень притязаний, реализация потребности в политической свободе, самореализации, неудовлетворенность авторитарным политическим режимом, готовность к массовым акциям протеста, делигитимацией власти и т.д.) факторов, которые могут действовать нелинейно с помощью прямых и обратных связей, с порогами функционирования и другими свойствами системной динамики, образуя сложную, иерархически организованную, динамическую систему».

О.В. Павлов также отмечает, что волны протеста на Ближнем Востоке не похожи на революции и склоняется к определению «смута». Также исследователь рассматривает, «теорию заговора», в соответствии с которой «всё происходящее на Ближнем Востоке за последние два года является результатом действий мировых финансово-политических элит, которые подталкивают Вашингтон, а вместе с ним – Лондон и Париж к тому, чтобы довести до логического конца процессы глобализации; с помощью исламских радикалов завершить разгром национальных суверенных государств на просторах Евразии (тут цели совпадают с исламистскими), создать обстановку хаоса, в которой будет гораздо легче продлить жизнь умирающему доллару и предотвратить формирование действительно многополярного мира, основанием для которого могло бы стать создание крупных региональных блоков государств, обладающих собственными сильными региональными валютами, способными бросить вызов нынешней валютно-финансовой системе» [2, с. 176].

Представленные мнения исследователей можно свести к двум основным точкам зрения. Первую группу составляют исследователи, которые трактуют термин «Арабская весна» как революционные события. Вторую группу, представляют исследователи полагающие, что «Арабская весна» это события, обусловленные внешними факторам. На сегодняшний день употребление термина является предметом многочисленных дискуссий. Отсутствие общепринятого определения «Арабской весны» обуславливает необходимость наполнения понятия конкретным содержанием.

Литература

1. Барыгин И.Н. Международное регионоведение: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2009. С. 60.
2. Давыдов А.А. Арабские революции 2011 года: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 175-176.
3. Игнатенко А.А. Ислам и политика: Сб. ст. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.
4. Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: Либроком, 2012. С. 4.
5. Исаев Л. М. «Арабская весна»: краткий конспект // Общая тетрадь: Вестник Московской школы политических исследований. 2012. № 4. С. 36-41.
6. Наумкин В.В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М., 2012. С. 5-20.
7. Нечаев Д.Н, Ницевич В.Ф., Бочанов М.Л. «Цветные революции»: От Soft Power к гражданским войнам // Среднерусский вестник общественных наук. Орёл, 2015. № 6. С. 116.
8. Павлов, О. «Фитна» в арабском мире, или Куда ведут смутные времена на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2011. № 11. С. 32–43.
9. Примаков Е.М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М., 2012. С. 28.
10. Цирель С.В. Революции, волны революций и Арабская весна // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М., 2012. Т. 3. С. 128-161.
11. Филоник А.О. Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное) // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М., 2012. С. 33.
12. Lynch M. "Obama's 'Arab Spring'?" // Foreign Policy. 2011. January 6. URL: www.foreignpolicy.com/2011/01/06/obamas-arab-spring/ (accessed September 15, 2013).

Дибас О.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ И КАТЕГОРИИ В ПРОЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Аннотация. В статье сделана попытка осмысления роли социальных маркеров в процессе национального строительства. Автор пытается показать особую роль «презумпции равенства статуса и возможностей».

Ключевые слова: нация, национальное строительство, социальный маркер, презумпция равенства статуса и возможностей.

Dibas O.A.

SOCIAL MARKERS AND CATEGORIES IN THE NATIONAL CONSTRUCTION PROJECT: CONCEPTUAL COMPREHENSION

Abstract. The article is devoted to the investigation of the role of social markers in the process of national construction. The author tries to show the special role of the «presumption of equality of status and opportunities».

Keywords: nation, national construction, social marker, presumption of equality of status and opportunities.

Одними из наименее познанных и в то же время наиболее актуальных интеграционных этнополитических процессов на современном этапе является процесс национального строительства, который, невзирая на все прикладываемые усилия исследователей, дает больше загадок, чем ответов. В 2011 г. подкинул тему для размышлений действующий на тот момент президент США – Б. Обама, выдвинувший тезис о том, что «нынешний век станет веком рождения новых наций». Данный тезис поставил вновь на повестку дня вопросы, на которые так и не были найдены ответы, а именно: когда и при каких условиях рождаются нации? Какие условия необходимо обеспечить для их формирования и дальнейшего успешного развития? Тенденция интенсификации поиска ответов на нерешенные вопросы была усугублена миграционным кризисом в Европе и началом гражданского противостояния (фактически гражданской войной) на Украине. Кризис на Украине способствовал новой постановке вопроса о нации и нациестроительстве, который приобрел особую актуальность на территории Луганской и Донецкой Народных Республик, перед которыми стала дилемма выбора пути, а также необходимость самообретения в условиях нивелирования этничности в качестве социального маркера. В связи с этим возникла необходимость «обращения к истокам» и установления понятия нации, как основного элемента в политике нациестроительства.

Проблема нации и её характеристик давно привлекала внимание западных исследователей, которые предложили довольно много интересных и оригинальных ответов на данные вопросы. Идеи происхождения нации были как мифологические, так и носили вполне рационалистический характер. Так, по мнению Э. Смита: «Нации возникли в

результате естественного разрастания семьи и родов и являются сообществами, базирующимися на общем происхождении» [5]. По утверждению Э. Геллнера, К. Дойча, – «Нации – это исторические сообщества, которые возникли на определенном этапе развития человечества на началах не столько общего происхождения, сколько общего гражданства и которые сами исчезнут на каком-то следующем историческом этапе» [2].

Отечественные исследователи также уделяли внимание исследованию данной проблематики, так О. Бочковский еще в 30-х годах XX столетия следующим образом описывал процесс образования нации: «Упомянутое явление отличается большим динамизмом. В частности, с середины XIX в. ритм и движение национальных процессов чрезвычайно быстро. Нацию можно символически сравнить с рекой, берега которой вызывают иллюзию прочности форм, но она вечно плывет, все время меняя свое содержание» [1]. Э. Смит подтверждал изменчивость как постоянное свойство нации, но настаивал на весомом значении фактора человеческой воли в процессе нациестроительства: «Нации не пожизненные, они могут быть сформированы и человеческая воля, и усилия играют важную роль в этом процессе» [5].

Но вопрос, на который так и не найдено ответа, таков: какие социальные маркеры современного общества могут быть значимыми в процессе нациестроительства в эпоху глобализации, повсеместной интеграции и стирания границ как физических, так и духовных? По нашему мнению, весомую роль в процессе нациестроительства на современном этапе можно отдать фактору укоренения в сознании общества и внедрении в его повседневность принципа «презумпции равенства статуса и возможностей», то есть обеспечению равных прав и возможностей и возложению одинаковых обязанностей на всех членов сообщества независимо от любых обстоятельств. Достаточно четко эту закономерность изложил Э. Геллнер: «Обычная группа людей / скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка / становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные права и обязанности относительно друг друга в силу своего членства в этой группе. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию» [2]. Эта закономерность, на наш взгляд, должна привлечь особое внимание и теоретиков, и практиков нациестроительства, особенно на постсоветском пространстве, которое имеет значительный багаж советского наследия, идеологии которого был присущ принцип «презумпции равенства». Игнорирование «презумпции равенства» превращает процесс строительства нации в свою противоположность – разрушение нации.

Можно смело утверждать, что нации не создаются псевдонаучными, волонтаристскими теориями или идеологическими программами в ретортах великой державы или блока государств. Они вырастают естественным путем в ходе объективного и сложного исторического процесса, как следствие развития всех материальных и духовных сил, которые на данном пространстве формируют национальное бытие отдельных наций на основе кровной, языкового и культурного родства и общих жизненных интересов. Некоторые западные исследователи достаточно справедливо замечают, что нации строятся не столько политическими и военными элитами, сколько культурными. Часть исследователей отмечает огромное значение в процессе нациестроительства творческой интеллигенции, а именно выдающихся писателей, поэтов, переводчиков, они являются сторонниками тезиса, что «перо гораздо мощнее меча». Виртуозность пера создает символы для новых границ сообщества и новых интересов, которые определяются и защищаются ударом меча» [2].

Процесс нациестроительства имеет не только политические, но и юридические, экономические, военные, административные, культурные, идеологические и другие измерения. «Нация, – подчеркивал еще в 20-е годы французский этнолог Марсель Мосс, – заслуживает этого названия, когда она и верит в свою цивилизацию (понимаемой эстетически, морально и материально), свой язык, свою духовную жизнь, свою мораль, свое понимание коллективной цели, свою форму прогресса» [3]. Учитывая это, понятно, что огромную, по сути дела, определяющую роль в нациестроительстве должно играть государство, которое сможет обеспечить фактическое равенство своих граждан. Для достижения подобного результата может быть использован принцип дифференциации как составляющей фактического (реального) равенства возможностей, который исходит из признания того факта, что право должно учитывать различия между людьми. В современных правовых системах разработано определенное количество категорий, которые составляются на основании различий между людьми, имеющими социальный, а не индивидуальный характер. Для лица, принадлежащего к той или иной категории, факт принадлежности обуславливает особые правовые последствия по сравнению с другими лицами: он определяет специфику в характере и условиях реализации прав и свобод, особенности закрепления объема соответствующих прав, наличие дополнительных льгот и гарантий. Демографические, социальные и территориальные факторы обуславливают разницу в правовом положении таких групп, как женщины, молодежь, пенсионеры,

инвалиды, малообеспеченные, безработные, государственные служащие.

Итак, идея фактического равенства возможностей существенно меняет традиционные представления о том, что правовое равенство должна быть абстрагированным от фактических различий субъектов и поэтому с необходимостью и по определению должна носить исключительно формальный характер. Для обеспечения фактического (реального) равенства возможностей государство должно прибегать, к так называемой, позитивной дискриминации, или политике позитивных действий, – юридического различия в подходах, которое должно реализовываться как временная мера с целью создания благоприятных условий для определенной категории лиц в ущерб другой категории и, таким образом, компенсировать существующее между ними фактическое неравенство. Положительная дискриминация позволяет перейти от равенства в праве к равенству через право (фактическому равенству) и таким образом предоставить условия для равных возможностей всем представителям государства.

По нашему мнению, для успешной реализации проекта национального строительства, целью «строителей» должно быть создание условий, при которых часть человечества будет чувствовать себя объединенной взаимными симпатиями, желанием быть под одним и тем же правительством и стремлением к самоуправлению.

Литература

1. Бочковский О. И. Наука про нації та її життя. Нью-Йорк, 1958.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
3. Гофман А.Б. Социальная антропология Марселя Мосса. М.: Восточная литература РАН, 1996.
4. Индуктивистский позитивизм Джона Стюарта Милля. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/fD0/s00/z00000007/st017.shtml> (дата обращения: 22.02.2017).
5. Сміт Ентоні Нації та націоналізм у глобальну епоху. Київ: Княжа-Центр, 2006.
6. Старосольський В. Теорія нації. Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Т. Шевченка; Київ: Вища школа, 1998.

Zhang Jian

**ANALYSIS ON THE NEW CHANGES OF RUSSIA'S VIEWS
OF THE WORLD AND ITS CHARACTERISTICS,
REASONS AND INFLUENCE**

Abstract. In recent years, Russia's view of the world has undergone significant changes in face of the severe internal and external situations. Such changes will have a profound impact on Russia's foreign policy, especially on Western policy. By analyzing the Russian foreign policy guidance documents, elites stratum, people's basic attitudes and ideas on the global situation, international relations and international affairs, this paper draws conclusions that Russia's perceptions of external threats are deepening, the state emphasizes the development of military forces, the elite is more inclined to believe that military strength is the means to achieve national interests; anti-Americanism and nationalism is in a high level, which stimulates aspirations to pursue Russia's status of great power. The change of Russia's view of the world is led by changes in both the surrounding environment and the deterioration of the international situation as external factors and Russia's economic difficulties, media propaganda, the national character as internal factors. At the end of the paper, it evaluates the main influence of the new change of Russia's view of the world on both the means and the policies/ideas on Western policy, the great power mentality and the multi-polarization.

Keywords: Russia, Elite and Public Opinion, Views of the World, Western Policy.

Чжан Цзянь

**АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВИДЕНИЯ
МИРА И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИК,
ПРИЧИНЫ И ВЛИЯНИЕ**

Аннотация. В последние годы российское видение мира претерпело значительные изменения в условиях сложной внутренней и внешней ситуации. Такие изменения оказывают глубокое влияние на внешнюю политику России, особенно на Западном направлении. На основе анализа российской внешней политики, изложенной в руководящих документах, основных взглядов и идей о глобальной ситуации, анализа международных отношений и внешней политики, в статье

делается вывод о том, что в России при восприятии внешних угроз государство акцентирует внимание на развитии вооруженных сил, элита более склонна полагать, что военная сила - это средство достижения национальных интересов; на высоком уровне находится анти-американизм и национализм, что стимулирует стремление России добиваться статуса великой державы. Изменения в российском видении мира обусловлены изменениями в окружающей среде и ухудшением международной обстановки, одновременным влиянием как внешних факторов, так и экономических проблем в России, а также пропагандой в СМИ и национальным характером. Подводя итоги исследования, автор оценивает основное влияние политических идей в отношении Запада, а также мощного политического менталитета и многополярности на новейшие изменения в российском видении мира.

Ключевые слова: Россия, элита и общественное мнение, видение мира, политика в отношении Запада.

The view of the world is a country's basic view, attitude and concept on the world situation, international relations and international affairs, regarded as a basis to establish foreign policy and carry out cooperation with other countries. It is an internal concept, which can be embodied as the overall and comprehensive view of leaders, elites and people on international political orientation, impression of the rest of world and foreign policy.

Soviet Union's 70 years' international status and historical achievements have a deep impact on Russia's view of the world. Since the end of the Cold War, Russia's view of the world has both its stability and continuity, and continues developing along with the international situation and domestic situation. The decline during the Yeltsin era have left a shadow in Russia's view of the world. At that time, Russian foreign policy's goal is unexpectedly to join the "civilized world" and ignore Russian national interests. When Putin and Medvedev in power, Russia gradually embarks on the "road of rejuvenation", which is incarnated in its political stability, rapid economic growth and return to worldwide great powers, concerned as an "emerging economy". While Putin returned to Kremlin in 2012, he had to face up to serious national and international situations: criticizes to Russian parliamentary elections from Western countries, the opposition's demonstrations in the streets, the breeding of terrorism caused by turmoil in the Middle East, to Russia has brought new challenges. With the outbreak of Ukraine crisis at the end of 2013 and Russia's annexation of Crimea, US-led

western countries began to impose economic sanctions against Russia, relationship between the West and Russia is more confrontational than at any point since the Cold War. In addition, the US-led western countries continue to increase the propaganda of the threat from Russia, NATO is increasing its defense against Russia. Face to western sanctions, Russia's domestic economic situation is grim, during 2013-2015, its economic growth on the decline, GDP growth rate is 1.3% in 2013, 0.6% in 2014 and -3.4% in 2015. In the same time, Putin's support rate is still as high as 82% in September 2016. Faced up with both internal and external crisis, Russia's view of the world is quietly changing.

In the knowledge society, the elite's attitude and masses' opinions are increasingly linked with a national political direction's behavior and policy-making, so as in Russia. National interests and foreign policy are deeply influenced by the view of the world, just as Constructivism advocates that concept constructs identity, identity determine interest, interest determine behavior.

1. New Changes of Russia's Views of the World and Its Characteristics

In recent years, in particular, since the Ukraine crisis and annexation of Crimea in Russia, views that Russia holds toward the world, the western society are changing, due to sudden changes taken place in both international and national situations. New changes are reflected by Russian leadership, elites and masses' views toward the Russia's place in the world, Russia's national interest, challenges which Russia confronts, nation's friends and enemies, etc.

1.1 Guidance documents on foreign policy

The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2013's edition, hereinafter 'the Concept'), *Russian Military Doctrine*(hereinafter 'the Doctrine') published in December 2014, *Russia's National Security Strategy to 2020*(hereinafter 'the Strategy') published in December 2015 and the States of the Union address by President in recent years, they are guidance's documents on Russia's foreign policy orientation and development. Both those documents' backgrounds and contents are incarnated Russia's view of the world.

"The Concept" is a systemic description of basic principles, priorities, goals and objectives of the foreign policy of the Russian Federation, which deeply embodies Russia's view of the world. "The Concept" had three old editions, separately published in 1993, 2000 and 2008. Compared with old editions, this new edition maintains a more pathetic attitude toward trend of international situation's development. For "the Doctrine", it specifies that NATO's militarization and arms build-ups pose a national security threat to

Russia that requires an appropriate response. This document also points to the threat of destabilization countries bordering Russia or its allies and deployment of foreign troops such nations as a threat to national security. As for "the Strategy", which replaces the 2009's edition, emphasizes Russia's national and social security threats in latest years. Not obsessed with G8 in multilateral cooperation, Russia turns to BRICS mechanism, Shanghai Cooperation Organization and G20 for instead. States of the Union address by President Vladimir Putin in latest years indicates changes of Russia's geopolitical views and its opinions on the threats that the Federation confronts, most important of all, threat to the sovereignty.

1.2 Russian elite's attitude.

The elite of a nation is considered as a vital element when a nation's leadership is making policies. Since the Ukraine Crisis, Russian elites hold a huge different attitude toward Russia-US relation and other domestic or international issues.

First of all, this difference is reflected by the rise of Russian elites' anti-Americanism. Since Dissolution of the Soviet Union, the anti-Americanism among Russian elites are always there and evolves with the development of Russia-US relations. According to a survey, the rate of Russian elites who consider US as a security threat to Russia is quite high in latest years, especially after the Ukraine Crisis, 80.8% in 2016.

In addition, military potential is more decisive in achieving national interests and consolidating role in the world. For the first time since 1993, more elites expressed agreement that a country's military and not economic; potential determines its place and role in international community.

Last but not least, the elite agreed that Russia has expansive national interests. Since the annexation of Crimea to Russia, US-lead western countries made several terms of sanctions against Russia. What upset US is that the annexation changed European frontier after the World War II, and broke international law's principles and rules, while 88.4% Russian elite disagrees with American opinions. According to a latest survey result, most of Russians, exactly speaking, 82.3% reckon that Russia's national interests can extend beyond its existing territory. However, most of Russian between 1999 and 2012 held the opposite position that national interests of Russia should be limited to its existing territory.

1.3 Russian masses opinions.

However the elite has a relatively bigger influence on politics and policy, in knowledge society, masses have also an increasing impact on foreign policy orientation. President Putin and government officials realize that Russian masses' feelings have effect on nation's future development. The

view of the world of Russian masses is reflected by anti-Americanism sentiments, Russia's role in the world and sense of friend and foe.

Firstly, rise of anti-Americanism. Russian masses' view of the world is directly perceived in the field of impression on US. International crisis which influenced Russia one after another, including the Ukraine crisis, made Russian who live in a peaceful age anti-Americanized. Negative opinions on US has reached a new high point.

Secondly, an evolution of Russia's role in the world. From Mikhaïl Gorbachev to Boris Eltsine, Russian masses' view of the world changed from "glory and hope" to "melancholy and hesitation". In recent years, Russians are proud of their diplomatic achievements. An increasing number of Russian care more about their country's role in the world.

Thirdly, a change of sense of friend and foe. Different opinions on a country reflects Russian masses' expectation on bilateral relations' development. Based on a Levada Center's survey in 2016, Russians consider China, Belarus and some other countries as partners.

2. Analysis on new change's reasons of the Russia's view of the world

Three characteristics can be summed up: first of all, external threats deepened; secondly, focus on military potentials from the perspectives of Russian elites; in addition, a rise of anti-Americanism perceived by both the elite and masses, which indicates a rising nationalism in Russian society. New changes are determined by both international and domestic situations factors.

2.1 International situation and surrounding environment.

With the end of US-Russia relations' "reset" and the Ukraine crisis, Russia's surrounding environment and international situation are becoming worse.

2.1.1 Ukraine crisis caused a set of geopolitical problems: increasing doubts from many Eastern and Northern Europe countries, solidarity problem in the Commonwealth of Independent States (CIS), etc. Finland, Sweden, Lithuania, Latvia and some other countries increased generally their defense budgets; Ukraine began to cooperate with NATO and carried out military man oeuvre together; Poland advocated actively setting NATO's defensive arms in his territory. Besides security threats, Russia suffered a freezing winter in terms of its economy growth when facing sanctions. The worsened surrounding environment and problems usually emerged in CIS countries made Russia encounter an unprecedented challenge in the ex-Soviet Union's space.

2.1.2 The relationship between Russia and US is now more confrontational than at any point since the dissolution of Soviet Union. After the Ukraine crisis, the US-Russia "Reset" definitively ended up, then, two countries began to confront in a number of global hot point issues. Although the Cold War has ended more than 20years, the cold war mentality is still a vital element which causes conflicts between two countries. Russian elites regard Russia as a

worldwide power, an indispensable force in international community, while Western countries neglect Russian national interest most of time.

2.1.3 NATO countries continue taking strict precautions against Russia, European Union state members set economic sanctions against Russia, which worsen the relationship between Russia and the Western countries. In 2014's NATO summit, NATO member states agreed to rise military expenses to 2%. The precedent model of "confrontation & cooperation" in Europe is now changing into absolute confrontation. Economic sanction by US-lead western countries slowed Russia's economy growth down. Besides, European Union continue promoting its Eastern Partnership Program, whose origin was marked with anti-Russia factor in some ways.

2.2 Domestic elements.

2.2.1 Russian economy suffered a lot from sanctions which Western countries lay, and its prospect receded. During Putin's first two presidential terms, Russia's society became stable and organised and Russia had a great economic achievement. President Medvedev promoted process of modernization when he was in Kremlin. Russian's life quality is much improved, which relieve social pressure to a certain extent. But, due to decline of international energy needs and recession caused by different factors, Russia fall into economic crisis.

2.2.2 Traditional and New media are both under nation's control. The government has taken some actions, for instance, purchasing a TV station, increase national capitals' rate. Big social media companies, such as VK, Odnoklassniki and Moi Mir, are all under government's absolute control. Examinations by concerned departments are compulsory in the Internet. Since the confrontation between western countries and Russia, in particular, the Ukraine crisis, both traditional and new media have all added reportage concerning western threats and external challenges against Russia.

2.2.3 At present, Russian economy gets into the worst difficulty since 2000, Russia finds himself in an isolated diplomatic position, the security pressure is quite high. Under this background, Russian's nationalism raise up, its patriotism's passion arouse. According to latest survey in 2016, President Putin's support rate is still as high as 82%, and most of Russian still want Putin to continue his Presidential position after 2018.

3. Influences

A country's diplomatic behaviors, cooperation or conflict, partnership or enemy, are decisive by this country's view of the world. As for Russia, the change of view of world not only influences its foreign policy and concepts of its diplomatic behaviors, but also defines its future diplomatic trace.

First of all, this change arouses Russia's world power mentality, and furthermore, it challenges international and regional "order" dominated by western countries.

Russia considers always itself as a world power, an indispensable actor in nowadays international relations. Although its military power is among the first class in the world, Russia is restricted to its endeavor at developing domestic economy and improving people's welfare. Since the Ukraine crisis, faced up with sanctions and diplomatic isolation, Russia has to impose its army in Syria in order that international community recognizes its world power position. Under these circumstances, western countries are in the opposite side of Russia, which leads to Russia's discontent with the "orders" dominated by western countries. In the future, world order may be led to a "disorder", world politics more fragmented, concert among world powers more difficult.

In addition, this change impels Russia to lay more stress on military power in the increasing conflicts with US led western countries.

Russian elites' support to their government and masses' nationalist sentiment make Russia take strong measures with US and the rest of western countries, which embodies its ambition to defend national interests and world power position. The peace process in Ukraine, in Syria and cooperation in terms of anti-terrorism, lack of mutual trust between Russia and western countries, the two sides could hardly find real solution regardless of limited consensus.

Russia has to impose counter-sanction and prolong this period given western countries' new actions. This action of revenge makes two parts suffer heavy losses, in particular between Russia and European countries. In the military field, Russia discontents with numbers of NATO's new arrangements in Eastern Europe. Besides, in terms of numerous issues on peace and stability, Russia is an essential partner to cooperate, however, two parts have so much mistrust so that the possibilities of cooperation are uncertain.

Last but not least, Russia is keen about multipolar world and to develop relations with "non-Western" countries.

Multipolization is the mainstream of contemporary Russian diplomatic thoughts. Russia advocates always a multipolar world, and itself, one of the vital polar. World order dominated by western countries will not absolutely disappear, but it would evaluate gradually. Nevertheless, the West tries everything he can to remain its dominance and hinders the development of multipolization.

In order to reduce the influence of western sanctions, Russia strengthens its cooperation with the Shanghai Cooperation Organization(SCO), the BRICS, the ASEAN and the Community of Latin American and Caribbean States. In 2015, Russia held SCO Summit of Heads of State, BRICS Summit and some other important international multilateral conferences.

Russia advances the policy of "turn to Asia", in which it will intensify relations with Asian countries, such as, China, India and ASEAN countries. In March 2015, Russia became the third biggest shareholder in China-led Asian Infrastructure Investment Bank. Strategic partnership between Russia and China continues strengthening. Besides China, Russia expands its cooperation fields with ASEAN countries in the domains of military cooperation, investment, energy cooperation and so on. Russia also value its relations with Korea and Japan.

4. Conclusion

In contemporary world, international politico-economic order accelerates its evaluation, since the 2000s, Russian elites' view of the world is influenced to a great extent by concepts like "multipolar world order" and "democratization of international relations". In recent years, especially since the Ukraine crisis, changes have taken places in terms of Russia's view of the world; therefore they have impacts on Russia's foreign policy.

Firstly, conflicts between Russia and the west arouse Russian world power mentality. Secondly, the majority of Russian elites and masses have a decreasing impression on US, they considers US as a challenge to their national interest. Geopolitically speaking, strategic squeeze from US is regarded as a threat to Russian national interest. Thirdly, in the field of military potentials, much attention is once again attached. Military power is thought as an essential means to defend national interest.

Facing external threat and economy's crisis, Russia's view of the world become more conservative and Pragmatic. Meanwhile, most of Russian elites are in agreement with the development path led by President Putin. Nevertheless, in long terms, comprehensive national strength, economy as the key, is vital in international competitions. As the economy is a state's political and social basis, changes of politics and society will have an impact on view of the world. If Russian economic reforms don't go well, Russia's stability in terms of domestic and foreign policy will face up great challenges.

References

1. Robinson J.P., Shaver Ph.R., Wrightsman L.S. Measures of Political Attitudes. San Diego: Academic Press, 1999, pp. 533-578; Peffley M., Hurwitz J. International Events and Foreign Policy Belief: Public Response to Changing Soviet-U.S. Relations // American Journal of Political Science. 1992. Vol. 36, No 2, pp.431-461.

2.

叶·普里马科夫著, 李成滋译:《没有俄罗斯, 世界会怎样?》, 北京: 中央编译出版社, 2016年版, 第6页。

3.

高飞、张建：“乌克兰危机背景下的大国博弈及其对国际安全格局的影响”，《和平与发展》，2014年第6期，第97页。

4. Mueller K.P., Shlapak D.A., Johnson M., Ochmanek D. In Defense of a War-game: Bolstering Deterrence on NATO's Eastern Flank. URL: <http://www.rand.org/blog/2016/06/in-defense-of-a-wargame-bolstering-deterrence-on-natos.html>; Courtney W., Shlapak D.A. The West Must Do Far More to Keep Putin at Bay. URL: <http://www.rand.org/blog/2016/08/the-west-must-do-far-more-to-keep-putin-at-bay.html>. (上网时间：2016年8月29日)

5.

亚历山大·温特著，秦亚青译：《国际政治的社会理论》，上海：上海人民出版社，2008年版，第220-228页。

6.

黄登学：“新版《俄罗斯联邦对外政策构想》评述”，载《俄罗斯研究》，2014年第1期，第182-206页。

7. Пряхин В. К дискуссии о новой редакции внешней политики России. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-02-08/5_osmyslenie.html (上网时间：2016年8月1日)

8. Monaghan A. The New Russian Foreign Policy Concept: Evolving Continuity // Chatham House Russia and Eurasia Report. 2013. No 3.

9.

俄罗斯公布新版军事学说提出“非核遏制”概念，人民日报，2014年12月28日，第3版。

10. 俄罗斯出台新版国家安全战略，人民日报，2016年1月2日，第5版。

11. Zimmerman W. The Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives, 1993–2000. Princeton: Princeton University Press, 2002, pp.18-22.

12.

黄平，周弘，江时学主编：《欧洲蓝皮书：欧洲发展报告（2015~2016）》，北京：社会科学文献出版社，2016年版，第67-74页。

13. Mau V. Russia's Economic Policy in 2015–2016: the Imperative of Structural Reform // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. Issue 6. pp. 1-21.

14. The Long Journey to Recovery // World Bank Russia Economic Report. 2016. No 35, April, p. 26.

15. Lukyanov F. Putin's Foreign Policy: The Quest to Restore Russia's Rightful Place // Foreign Affairs. 2016. May/June, pp. 30-37.

Иванков К.В.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИИ ВЛАСТИ В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Аннотация. Статья описывает процесс становления партии власти в Автономной Республике Крым, рассматривает основные каналы рекрутирования её членов. Кроме того, в статье приводятся биографические сведения о наиболее ярких представителях групп, сформировавших крымскую элиту.

Ключевые слова: Украина, Крым, элита, партия власти.

Ivankov K.V.

THE CREATION OF PARTY OF POWER IN THE AUTONOMOUS REPUBLIC OF CRIMEA

Abstract. The article describes the establishment the party of power in The Autonomous Republic of Crimea. It also shows the main channels of it's recruitment. The biographical data about the most famous members of groups that created the political elite of Crimea is also given.

Keywords: Ukraine, Crimea, elite, party of power.

В жизни каждого общества особая роль принадлежит элите. Качества и профессионализм, присущие этим людям, во многом определяют способность социальной системы к функционированию, развитию, стабильности и устойчивости. Определяют они также и эффективность применения имеющихся ресурсов, способность к выработке дальнейшей стратегии.

В этом отношении общество, не обладающее профессиональной, заинтересованной в его развитии элитой, обречено столкнуться с потрясениями и кризисами. Подтверждение этому тезису мы можем видеть на примере современной Украины. Элитарные группировки, действующие в этом государстве, заинтересованы по большей части в укрупнении и сохранении собственных капиталов, а также в сохранении за собой и своими группами постов в органах государственной власти и местного самоуправления. Результатом их деятельности стали политический, экономический и социальный кризисы, перешедшие в настоящее время в вооруженную форму. Более того, он положил начало расколу между народами, живущими в Украине, и ситуацию эту навряд ли удастся исправить ещё в течение многих десятилетий.

На примере Украины мы видим весьма замкнутую элиту, каналы рекрутирования которой обладают существенными барьерами: попасть в её ряды, не обладая внушительными финансовыми и административными ресурсами, практически невозможно. Ещё одним показателем, демонстрирующим замкнутость элиты, является так называемая «партия власти», то есть элитарная группировка, чья деятельность направлена не на благо государства и общества, но в целях обеспечения правящей верхушки, а также всесторонней её поддержки в ходе избирательного процесса и в рамках управленческой деятельности. В сущности, партия власти выполняет функцию «стабилизатора» высшего слоя элиты только для того, чтобы и дальше сохранять за собой позицию в органах государственной власти и местного самоуправления как один из главных источников собственного обогащения. В определённом смысле, такую группировку можно считать *квазиэлитой*, то есть правящим слоем, который не выполняет своей роли и социально-управленческих функций [6].

Партия власти сформировалась и в Автономной Республике Крым. Процесс её создания был неоднороден. На основании данных о качественном составе Верховного Совета Автономной Республики Крым, можно выделить три условных этапа формирования партии власти в республике.

В качестве первого этапа можно выделить период с 1991 по 1994 гг. В 1991 г., после провозглашения Украиной независимости, перед крымской элитой, равно как и перед всем народонаселением полуострова, встал вопрос о том, каково же будет место Крыма в политической системе Украины, сохранит ли он за собой статус автономии, и если да, то каковы будут условия этого автономного статуса. В это время активизировались такие движения, как «Республиканское движение Крыма» (РДК) под руководством Ю.А. Мешкова, «Демократическая Таврида», «Движение 20 января» и многие другие. Эти группы выступали, в числе прочего, за проведение до 1 декабря 1991 г. регионального референдума о статусе Крыма. Когда же Верховный Совет Крыма отказал в рассмотрении вопроса о проведении референдума, члены РДК организовали голодовку протеста у здания Верховного Совета Крыма – это был первый акт борьбы между различными политическими группировками на полуострове [4].

Второй этап формирования партии власти в Крыму – это 1994 – 1998 гг. В 1994 г. после имплементации ряда нормативно-правовых актов, установивших статус Автономной Республики Крым, были проведены выборы Президента АРК, а также парламентские выборы. Пройденный избирательный процесс привёл к укреплению на руково-

дящих должностях Крыма членов предвыборного блока «Россия» во главе с Ю.А. Мешковым, занявшим пост Президента Республики. Рассматривая президентские выборы 1994 г., следует уделить особое внимание биографии двух главных претендентов на этот пост: Ю.А. Мешкова и Н.В. Багрова.

Николай Васильевич Багров был представителем прежней партийной номенклатуры, членом КПСС с 1962 г. С 1969 по апрель 1970 гг. занимал пост секретаря партийного бюро Крымского государственного педагогического института. В период с 1970 по 1988 гг. был заведующим отделом, секретарем, вторым, первым секретарем Крымского областного комитета Коммунистической партии Украины. Также с апреля 1990 г. являлся председателем Крымского Совета народных депутатов [1].

В свою очередь, Юрий Александрович Мешков был одним из тех политиков, которые вошли в состав элиты Крыма на волне либерализации и демократизации политической системы. Основные вехи его биографии следующие: в 1966–1972 гг. работал слесарем на заводе «Фиолент»; в 1977 г. окончил юридический факультет Московского государственного университета. В период с 1977 по 1982 гг. занимал пост следователя, а затем и старшего следователя Крымской областной прокуратуры. В 1982–1985 гг. служил матросом на научно-поисковом судне «Скиф». С 1985 по 1991 гг. – адвокат Крымской коллегии адвокатов, а с 1991 по 1994 гг. – юрист на предприятии «Караплан». Являлся депутатом Верховного Совета Крыма первого созыва, с октября 1991 г. занимал пост председателя РДК [5].

Данный этап в формировании политической элиты весьма важен потому, что наглядно демонстрирует — на начальном этапе существования АРК каналы рекрутирования элиты были довольно широкими. В ряды крымской элиты прошло много людей, не обладавших на тот момент большими финансовыми и административными ресурсами. В качестве примера можно привести депутата Верховного Совета Крыма первого и второго созывов Круглова Александра Георгиевича, который в прошлом работал литературным сотрудником, лаборантом и мотористом в геологических экспедициях, а также экскурсоводом в экскурсионном бюро города Севастополя [2].

Более того, подобная картина наблюдалась на территории всей Украины. Так, например, в 1994 г. доцент Симферопольского государственного университета Нина Ивановна Карпачева, сумела стать депутатом Верховной Рады Украины, при том, что она располагала избирательным штабом из пяти человек и одним автомобилем. Её затраты на избирательную кампанию были настолько низкими, что на сегодняш-

ний день, обладая таким же объёмом ресурсов, будет невозможно даже получить мандат в районном совете.

Заключительный этап формирования партии власти в АРК приходится на 1998 г. Если проанализировать состав Верховного Совета АРК в это время, можно обнаружить, что с этого момента в его рядах практически отсутствуют такие акторы, как рассмотренные нами ранее. Напротив, теперь в этом органе представлены в основном владельцы крупных предприятий, люди, сделавшие хорошую карьеру в период существования СССР и сохранившие за собой посты в системе властных структур. В 1998 г. бывшие представители партийно-хозяйственной номенклатуры и крупные бизнесмены сумели сконцентрировать власть в своих руках.

В качестве примера можно привести Сергея Куницына. Данный актор, хоть и начал свою карьеру трубоукладчиком, быстро сумел занять пост начальника формовочного цеха, а затем и главного инженера завода железобетонных изделий в городе Красноперекопске. В 1989 г. стал инструктором идеологического отдела Красноперекопского городского комитета Коммунистической партии Украины; в 1990 году — возглавил Красноперекопский городской совет и исполнительный комитет. В 1994 г. С. Куницын возглавил группу по созданию Перекопской свободной экономической зоны, с 1996 по 2001 годы являлся главой Администрации Северо-Крымской экспериментальной экономической зоны «Сиваш». Являлся депутатом Верховной Рады Украины в 1990 – 1994 гг., с 1998 г. вошел в состав политической элиты Крыма как депутат Верховного Совета АРК [3].

В процессе формирования партии власти в Крыму определённую роль сыграли и криминальные структуры, которые в 1994 – 1995 гг. весьма активно проникали в органы власти. Этот процесс весьма детально был описан К.А. Чернецовым в работе «Крым бандитский». В числе прочего, автор привёл впечатляющую информацию: осенью 1995 г. силами правоохранительных органов и СБУ было установлено, что «...в крымские городские и районные советы прошло 44 человека, «в разной степени связанные с криминальными структурами». Слияние части криминалитета и политической элиты неизбежно повлекло за собой выработку общих «правил игры» во взаимодействии этих двух групп, а также взаимопроникновение их сфер интересов. Более того, криминальные структуры получили возможность контролировать политический процесс на полуострове, проецировать собственные идеи в сфере политического, а также, в определённой степени, влиять на правоохранительные органы. В довершение ко всему, обладая депу-

татской неприкосновенностью, они начали всеми возможными способами расширять собственный бизнес [7, с. 216-232].

В этом отношении следует отметить, что преступные группировки, действовавшие на территории Крыма, к концу 1990-х гг. по большей части перестали существовать. Многие из них были уничтожены в борьбе друг с другом за сферы влияния. Другие же были рассеяны и уничтожены силами правоохранительных органов. Но немногим выходцам из этой среды удалось уцелеть, защитившись депутатским мандатом, а также легализовав свой бизнес.

В итоге стало ясно, что положение в правящем классе предоставляет очень широкие возможности для собственного обогащения и отстаивания личных корыстных интересов. Поэтому после описанного ранее взаимопроникновения элиты и криминалитета, а также усиления представителей бизнеса, элита полуострова совершила результативные шаги, чтобы стать как можно более замкнутой группой, закрытой от проникновения новых лиц и влияния извне. В итоге крымская элита замкнулась на себе, а система рекрутирования новых её членов приобрела черты гильдий – такой системы, при которой новые члены отбирались из нижних слоёв самой элитарной группы, а потом продвигались по ступеням внутригрупповой иерархии.

Начиная с февраля 2014 года внутри крымской правящей элиты произошли изменения, которые нуждаются в дополнительном исследовании и представляют интерес для политического анализа с точки зрения перспективных направлений для будущих исследований.

Литература

1. Багров Н.В. Крым политический. Персоналии. URL: <http://politika-crimea.ru/persons/14-razdely/persons/161-bagrov-nikolaj-vasilevich> (дата обращения: 17.02.2017).
2. Круглов А.Г. Крым политический. Персоналии. URL: <http://politika-crimea.ru/persons/14-razdely/persons/427-kruglov-aleksandr-georgievich> (дата обращения: 17.02.2017).
3. Куницын С.В. Крым политический. Персоналии. URL: <http://politika-crimea.ru/persons/14-razdely/persons/439-kunitsyn-sergej-vladimirovich> (дата обращения: 17.02.2017).
4. Мальгин А.В. Крымский узел: очерки политической истории Крыма, 1989–1999. Симферополь: Новый Крым, 2000. 161 с.
5. Мешков Ю. А. Крым политический. Персоналии. URL: <http://politika-crimea.ru/persons/14-razdely/persons/500-meshkov-yurij-aleksandrovich> (дата обращения: 17.02.2017).
6. Основы политической элитологии: учеб. пособие для вузов / Г.К. Ашин и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 504 с.
7. Чернецов К.А. Крым бандитский. М.: Центрполиграф, 1998. 378 с.

Клюй Я.С.

РОЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Распад СССР повлек фундаментальные изменения в жизни его субъектов, многие из которых стали на тропу конфликта, считая этот способ эффективным для разрешения возникших противоречий. Многие из них носили этнический характер, генерирующий эмоциональное и бескомпромиссное отношение общественных масс к развитию и урегулированию конфликтов. Актуальность приобретает феномен идентичности как рычаг управления общественных настроений и его роль в ситуации обострения политической напряженности.

Ключевые слова: конфликт, политизация, идентичность, идентификация, проекция, этнос, урегулирование, противоречие.

Kliuy Y.S.

THE ROLE OF IDENTITY IN RUSSIAN ETHNOPOLITICAL CONFLICTS IN POST-SOVIET PERIOD

Abstract. It is well known how dimension of USSR triggered fundamental changes in lives of its subjects what made them stand on the path of conflict considering it as a useful remedy to solve existing and newly arisen contradictions. Many of them had an ethnic character generated an emotional and uncompromising attitude among social mass towards to ongoing conflicts and their regulation. Here, phenomenon of identity is to become actualised since its being a lever of governing over mass spirits and its role in case of escalation of political tensions.

Keywords: Conflict, politicization, identity, identification, projection, ethnicity, regulation, contradiction.

Today prevention of potential ethnic conflicts as well as regulation of ethnopolitical processes is a constant part of political agenda in Russia. It explains the interest of researchers in exploring of the nature of such conflicts and its articulating categories. Conditioned by the unambiguity of empirical data, the emphasis of the observed issue covers a view over the field of conflict directly referring to the field of identity since it greatly unveils tectonic changes in conflict and conflict-prone situations of ethno-political character.

Identity as a socio-psychological phenomenon is one of the primary spheres for sociology in its social and politico-cultural aspects [1, p. 276]. In a wide sense it means a “subject’s quality as a result of individual and group self-perception” [2, p. 623]. Self-identification plays a key role in constructing and articulating of personal selfhood, values, interests, adherence to certain communities to distinguish oneself from other people. Concerning groups of individuals with similar identities we can use such term as “group identity” as a determinant of a social group’s positioning (state, social movement, political party, religious union, and so forth) amongst other groups.

Being a peculiar process of recognition oneself as a part of a certain referent group and one’s internalization of the group’s attitudes and values, identification includes constant shaping and incorporating of personal primordial and immanent projections: national, civilian, confessional, territorial, professional, ethnic, racial, age-related, gender, lingual, and many others. Together they compose a web of identificational elements ranged in a hierarchical order in one’s (or group’s) mind. In other words, different projections can be actualised or restrained in a situational or systematic order within one’s mind. In case of destruction or weakening of some aspects of identity, people can find themselves in a condition of frustrating uncertainty. MSU’s tradition of political psychology states that similar situation occurred with most people after the dimension of the USSR, which used to have highly actualised projection of being Soviet citizens, but once suddenly lost it [1, p. 299]. In such situations, reaction of compensation is one of the most expected. Particularly, I think people experiencing serious stress after steep changes in political life tend to be influenced by ethnic actualisation as far as strong ethnic adherence provides orientation in chaotic life, values that one can rely on, and a sense of not being alone. Arisen ethnic movements can be realised in creation of mass ethnic-based movements such as People’s Party of Sovereign Tyva in Tyva, social movement «Sakha Keskile» in Yakutia, and others.

This fragile essence of identificational harmony opens great opportunities for ethnic elites to promote their interests though ethnic conflicts. Here, conflicts are considered politicised and «economized» [2, p. 389] since ethnopolitical conflictology links ethnopolitical conflict with a remedy of political subjects to achieve and redistribute political power, meanwhile ethnic differentiation is a good trigger of political mobilization [3]. However, it does not reject the complicity of dissatisfaction, which can lead to an open conflict as long as ethnicities imply certain linguistic, cultural and other characteristics being important for ethnic representatives as well. Here, the situation in Tatarstan in the 1990s seems up-to-the-minute: for

many centuries, political, cultural, and economic freedoms of Tatarstan was limited due to central power's fears of possible nationalism there. In spite of this, generally, tatar population supported both Romanov's and Soviet authorities as well as their political representatives excluding some attempts to request autonomy during the Soviet epoch. However, when central Soviet authorities became weak, local elites formulated a new ethno-centric doctrine proving Tatarstan's right to demand complete independency from Russia, which became very popular among local population who managed to arrange great mobilization and stay active for long after M. Shaimiev had to concentrate «bargaining» with Moscow on political autonomy. In result, today ethnic identity in Tatarstan mostly takes place in maintenance of cultural and linguistic traditions of the republic [4].

This leads to the last aspect of the issue: how and when identity assists in alleviation of modern ethnopolitical conflicts in Russia. Here, I share a point of view of Gumelev center's analysts who argue that ethnic problems cannot be solved in Russia once and for all, however, they can be regulated [5]. There is not any universal set of actions to undertake to regulate every conflicts since every region is peculiar. Nevertheless, if there is one ethnicity with a common sense of unity or at least solidarity among all dwelling ethnic groups, the first step to be taken is an agreement between ruling local elite and central authority, which will (partly) satisfy local elites. This enables transformation of radical rhetoric towards a ceasing manner and strengthening some other aspect of people's identity (civilian, lingual, and others). Nevertheless, the transformation should include statements of victories (real or fictional) that let forget the sharpest contradictions and suggest another sphere of activity where public discussion and common deliberation is needed. Unfortunately, this perspective is too hard to accomplish if the conflict is complicated by the multiplicity of confronting ethnic groups and correspondently their elites as it happens in the Northern Caucasus [6, p. 152]. Here, the actualisation of ethnicity is constantly on its peak conditioned by reluctant coexistence of confronting social groups what seriously hinders any peaceful settlement. Despite, state ethnopolitical policy-makers in Russia realises its complicity and adopts an individual tactics for every conflict-prone situation. Moreover, it is stated legislatively in the «Strategy of State National Policy of the Russian Federation till 2025», which requires the next scheme: assessment of the situation, ascertainment of political targets and tasks, definition of mechanisms of realisation of formulated targets [7, p. 379].

Thus, the aforesaid overview demonstrates capacities of the usage of the identity mechanisms for generation and regulation of ethnopolitical conflicts within Russia as well as its constraints what makes federal authori-

ties use various methods to consistently strengthen national unity. To my mind, this knowledge significantly facilitates the stability of ethno-political peace in Russia and hence contributes in general prosperity of the country.

References

1. Volodenkov S.V., Gaman-Golutvina O.V., Gutorov V.A., Evgen'eva T.V., Zverev A.L., Malinova O.U., Palitai I.S., Seleznyeva A.V., Semenko I.S., Sinyakov A.V., Solov'ev A.I., Titov V.V., Shtukina T.A., Urina M.V. Political Sociology: Training and Methodology Complex. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013.
2. Isaev B. Introduction to Political Science. Saint Petersburg: Piter, 2008.
3. Aklaev A.R. Ethnopolitical Conflictology: Analysis and Management. Teaching Book. Moscow: Delo, 2005.
4. Hel'man V., Hopf T. Regional Identity: Social Determinants and Constructive Activity of Mass Media. Saint Petersburg: Letnyi sad, 2004.
5. Ethnopolitical Conflicts: Types and Forms, Regional Specifics: URL: <http://www.gumilev-center.ru/ehtnopoliticheskie-konflikty-tipy-i-formy-proyavleniya-regionalnye-osobennosti/>
6. Phenukhin V.I. Political Institutions, Ethnopolitical Conflictology, National and Political Process and Technologies. Moscow, 2002.
7. Kovalenko V.I. Modern Russian Politics. Moscow: Edition of Moscow State University, 2013.

Ковальска-Стус Ханна

«КАПИТАЛИСТЫ ЗНАНИЯ», «БУРЖУА КУЛЬТУРЫ». РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И СЕГОДНЯ В ОЦЕНКЕ ЯНА МАХАЙСКОГО И ТОМАША ЗАРЫЦКОГО

Аннотация. В статье сравниваются представления Я. Махайского и Т. Зарыцкого о политической роли интеллигенции накануне Первой мировой войны и в современности.

Ключевые слова: интеллигенция, политика, роль, Я. Махайский, Т. Зарыцкий, Первая мировая война, современность.

Kovalska-Stus Hanna

«CAPITALISTS OF KNOWLEDGE», «BOURGEOIS OF CULTURE». THE ROLE OF INTELLECTUALS IN POLITICS ON THE EVE THE FIRST WORLD WAR AND TODAY IN ASSESSMENT OF JAN MAKHAYSKY AND TOMASH ZARYTSKY

Abstract. The article compares the views of Y. Makhaysky and T. Zarytsky on the political role of the intelligentsia on the eve of the First World War and in the contemporary times.

Keywords: intelligentsia, politics, role, J. Makhaysky, T. Zarytsky, First World War, modernity.

Статья содержит анализ оригинальных взглядов критика социализма и К. Маркса – поляка Яна Махайского. Махайский считал интеллигенцию, во главе с Марксом, хозяевами социалистической идеологии – новым господствующим классом. Взгляды Я. Махайского нашли отклик в русских революционных кругах 1905–1912 гг. В интеллигенции мыслитель видел политическую силу, способствующую закреплению рабочих. Махайский сопротивлялся упрощенной концепции, в которой вина за зло в общественных отношениях возлагалась только на капиталистов. Более виновной он считал интеллигенцию, которую советская власть именovala «трудящейся». В названии РСДРП (б) как рабочей мыслитель усматривал противоречие, так как правящие в ней органы состояли из интеллигентов. Потому социализм он называл выразителем интересов не рабочих, а интеллигентов. Он предсказал, что СССР превратится в тюрьму, в которой революционеры станут надсмотрщиками. Потому, хотя идеи Я. Махайского никогда не воплотились в форму организации, власти СССР опасались их. В 1938 г. ЦК ВКП (б) объявил борьбу с «махаевщиной» по поводу её антиленинского отношения к интеллигенции, обвинял Махайского в черносотенстве.

Если Я. Махайский рассматривал роль интеллигенции в контексте марксистской революции, то современный польский исследователь – Т. Зарыцкий – упрекает интеллигенцию в том, что приобрела она в собственность единственный капитал, культурный, которым обладала Польша после разделов, и в том, что пользуясь им, правила народом. Польша, после Первой мировой войны, стала интеллигентской республикой, а интеллигенцию Т. Зарыцкий назвал культурной буржуазией. То же самое наблюдаем сегодня, так как ни тогда, ни сейчас у Польши не было и нет ни финансового, ни политического капитала. Хотя Т. Зарыцкий отмечает значение русской интеллигенции, но по-другому оценивает её роль в русском обществе и государстве.

Когут В.Г., Нурышев Г.Н.

РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье подчеркивается, что Россия как теллуократическое государство, заключившее в начале XX века союз с Антантой как талассократическим объединением, было обречено на поражение. Февральская и Октябрьская революции, иностранная военная интервенция в России напрямую связаны с её трагическим участием в Первой мировой войне в интересах талассократии.

Ключевые слова: геополитическая парадигма, теллуократия, Хартленд, Мировой остров, талассократия, геополитическая субъектность, геополитическая экспансия, лимитрофы, буферное государство.

Cogut V.G., Nuryshv G.N.

RUSSIA IN THE GEOPOLITICAL PROCESSES IN EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article stresses that Russia, as tellurocratic state entered into at the beginning of the twentieth century alliance with the Entente as a thalassocratic union was doomed to defeat. It is noted that the February and October revolutions, foreign military intervention in Russia are directly related to its tragic involvement in World War I in favor thalassocracy.

Keywords: geopolitical paradigm, tellurocracy, Hartland, World Island, thalassocracy, geopolitical subjectivity, geopolitical expansion, border states, a buffer state.

Геополитическое измерение мировых процессов исходит, прежде всего, из основного закона геополитики, утверждавшего фундаментальный исторический дуализм между теллуократией, Евразией, Хартлендом, идеократической цивилизацией, с одной стороны, и талассократией, англосаксонским миром, торговой цивилизацией, с другой. В зависимости от «сухопутной» или «морской» ориентации государств их внешняя и внутренняя политика, историческое сознание, психология, мировоззрение народов складываются по совершенно разным правилам [3].

Убедительный пример действия этого закона показывает историческое противостояние Англии, талассократии и России, теллуократии. В своей работе «Демократические идеалы и реальность» англий-

ский геополитик Х. Маккиндер сформулировал максиму: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром» [5]. Но он не ограничивается лишь формулировкой своей максимы, но и пытается в 1919–1920 гг. реализовать ее на практике на посту верховного комиссара Антанты на Украине и британского советника – проконсула в штабе генерала А. Деникина. Х. Маккиндер активно участвует в организации международной поддержки белому движению как талассократически ориентированной силе. Он лично консультировал вождей белого дела, стараясь добиться максимальной поддержки от правительства Англии. Наибольшую опасность для Запада, по мнению Х. Маккиндера, представляют большевики, которые контролируют внутренние территории Хартленда и могут стать серьезной евразийской сухопутной силой, самостоятельным геополитическим субъектом. Чтобы не допустить появления такой силы, полагает он, необходимо срочно создать под контролем западноевропейских держав такие марионеточные государства, как Белоруссия, Украина, Южная Россия, Дагестан (включающий весь Северный Кавказ), Грузия, Армения, Азербайджан. Чтобы исключить появление мощных соперников в борьбе за превосходство над «Мировым островом», Х. Маккиндер предлагает разделить Германию и Россию на несколько самостоятельных государств. Он добился того, чтобы в Версальском договоре было закреплено появление таких лимитрофов, буферных государств, как Польша, Румыния, Чехословакия, Эстония, Латвия, Литва. Х. Маккиндер был убежден в том, что «Москва должна быть выиграна славянской кровью» [1]. Так Х. Маккиндер выразил характерные черты британской геополитики. «Держать чужие государства под угрозой революции стало уже довольно давно ремеслом Англии», – писал Отто фон Бисмарк, подмечая характерный стиль геополитики Великобритании на протяжении длительного исторического периода времени [7].

Не случайно ныне малоизвестный русский военный аналитик, серьезный специалист в области геополитики и геостратегии А.Е. Едрийин (Вандам) в начале XX века неоднократно заявлял, что главным геополитическим и геостратегическим противником России всегда будут выступать Англия, англосаксы (англичане и американцы). А.Е. Вандам тщательно анализирует стратегию Великобритании в мировом геополитическом противоборстве и по-своему обосновывает первый закон геополитики. «Одним из основных и неизменных принципов государственной политики (Вышей Стратегии) англичан явля-

ется следующий: уничтожив морские силы своих соперников и запев последних на материке, - удерживать их на нем подвижными стенами своего могущественного флота.... Ввиду этого, вторым основным принципом государственной стратегии англичан является наложение на континентальные народы особого рода оков *balance of power*, под которым, по словам лорда Керзона, подразумевается освященное веками решение Англии не допускать на континенте Европы скольконибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы», - отмечает он [2, с.159-160].

Так как единственной сильной державой на всем континенте остается Россия, то, по мнению А.Е. Вандама, английские стратеги с такою же спокойной совестью начнут устанавливать *balance of power* и против России, с какой устанавливали они его против Испании, Франции и Германии. Таким образом, Англия обязательно приступит к образованию коалиции против России для постепенного оттеснения не только от Балтийского и Черного морей, но и от Кавказа и Китая. В связи с этим, по его мнению, и начнется титаническая борьба между Россией и англосаксонским миром, которая будет продолжаться все двадцатое столетие [2, с. 182-183].

Отсюда геополитическая максима А.Е. Вандама заложена в мысли о том, что хуже вражды с англосаксом может быть только одно – дружба с ним. Он Вандам пророчески предсказывает не только причины и ход предстоящей Первой мировой войны (включая сценарий ее развязывания), но и возможные ее итоги, от которых Россия, по его мнению, практически ничего не получит. Он подчеркивает несоответствие высшим долгосрочным интересам России ее вступление в Антанту, которое вынудит к участию нашей страны в предстоящей большой европейской войне не за свои, а за чужие интересы, главным образом – за интересы Британской империи. А поэтому Россия, по мнению Е.А. Вандама, ни при каких обстоятельствах не должна позволить втянуть себя в грядущую войну, войну исключительно в интересах Великобритании.

Умелая стратегия англосаксонского мира, считает А.Е. Вандам, дает все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком: «Испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роко-

вой ход, приведший к проигрышу партии? Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих» [2, с. 182-183]. Генерал был обеспокоен легковесным и безответственным отношением правящих кругов к выработке и проведении геополитики и геостратегии России, что, по его мнению, сыграет зловещую роль в ее будущей судьбе.

Из первого закона геополитики вытекает четко выраженная закономерность: теллуократическое государство, играющее по правилам талассократии всегда проигрывает. Об этом свидетельствует и российский исторический опыт. Россия, теллуократическое государство заключившее в начале XX века союз с Антантой, было обречено на поражение. Накануне Первой мировой войны Россия оказалась в очень невыгодном геополитическом положении. В случае войны с Германией российский флот оказывался запертым в Балтике, Россия лишалась полноценной торговли со Швецией и Данией. Выход в Средиземное море из-за прогерманской позиции Турции оказывался для России тоже недоступным. Для выполнения функций «ворот во внешний мир» из-за низкой пропускной способности железных дорог и высоких транспортных издержек мало подходили Владивосток и Архангельск [10].

Февральская и Октябрьская революции и иностранная военная интервенция в России напрямую связаны с ее трагическим участием в Первой мировой войне, в этой кровавой мясорубке в интересах талассократии. Жертвуя миллионами своих солдат, оттягивая с Западного фронта на Восточный десятки немецких дивизий, царское правительство осуществляло тем самым не столько свои «самостоятельные», сколько цели Антанты, к которой приковали Россию как полуколонию миллиардные займы, взятые царем в Англии и Франции. При этом оно даже не могло объяснить ни российскому обществу и ни даже самой армии, ради каких именно целей идет эта тяжелая война.

Западные союзники цинично и хищнически эксплуатировали Россию. Индустриализация в России накануне Первой мировой войны была односторонней, ее промышленность была преимущественно добывающей, а оборонная промышленность, необходимая для успешного ведения войны, находилась в зачаточном состоянии. Ее экономика сильно зависела от импорта. Поэтому страна к войне оказалась экономически не подготовленной. В то время как у союзников склады ломились от боеприпасов, в царской армии самого начала военных действий катастрофически не хватало снарядов, пушек и даже винтовок. Это было, конечно, и следствием серьезного отставания промышленного развития России от ведущих капиталистических стран. Так, про-

изводство стали в России в 1913 г. на душу населения приходилось в 11 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Германии, в 6 раз меньше, чем в Англии, в 4 раза меньше, чем во Франции. Не случайно, военная промышленность Германии превосходила русскую и французскую вместе взятые, и не уступала по своему потенциалу военной промышленности всей Антанты, включая Англию. Кроме того, российские предприятия, которые работали на фронт, принадлежали частному капиталу, в том числе и иностранному. Они заламывали государству двойные и тройные цены за военную продукцию, но ее явно не хватало. Поэтому царское правительство было вынуждено покупать вооружение и снаряжение у своих союзников на самых невыгодных условиях по очень высоким ценам и в крайне растянутые сроки поставок, срывая этим наступательные операции русской армии. При этом союзники потребовали обеспечить военные заказы золотом, что создавало риск потери финансового суверенитета. Но, тем не менее, в ходе войны Россия вынуждена была переправить, например, в Банк Англии 498 т золота. К тому же золотой запас России был необходим и для поддержания внутреннего денежного обращения, так как действовал золотой стандарт в стране. Российские государственные и политические деятели ставили вопрос о полной отмене золотого стандарта на время войны по примеру западных стран. Но царское правительство продолжало воевать с «золотой удавкой» на шее под давлением Ротшильдов и других хозяев золота. Всего с начала войны до октября 1917 г. из России было вывезено за границу золота на сумму 643 млн. золотых руб. Страна стремительно теряла свой золотой запас, внешний долг быстро увеличивался и к концу 1917 г. составил более 8 млрд. руб. Так Россия накануне революции 1917 г. стала абсолютным чемпионом мира по внешнему долгу. В 1916 – 1917 гг. уже пришлось неоднократно прибегнуть к печатному станку, началось быстрое обесценение рубля [4].

Кроме того царское правительство приняло на себя обязательство выделять союзникам из своих скудных запасов хлеб и другие продовольственные товары. Население и солдаты на фронте голодали, не хватало одежды, обуви. Уже с осени 1916 г. поставка продовольствия в Петроград составляла лишь половину его потребностей. Война поглощала все ресурсы страны. Около 14 миллионов работников было взято в армию, оторвано от хозяйства. В тылу не хватало работников, в результате останавливались фабрики и заводы, сокращалось сельскохозяйственное производство. 1917 г. начался в Петрограде новыми стачками, забастовками, демонстрациями. Кризисная ситуация в стране увеличивала свои масштабы. В войне Россия потеряла значительные

территории в Прибалтике, Украине, Белоруссии, Польше. Но в течение всей войны царское правительство оставалось наиболее верным сторонниками прочного союза с Антантой в войне «до победного конца». В этом оно было едино с союзниками. Так, на приеме у царя английский дипломат Мильнер заявил, что союзники не допустят «преждевременного» выхода России из войны [11]. Как и царская администрация, так и Временное правительство, отражавшее интересы российской либеральной буржуазии, встало на путь поддержки союзников в войне «до победного конца».

Антанта же, прогнозируя весной 1917 г. крушение русского фронта, предполагала перебросить в Европу миллион японских солдат в обмен на земли подконтрольных тогда России Маньчжурии и Уссурийского края. Поэтому Япония, восприняв революцию в октябре 1917 г. как факт выхода страны из войны, объявила России войну. Японское правительство собиралось захватить русский Дальний Восток под предлогом неисполнения Россией своих союзнических обязательств [10].

В 1917 г. Запад полностью перестал признавать геополитическую субъектность России. Она стала объектом геополитической экспансии. Но для оправдания вмешательства во внутренние дела России Антанта ссылалась на Брестский мир и необходимость борьбы с Германией. Но на деле Брестский мир был заключён в марте 1918 г., а на два с половиной месяца раньше было подписана англо-французская конвенция о разделе России на сферы влияния и началось вторжение в Бессарабию Румынии, «верного союзника» по Антанте. В 1938 г. по этой же схеме будет подписано Мюнхенское соглашение о разделе Чехословакии.

Лондон и Париж пришли к мнению о том, что отныне будут рассматривать Россию не в качестве союзника по Антанте, а как территорию для реализации своих геополитических интересов. Так, в английскую «сферу действий» вошли Кавказ, казачьи области Дона и Кубани, Средняя Азия, а во французскую – Украина, Бессарабия и Крым.

Союзники по Антанте решили вообще никак не реагировать на мирные инициативы Советского правительства. Они были уверены в том, что дни Советской власти сочтены. Антанта была категорически против выхода России из войны и потребовала от нее выполнения обязательств, взятых царским и Временным правительствами. Французский маршал Ф. Фош предложил объединить антибольшевистские силы Юга России (донское казачество, украинских и кавказских националистов), способные продолжить борьбу с Германией, вокруг румынской армии. А для их снабжения боеприпасами предлагалось овладеть Транссибирской железнодорожной магистралью, что впо-

следствии и было сделано с помощью чехословацкого корпуса, но уже для борьбы против Советской власти.

Однако и после окончания Первой мировой войны государства Антанты и не думали уходить из России. Развязав интервенцию, они ставили геополитическую задачу – расчленив территорию исторической России, создав на её окраинах сеть подконтрольных Западу «независимых» буферных государств [8].

А для этого Антанта начинает в России раскручивать геополитические игры. Поэтому с августа 1917 г., англичане и французы, осознав, что режим А.Ф. Керенского не способен продолжать войну «до победного конца», начинают тайно делать ставку на генерала Л.Г. Корнилова. Далее планируется на съезде Советов «мирная» передача власти от А.Ф. Керенского Л.Д. Троцкому, ставленнику некоторых американских финансовых кругов. Не случайно ещё до 25 октября 1917 г. влиятельная «Нью-Йорк Таймс» опубликовала портретом Л.Д. Троцкого в передовице и с надписью «новый глава революционного правительства в России». Следующий этап этих игр связан с кандидатурой А.В. Колчака, который был утвержден в 1918 г. на должности «верховного правительства» лично президентом США В. Вильсоном и премьер-министром Великобритании Д. Ллойд-Джорджем в Версале [6].

Об этом убедительно свидетельствуют воспоминания У. Черчилля. Ценность его мемуаров заключается в том, что они вскрывают планы интервенции и методы ее проведения, и это придает воспоминаниям Черчилля актуально-политический характер. Он четко обозначает геополитическую ориентацию Англии: подчинение России – это вопрос мировой политики. У. Черчилль называет ту роль, которая отводилась Англией нашей стране: «Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе»[12, с. 39]. Но он признает причины успеха Октябрьской революции: «В России ничто не могло устоять перед двумя лозунгами: «всю землю крестьянам» и «всю власть советам»[12, с. 48].

Поэтому после возникновения Советской власти, по мнению У. Черчилля, назрела необходимость более решительных мер в отношении России, которые были сформулированы в англо-французской конвенции о разделе России на сферы влияния: «Именно 23 декабря 1917 г. между Англией и Францией была заключена конвенция, которую выработали Клемансо, Пишон и Фош, с одной стороны, и лорд Мильнер, лорд Роберт Сесиль и представители английских военных

кругов, с другой; эта конвенция имела целью установить дальнейшую политику обеих держав на юге России. Конвенция предусматривала оказание помощи генералу Алексееву, находящемуся тогда в Новочеркасске, и географическое разделение сферы действий этих двух держав на всем том протяжении, какое они были в состоянии охватить. Французам предоставлялось развить свои действия на территории, лежащей к северу от Черного моря, направив их «против врагов», т.е. германцев и враждебных русских войск; англичанам – на востоке от Черного моря, против Турции. Таким образом, как это указано в 3-й статье договора, французская зона Бессарабии, Украины и Крыма, а английская – должна была состоять из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана. На заседании военного кабинета 13 ноября 1918 г. намеченное в конвенции и указанное выше разграничение сфер действия было подтверждено вновь» [12, с. 105].

У. Черчилль подчеркивает, что Британию не будет устраивать в будущем никакая сильная централизованная власть в России, которая, по его мнению, должна представлять несколько автономных государств, и это «будет представлять собою меньшую угрозу для будущего мира всех стран, чем обширная централизованная царская монархия» [12, с. 168].

Он отмечает, что именно этой цели были подчинены все усилия Англии по поддержке белого движения. В частности, о такой поддержке в 1919 г. он пишет: «Большие суммы денег и значительные военные силы были использованы союзниками против большевиков. Англия заплатила по номиналу около 100 млн., Франция от 30 до 40 млн. фунтов стерлингов. Соединенные Штаты содержали и продолжают содержать в Сибири около 8 тыс. солдат; Япония содержит в Восточной Сибири армию численностью от 30 до 40 тыс., и в настоящее время эта армия получает еще подкрепления. Армия адмирала Колчака, снабженная главным образом британским оружием, достигла в мае численности в 300 тыс. чел. Армия ген. Деникина составляют около 250 тыс. солдат. Кроме них следует принять во внимание финнов, которые могли бы дать около 100 тыс. чел. Были также эстонцы, латыши и литовцы, и их общий фронт тянулся от Балтийского побережья вплоть до самой Польши. И наконец, были могущественные польские армии, помощь могла бы быть получена от Румынии и – в меньшей степени – от Сербии и Чехословакии» [12, с. 171].

У. Черчилль вынужден признать, что такая большая помощь белому движению, к сожалению, не увенчалась успехом: «Храбрость и преданность делу горели в отдельных личностях; в жестокости никогда не было недостатка, но тех качеств, какие дают возможность де-

сяткам тысяч людей, соединившись воедино, действовать для достижения одной общей цели, совершенно не было среди этих обломков царской империи» [12, с. 185].

Чрезвычайно важным является в условиях современной информационно-психологической войны его заявление: «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года [Г.Н. – 1919 г.] мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив этого, русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи» [12, с. 174]. Безусловно, эта истина неприятно чувствительна и для современных либералов. Нельзя России играть по правилам талассократии – таков геополитический урок, который должна вынести современная российская политическая элита из геополитических процессов начала XX века.

Литература

1. Блуэ Д. Сэр Халфорд Макиндер как британский Верховный Комиссар на юге России в 1919-1920 годах. URL: <http://bichgan.livejournal.com/140922.html#/140922.html> (дата обращения: 27.01.2017).
2. Вандам (Едрихин) А.Е. Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии) // Геополитика и геостратегия / сост. И. Образцов. М.: Кучково поле, 2002. С. 155-186.
3. Дугин А.Г. Великая война континентов. URL: <http://evrazia.org/article/2456> (дата обращения: 27.01.2017).
4. Катасонов В. Как Антанта толкала Россию к экономической катастрофе и революции. URL: <http://politikus.ru/articles/89022-kak-antanta-tolkala-rossiyu-k-ekonomicheskoy-katastrofe-i-revoljucii.html> (дата обращения: 12.01.2017).
5. Маккиндер Х.Д. Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 134-144.
6. Мультиатули П. Почему проиграли белые? URL: <http://www.pravoslavie.ru/37122.html> (дата обращения: 14.01.2017).
7. Мусенко Т.В., Лукин В.Н. Изменение культурных ориентаций как тренд глобального развития. URL: <http://credonew.ru/content/view/704/60/> (дата обращения: 08.01.2017).
8. Назаров О. Тайное и явное. Предательство союзников. URL: <http://rusmir.in.ua/ist/3540-taynoe-i-yavnoe-predatelstvo-soyuznikov.html> (дата обращения: 09.01.2017).
9. Нурышев Г.Н. Классики российской геополитики: А.Е. Вандам // Национальная безопасность и стратегическое планирование. СПб., 2013. № 4. С. 24-28.

10. Попов Г.Г. Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты). URL: <http://www.dal.by/news/174/22-10-13-5/> (дата обращения: 02.02.2017).

11. Россия и Антанта. К истории Первой мировой войны. URL: <http://www.dal.by/news/174/06-08-14-24/> (дата обращения: 11.01.2017).

12. Черчилль В. Мировой кризис. М.; Л.: Госвоениздат, 1932. 328 с.

Коларов Г.И.

ОТНОШЕНИЕ ЗАПАДА К УКРАИНЕ И УКРАИНЫ К ЗАПАДУ

Аннотация. В статье содержится анализ отношений между Украиной и Западом во второй половине 2016 г. и в начале 2017 г. Рассматриваются многочисленные неуспехи и ограниченные успехи Киева в отношении западных партнеров. Ставится вопрос о будущем статусе украинских партнеров.

Ключевые слова: Украина, Запад, отношение, политика, фашизм, выборы, бандеровщина.

Kolarov G.I.

ATTITUDE OF THE WEST TO UKRAINE AND OF UKRAINE TO THE WEST

Abstract. In the article are analyzed relations between Ukraine and West in the second part of 2016 and the beginning of 2017. Are considered a lot of un-successes and a few successes of Kiev in its relations with the west partners. Its put a question of a future status of the Ukrainian partners.

Keywords: Ukraine, West, relation, policy, fascism, elections, banderovity.

Много разочарований со стороны Запада пережили в последнее время правящие круги в Киеве. Мечта о членстве в ЕС и НАТО упразднена и уступает место жестокой реальности – и в Брюсселе, и в Вашингтоне уже смотрят на Украину, как на «изгоя», от которого не знают, как отделаться. Европейцы и североамериканцы не зря считают украинцев неготовыми к полной интеграции в евроатлантическое сообщество. Западная политическая и бизнес-элита не готова принять отклонения от законности и норм соблюдения прав человека, а также коррупционные практики.

Особо возмущаются правящие и официальные СМИ в тех западных странах, которые составляли костяк антифашистской коалиции, во время Второй мировой войны, либо понесли больше остальных жертв и разрушений. В Западной Европе это, прежде всего, Нидерланды и Франция, в Восточной – Польша, Сербия, Черногория и Болгария. Среди государств – союзников Гитлера, неприятие украинского реваншизма и русофобии наблюдается в самой Германии (после войны ФРГ и ГДР прошли разную, однако, тем не менее, последовательную и глубокую денацификацию), Италии (где тоже прошла полная дефашизация), Словакии, Венгрии, Австрии.

В Словакии и Венгрии, где существует официально признанное и авторитетное русинское меньшинство, более тысячи лет проживающее в мире и сотрудничестве рядом со словаками и венграми, звучит сильная критика в адрес киевских и особенно львовских властей, из-за непризнания существования русинского этноса как самостоятельной этнической группы, проживающей в Подкарпатской Руси и преследования его активистов.

В Западной Европе особенно негативно настроены в адрес украинцев граждане Нидерландов. На референдуме они заблокировали членство Украины в ЕС, чтобы не допустить ее вхождение в Шенгенскую зону. В нейтральной во время Второй мировой войны Португалии, где люди плохо ориентируются в вооруженных конфликтах, произошедших в Центральной и Восточной Европе в период 1939–1945 гг., а также до и после этого, уже долгие годы проживает много украинцев, которые, вместе с иммигрантами из Китая, Африки и, конечно, цыганами из Восточной Европы, очень сильно нагружают социальную систему страны. Португальцы особо остро стали чувствовать эту нагрузку во время кризиса. Их присутствие в стране стало причиной появления ультраправых политических движений впервые после революции 25 апреля 1974 г.

Особым случаем является Польша. С одной стороны, особенно консервативные и национал-патриотические польские политические силы категорически не приемлют, чтобы наследники УПА и ОУН упражнялись в политике во Львове и Киеве в её полноте и восхваляли таких одиозных персонажей, как Степан Бандера и Роман Шухевич. Это особенно касается всех организаций поляков, предки которых были вынуждены бежать с Галичины и Волыни под страхом лишения жизни. Только во время Волынской резни летом 1943 г. погибло больше 100 тыс. поляков. Сколько жертв понесла польская нация после основания ОУН и УПА до операции «Висла» (которая привела к ликвидации бандеровского подполья), никто не может точно сказать.

Настроения немногих живых поляков из Западной Украины и их потомков выражает концентрированным образом сайт www.kresy.pl («всходны кресы» на польском языке – покинутые поляками территории сегодняшней Украины, Беларуси, Литвы, Латвии). Сайт очень популярен.

Этот сайт и многие польские общественные и политические организации возмутились 8 января 2017 г. из-за осквернения памятника мучеников – поляков, погибших во время Волынской резни от рук бандеровцев и украинской дивизии СС «Галичина». Поругание «подлило масло в огонь» исторической неприязни двух соседних славянских народов.

С другой стороны, по официальной статистике, предоставленной лично автору этих строк директором Дома Культуры в Варшаве Анной Швед, в Польше уже проживает порядка 3 млн. украинцев (а также 100 тыс. чеченцев). Они практически полностью занимают те ниши производства, которые либо непривлекательны для поляков, либо малооплачиваемые. Соответственно, поляки – специалисты в этих сферах переехали в богатые страны ЕС и возник дефицит рабочей силы, который заполняется именно украинскими трудовыми мигрантами.

Специфическая ситуация сложилась в польской деревне. После вступления Польши в зону Шенгена множество молодых деревенских женщин покинули родные очаги и переехали в более развитые страны ЕС, где, кроме этого, не соблюдаются в такой степени строгие моральные нормы, как в консервативном католическом польском сельском сообществе. Соответственно, молодые польские крестьяне не по своей воле остались холостыми и без рабочей руки в доме. Надо указать, что в польской деревне это случается впервые: во время социализма она не была подвержена коллективизации и не пострадала от миграции в сторону больших городов и промышленных центров. Эту вакансию восполнили молодые украинки. Они в массовом порядке переезжают из украинских в польские деревни, сначала на заработки. Потом большинство из них выходят замуж и остаются на богатых фермах польских хозяев.

Все больше появляется сигналов о смещении конфликта на Донбассе и воссоединения Крыма с Российской Федерацией на второе место в европейских приоритетах. Потому что европейская экономика (прежде всего сельское хозяйство) страдает намного больше российской от взаимных санкций. И европейцы никак не поймут: кому это нужно? Этим вопросом задаются, прежде всего, в немецкоязычных странах, которые терпят убытки от санкций и контрсанкций больше других. В них не только бизнесмены, но и большинство политиков

выступают за быстрое улучшение отношений с Россией и острейшим образом критикуют украинскую власть.

В Германии больше всего критических замечаний в отношении правящих и прозападной оппозиции в Киеве можно услышать от Левой партии и «Пегиды» (правой партии).

Надо подчеркнуть, что такие настроения преобладают и в рядах партнера по правящей коалиции: Христианско-социальном союзе. Его председатель Хорст Зеehoфер делает прямые заявления о необходимости отмены антироссийских санкций и контрсанкций и регулярно общается с В.В. Путиным. Он посетил Москву с официальным визитом, в момент самого большого напряжения и непонимания между Москвой и Берлином. Таким образом, он дал понять, что политика Германии в отношении России поменяется, после перемен во власти.

В Австрии однозначно антиукраинскую и пророссийскую позицию занимают политики из Партии Свободы. Отношение ее руководства и членов к украинскому вопросу выражает самым точным образом выдающийся австрийский славист, директор Института Восточной и Юго-Восточной Европы г. Санкт-Пельтен (рядом с Веной) проф., д.и.н. Петер Бахмайер: «Украинцы ничего не понимают и не хотят слушаться!» Его коллеги – политологи и юристы, активисты Партии Свободы и РЕКОС (консервативные реформы) Йохан Гуденус, Эвальд Штадлер и Роберт Штельцель вместе с ним наблюдали за референдумом в Крыму и своими подписями подтвердили его легитимность. Эта группа австрийских политиков уже долгие годы выступает за сближение между Веной и Москвой. Позиция венских политиков является самым большим разочарованием для украинских правящих кругов, поскольку бандеровская идеология строится на основе так называемого «украинского австрийства» периода включения Западной Украины в состав Австро-Венгерской империи Габсбургов. Там все народы имели равные права и экономический прогресс выражался в социальных достижениях, конкретно в сфере образования и здравоохранения. С тех пор у западных украинцев развивается самоощущение превосходства над восточными и южными славянами. Высокомерие жителей Галичины и Волыни провоцирует ответную негативную реакцию среди южных славян. Жители Болгарии, Сербии, Черногории в целом отвергают русофобию и «австрийство» западных украинцев.

Исключением является второе болгарское государство: Республика Македония. Во время религиозно-этнической войны между болгарской и албанской общинами весной 2001 г. решающую военную помощь македонской армии оказала Украина. Те же самые украинские

пилоты, которые сейчас бомбят позиции ополчения ДНР и ЛНР, тогда бомбили албанцев.

Новоизбранный американский президент Д. Трамп не уважает П. Порошенко. Вопреки нажиму демократов и «ястребов» - республиканцев, он делает все возможное, чтобы улучшить отношения между Москвой и Вашингтоном. И, наверное, сумеет, за счет евроинтеграции Украины. Между ним и В.В. Путиным очевидно есть договоренность о распределении сфер влияния: США – в Латинской Америке, Россия – на постсоветском пространстве.

Можно констатировать, что на Украине в связи с приходом Д. Трампа к власти царит настоящая паника. Местная политическая элита без ни одного исключения позволяла себе нецензурные выпады в его адрес во время предвыборной кампании. Сейчас многие из правящих лиц в Киеве стараются забыть и стереть свидетельства об этом. Только один из них, достаточно долго живший в США, предполагал, что результат президентских выборов может на самом деле быть таким, каким он есть. И никак не позволял себе критики в адрес Д. Трампа. Это М. Саакашвили, который традиционно пользуется поддержкой со стороны Республиканской партии США ещё со времени своего короткого президентства в Грузии. Он был единственным украинским государственным чиновником, который присутствовал на инаугурации Д. Трампа.

М. Ле Пен утверждает, что нельзя оспаривать законность воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Её аргументы: так захотели крымские русские, так проголосовали на референдуме. Ле Пен ответила на угрозы СБУ, что она будет лишена права посещать страну, что вообще туда не собирается. Наоборот, М. Ле Пен собирается посетить Крым по приглашению вице-премьера и руководителя постпредства Республики Крым в Москве Г.Л. Мурадова.

В то же время нельзя не отметить и некоторые несомненные дипломатические успехи правящих в Киеве элит. Например, укрепление отношений П. Порошенко с двумя президентами: Р.Т. Эрдоганом и И. Алиевым. Оба продолжают публично объявлять Крым и Донбасс украинскими, а также поддерживать материально и морально экстремистов в среде крымских татар, находящихся в эмиграции. К ним присоединился и А. Лукашенко. Сейчас украинские танки и БТР воюют благодаря белорусским запчастям и горючему. Пока «Батька» президент Беларуси, так и будет. Потом – неизвестно как.

В Киеве трубят о «самом значимом» дипломатическом успехе с 11 января 2017 г. В Канаде министром иностранных дел назначена Хрися Фриланд. Ее мать Галина Хомяк – этническая украинка с Волы-

ни. Бабушка Александра Лобан и дедушка Михайло Хомяк познакомились и поженились в лагере в Германии, где были размещены западные украинцы, воевавшие на стороне немцев, в бандах С. Бандеры и в уже упомянутой дивизии СС «Галичина». Там родилась и Галина до того как семья переселилась в провинцию Альберта (Канада), где сконцентрировано украинское население (3% всех канадцев). Хрися изучала русскую историю и литературу в США и славяноведение в Великобритании. Кроме английского и французского языков (как канадка по рождению), она владеет украинским (на котором говорит с тремя детьми), русским, польским языками. Во время «цветной революции» приобрела квартиру на Майдане.

Хрися Фриланд гордится своим присутствием в списке 13 канадцев, которым запрещено посещать Российскую Федерацию. Поддерживает связи с канадо-украинцем – представителем ОБСЕ в Киеве Майклом Боцюркивым, сыном фашиста-бандеровца Богдана Боцюркива. В 70-80 годах XX века именно Богдан Боцюркив считался антисоветчиком № 1 на Западе. Его сын играет ключевую роль в нагнетании антироссийских настроений в Канаде и в странах НАТО. В этом деле он не один: богатая, организованная, образованная канадско-украинская община заняла очень серьезные позиции в канадском истеблишменте, настраивая Оттаву против Москвы.

Возникает вопрос: Хрися Фриланд будет развивать отношения с США и Российской Федерацией? Она достаточно жестко настроена против примирения и сотрудничества Вашингтона с Москвой и уже критикует нового президента и его новую команду (в частности нового государственного секретаря Р. Тилерсона) за позитивные высказывания в адрес Кремля и лично – В.В. Путина. И хотя не позволяла себе нецензурные реплики в адрес Дональда Трампа (как, например, её предшественник на посту Стефан Дийон, который был вынужден уйти в отставку после результатов президентских выборов США), непонятно, как она будет работать с ним и со своим коллегой Р. Тиллерсоном. О контактах с В.В. Путиным и С.В. Лавровым и речи быть не может.

Конобеева Е.Е., Конобеева О.Е., Шпортова Т.В.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СИСТЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ В АСПЕКТЕ
ПОВЫШЕНИЯ ВОСПРИИМЧИВОСТИ ЭКОНОМИКИ И
ОБЩЕСТВА К ИННОВАЦИЯМ**

Аннотация. Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости является составной частью задач обеспечения социально-экономического развития страны, решения социальных, экономических и экологических проблем, повышения качества жизни и содействия региональному развитию.

Ключевые слова: учетно-регистрационная система, кадастр недвижимости, бюджетное финансирование.

Konobeeva E.E., Konobeeva O.E., Shportova T.V.

**IMPROVEMENT OF THE STATE OF REGISTRATION OF
REAL ESTATE IN THE ASPECT INCREASED SUSCEPTIBILITY
OF THE ECONOMY AND SOCIETY TO INNOVATION**

Abstract. The development of a unified state system of rights and cadastre registration of real estate is part of the tasks of socio-economic development, solving social, economic and environmental problems, improve the quality of life and promote regional development.

Keywords: accounting and registration system, real estate cadastre, the budget financing.

Государственная политика Российской Федерации в сфере земельно-имущественных отношений направлена на рациональное использование земельных ресурсов и объектов недвижимости как важнейших составляющих национального богатства России, обеспечение государственных гарантий прав собственности и иных вещных прав на недвижимое имущество [1].

План мероприятий («дорожная карта») «Повышение качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. N 2236-р, предусматривает совершенствование процедур взаимодействия учетно-регистрационной системы с заявителями, переход к ведению госу-

дарственного кадастра недвижимости и Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним в электронном виде и оптимизацию внутриведомственных процедур.

За счет создания единой учетно-регистрационной системы, реализации комплекса нормативных, административных и информационных мероприятий планируется сократить сроки государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, количество необходимых процедур, а также повысить гарантии зарегистрированных прав и исключить административные барьеры и коррупционные проявления [1].

В настоящее время произошел эволюционный переход от государственного земельного кадастра к государственному кадастру недвижимости, который создан в рамках реализации подпрограммы «Создание системы кадастра недвижимости (2006 - 2012 годы)» федеральной целевой программы «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра и государственного учета объектов недвижимости (2002 - 2008 годы)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2005 г. N 560. Фактически к концу 2012 года на территории всех 89 кадастровых округов создана техническая инфраструктура государственного кадастра недвижимости [5].

Работы по переносу сведений о ранее учтенных объектах в государственный кадастр недвижимости завершены в 89 кадастровых округах. Создана инфраструктура пространственных данных государственного кадастра недвижимости на всей территории Российской Федерации [2].

Целью Программы является гармонизация сферы земельно-имущественных отношений, базирующаяся на соблюдении баланса интересов, взаимной ответственности и скоординированности усилий государства, бизнеса и общества и обеспечивающая переход к инновационному социально ориентированному типу экономического развития Российской Федерации.

Финансирование мероприятий Программы будет осуществляться за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации [4]. Общий объем финансирования Программы в 2014 - 2019 годах составит 54465,31 млн. рублей, в том числе за счет средств федерального бюджета - 52103,31 млн. рублей (из них на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы - 91,3 млн. рублей, капитальные вложения - 14700,01 млн. рублей, прочие нужды - 37312 млн. рублей) и бюджетов субъектов Российской Федерации - 2362 млн. рублей (из них на прочие нужды - 2362 млн. рублей)

[5].

Можно выделить предложения по совершенствованию работы Управления Росреестра по Орловской области [3]:

1. Сокращение срока государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним до 14 дней, что увеличит производительность сотрудников. Так же с сокращением срока регистрации уменьшатся расходы по функционированию Управления Росреестра по Орловской области.

2. Снижение затрат бюджета Управления Росреестра по Орловской области. Данные анализа отчета об исполнении бюджета говорят о превышении темпа роста расходов по сравнению с ростом доходов бюджета Управления Росреестра по Орловской области. В целях недопущения возникновения дефицита бюджета рекомендуется снизить расходы на 6,77%. Так как один из элементов структуры расходов являются транспортные расходы. В целях оптимизации рекомендуется снизить затраты на транспортные услуги (оптимизировать маршрут движения транспорта) , т. о. расходы снизятся на 8272 тыс. рублей.

3. Проанализировав и сравнив опыт Германии и России в сфере государственной регистрации на недвижимое имущество рекомендуется ввести нотариальное участие к сделке купли – продажи.

4. Создать дополнительные места приема документов, в том числе в Многофункциональных центрах предоставления госуслуг (МФЦ) с предусмотренными комфортными условиями для граждан, увеличение количества самих МФЦ.

Учитывая специфику недвижимости как объекта договора продажи, отличительной особенностью договора является необходимость его регистрации. Только с момента государственной регистрации договор считается заключенным.

Таким образом, можно подвести итог, что, соблюдая порядок и нормы законодательства довольно не сложно произвести регистрацию перехода права собственности на недвижимое имущество и сделок с ним гражданину столкнувшимся с этим впервые. Необходимо также отметить, что в настоящее время не в полной мере решена межведомственная задача обеспечения актуальными и достоверными сведениями об объектах недвижимого имущества и о зарегистрированных правах и сделках с ними.

Литература

1. Кирсанов А. Р. Новая система государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в Российской Федерации /А. Р. Кирсанов// Право.-М., 2010. - с. 18 - 19.

2. Конобеева Е.Е., Конобеева О.Е. Особенности управления регистрационной службы недвижимости / Актуальные аспекты фундаментальных и прикладных исследований: сборник научных трудов/ под. общ. ред. И.Г. Паршутинной. Орел: Изд-во ОрелГИЭТ, 2016. С. 208-213

3. Конобеева О.Е., Конобеева Е.Е., Скворцова Н.А. Государственное регулирование имущественных отношений как фактор социально-экономического развития / Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: тезисы XXX Харакского форума 26-30 мая 2016 г., г. Ялта / Под. ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова.- Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 104-108

4. Конобеева О.Е., Конобеева Е.Е. Ипотечное кредитование как фактор социального развития/ Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.-2009. №5 (73). С. 235-242

5. Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Орловской области [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.to57.rosreestr.ru/> Дата обращения: 25.01.2017

Кротова М.В.

УЧАСТИЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В РЕВОЛЮЦИИ: МОТИВЫ И СУДЬБЫ

Аннотация. Статья посвящена участию отдельных представителей дворянства в революции. Рассматриваются различные мотивы перехода дворян на сторону большевиков – идейные, эстетические и прагматические соображения.

Ключевые слова: дворянство, революция, Г.В. Чичерин, Н.В. Устрялов.

Krotova M.V.

RUSSIAN NOBILITY IN REVOLUTION: MOTIVES AND DESTINIES

Abstract. This report focuses on the participation of the Russian Nobility in the revolution. It discusses the various motives of the transition of the nobles on the side of the Bolsheviks – the ideological, aesthetic and pragmatic considerations.

Keywords: Russian nobility, revolution, G.V. Chicherin, N.V. Ustryalov.

История российской революции полна неожиданных поворотов и разнообразных сюжетов. Когда заходит речь о социальной базе революции в России, то приходится признать, что дворяне не играли в ней большой роли. Действительно, если внимательно проследить биографии лидеров революционного движения, активных участников Октябрьского переворота, то в большинстве своем они были выходцами из мещан, рабочих и крестьян [3]. Для большинства дворян октябрьский переворот означал крах старой жизни, потерю социального статуса и состояния. Кроме того, для многих дворян переход на сторону революции был неприемлем по идейным соображениям.

Так, адвокат В.А. Морозов (1891–1979) предпочел эмиграцию в Китай сотрудничеству с большевиками. В своих воспоминаниях, написанных в 1963–1968 гг., он описал свои впечатления от известия о смене власти в Петрограде, характерные для многих представителей дворянства, когда все происходившее казалось «какой-то фантазмагорией, кошмаром, сном»: «Первая мысль: надо бороться, надо разогнать черный туман, окутавший Россию, медлить нельзя» [8, л. 53]. Морозов заметил, что переход на сторону революции в их среде считался «позором и бесчестьем», «на работу с большевиками смотрели так же, как в Великую Отечественную войну на сотрудничество с немцами», утвердилось мнение: «нельзя шкурные интересы ставить выше чести и достоинства, выше долга перед Родиной» [8, л. 61].

Однако не все рассуждали подобным образом. Известно, что многие из дворян вынуждены были сотрудничать с новой властью, чаще всего из прагматических соображений, пытаясь сохранить работу и прокормить семью. Но даже среди таких представителей дворянства были персонажи, отличавшиеся особой «гибкостью», беспринципностью и изворотливостью. В этом отношении любопытна фигура Сергея Николаевича Меранвиля (1866–1938) – дворянина, потомка древнего французского рода (после революции он изменил фамилию, «опустив» приставку «де-Сент-Клер»), служившего в различных государственных учреждениях Российской империи. Будучи статским советником в отставке, после революции он остался служить на Николаевской железной дороге, теперь уже бывшей в подчинении Наркомата путей сообщения (НКПС), как «испытанный специалист по общеадминистративной части». В начале 1918 г., вслед за переводом НКПС в Москву, он перебрался туда, где, по его словам, «работал там около четырех лет не за страх, а за совесть, в самое тяжелое время, в 1918–

1919 г., при массовых саботажах, полуголоде и холоде. Заслужил прекрасный аттестат, выданный НКПС вне правил» [9, л. 5а]. В апреле 1922 г. Меранвиль с семьей выехал в Харбин, где после долгих хлопот при помощи советского консула смог устроиться на КВЖД, исполняя различные «специальные поручения».

Говоря о значительных деятелях новой власти, членов ВКП (б) – выходцев из дворян, нельзя не упомянуть имена Ф.Э. Дзержинского, А.М. Коллонтай, Г.В. Чичерина. Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926), председатель ВЧК, происходивший из польской дворянской семьи, до 16 лет был «фанатически религиозен», и, разочаровавшись в религии, видимо, направил всю энергию и страсть в новую веру – в марксизм. К этому, как замечают исследователи его биографии, добавился пафос национальной борьбы поляков против России – «поработительницы Польши» [6, с. 564]. А.М. Коллонтай (1872–1952), дочь генерала, вспоминала, что для нее толчком в революцию было посещение в 1896 г. Кремгольской мануфактуры в г. Нарва, где «закабаленность 12000 ткачей и ткачих произвела ... ошеломляющее впечатление» [3, с. 444].

Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) – нарком иностранных дел в 1918–1930 гг., человек глубокой культуры, перешел на сторону большевиков, скорее, из эстетических предпочтений, воспринимая революцию как глобальное мироустройство на новых началах. Отвечая на вопросы анкеты в 1930 г., Чичерин указал в ответе на вопрос «философия»: «Вечное бытие, вечное возобновление, всемирное взаимодействие познаваемой действительности и творческой силы» [5, л.1]. При ответе на вопрос о «величайшем счастье» он написал на французском языке: «Испытывать вторжение пронсящихся ветров и трепет мировых веяний,... принимать участие в созидательном огне ... Эпикуреизм выполненного долга и ирония преодоления противоречий. Одна борозда в степи бескрайней. Радость многолюдства» [5, л. 1]. Эта анкета говорит о Чичерине как о человеке, довольно экзальтированном, мыслящем символами. Можно предположить, что его привлекала в революции не власть, а возможность развития, преобразования. Это было характерно для многих представителей интеллигенции, революционеров – романтиков, видевших в «огне революции» христианский символ жертвенности, «очищения».

Близкими к позиции Г.В. Чичерина были представители идейного течения «сменовеховства», возникшего в эмиграции. Так, для дворянина Николая Васильевича Устрялова (1890–1937) в переходе на сторону революции главным было одобрение того выбора, что сделала история, уверенность в том, что сила – на стороне большевиков. Не

последнюю роль сыграли идеи государственности, власти и порядка, служения родине, а также желание «не остаться на обочине». Характерно напутствие Н.В. Устрялова, жившего в Харбине, студентам-эмигрантам, отправлявшимся учиться в США: «На чужбине не сетуйте и не жалуйтесь на родную страну, какая она есть. Не отрывайтесь от нее – иначе духовно погибнете. Будьте и держите себя гражданами Великой России, а не эмигрантами и изгнанниками; когда окончите образование – возвращайтесь домой, независимо от того, как и по какому плану дом наш будет строиться: высшая правда патриота – смирение перед родиной» [10, с. 36].

Одной из первых участие представителей старинной родовой аристократии в революции отметила С.Р. Грансберг в своих воспоминаниях, причем многих из этих людей она хорошо знала лично: А.М. Устинова и его жену Наталью Рославец, кабардинского князя Абукова, В.Н. Рембелинского, сына статс-секретаря Государственного совета и др. «Этим людям, - подчеркнула Грансберг в своих воспоминаниях, - было что терять, а они шли в партию по своим убеждениям» [2, с. 61]. Она же указала, что такие дворяне стали революционерами, в первую очередь, из чувства вины перед народом, протеста против несправедливости жизни.

Алексей Михайлович Устинов (1879–1937) был сыном богатого помещика, племянником П.А. Столыпина. Впервые он был арестован в 1902 г., когда был студентом. С 1908 по 1917 гг. провел в эмиграции во Франции и Швейцарии, был исключен из дворян, а его имущество было взято под опеку. Устинов вернулся в Россию в апреле 1917 г., в 1920 г. вступил в РКП (б), работал в Разведуправлении РККА, был полпредом в Грузии и Эстонии [1, с. 782]. Владимир Николаевич Рембелинский (1872–1943) служил в Государственной канцелярии, но в 1904 г. был уволен без права служить в государственных учреждениях, находился под следствием за революционную деятельность. Эмигрировал в Швейцарию в 1908 г., в 1917 г. вернулся в Россию. Служил в Красной армии, был уполномоченным Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции. С марта 1924 г. по октябрь 1926 г. – генеральный консул при первом представительстве СССР в Италии. Писатель В. Лидин был поражен его удивительной личностью: «Он был спартанцем и эпикурейцем в одно время, мог спать на полу в солдатской шинели, подостлав для тепла газеты, мог читать наизусть Тютчева и определять звезды, как астроном» [4, с. 192].

Неприятие царского режима, «интеллигентский романтизм», поиски рецепта спасения человечества привели в революцию дворянина, профессора права М.А. Рейснера (1868–1928) и его детей.

Л.И. Рейснер вспоминал: «К дому Романовых семья относилась как к личным врагам». По его словам, Лариса Михайловна Рейснер (1895–1926), фанатично преданная революции, считала, что «Октябрь 1917 года был для нашей семьи еще и возмездием за Декабрь 1825 года, за Пушкина..., за многих других» [7, с. 236].

Дворяне переходили на сторону революции по разным, в том числе, и личным мотивам: разочарование в старом строе, поиск новых идей, мечты об освобождении человечества, увлечение марксизмом как ключом ко всем общественным явлениям. Многих в революции привлекала, прежде всего, её антибуржуазная и антимеркантильная направленность. Немало было и таких дворян, кто участвовал в революции из карьерных соображений, возможности сохранить работу или из личных амбиций. Но практически все эти люди серьезно расплатились за этот выбор, независимо от мотивов.

Литература

1. Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012.
2. Грансберг С.Р. Дела минувших дней. Воспоминания старой коммунистки. М., 1992.
3. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989.
4. Лидин В.Г. Люди и встречи. М.: Московский рабочий, 1965.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1030. Д. 2. Анкета Г.В. Чичерина.
6. Поляков В.А. «На рельсах коммунизма». Российский транспорт на ленинском этапе истории (октябрь 1917–1924 гг.). М., 2016.
7. Рейснер Л.И. Портрет отца // Слово об учителях. Московские востокovedы 20-х – 60-х гг. М.: Наука, 1989.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337. Оп. 5. Д. 14. В.А. Морозов. Записки об эмиграции.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.323. Оп. 9. Д. 3454. Личное дело С.Н. Меранвилья.
10. Студенческая жизнь (Харбин). 1923. № 1.

Крюкова О.С.

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ И ВЛАСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируется проблема исторического выбора интеллигенции как социального феномена, обозначены основные модели взаимоотношений творческой интеллигенции и власти в постреволюционной России.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуал, революция.

Kriukova O.S.

ARTISTIC INTELLIGENTSIA, REVOLUTION AND POWER: SOCIOCULTURAL MODELS OF INTERACTIONS

Abstract. The author analyses the problem of the historical choice of the intelligentsia as a social phenomenon and defines key models of the interactions between the artistic intelligentsia and authorities in the post-revolution Russia.

Keywords: intelligentsia, intelligent and intellectual, revolution, intelligentsia – authority.

Взаимоотношения писателя, актера, режиссера – словом, человека искусства, и власти далеко не всегда гармоничны. Восприятие художником грандиозных социальных потрясений может соответствовать одной из трех социокультурных моделей. Первая модель предполагает резкое неприятие революционного переустройства мира, что было характерно, например, для И.А. Бунина, Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. Это путь внешней и внутренней (работы «в стол» для писателя) эмиграции. Помимо писателей, в эмиграции оказались Ф.И. Шаляпин, С.В. Рахманинов, многие другие деятели отечественной культуры, а также ряд известных философов (так называемый «философский пароход»). Модель вторая характеризуется амбивалентным отношением писателя к социальным переменам (позиция А.А. Блока, для которого «музыка революции» прозвучала в «минуты роковые» и который, в итоге, в революции разочаровался). Для модели третьей свойственно безоговорочное принятие всех общественных изменений (позиция Д. Бедного, «рапповцев»).

Вне этих моделей остаются, как это было принято писать в литературно-художественной критике, отдельные «шатания», «заблуждения», «метания», нечетко сформулированная общественная позиция того или иного деятеля культуры. Многое, к тому же, было скрыто от современников и потомков (например, конкретные причины подписания или неподписания определенных коллективных писем).

Творческая интеллигенция по своей природе оппозиционна к власти, но в большей или меньшей степени. Интеллектуалы – это иная генерация. Это люди, обладающие знаниями, а образованность далеко не всегда сопровождается духовностью, следованием нравственному императиву и ощущением долга перед народом. Разграничению интеллигенции и интеллектуалов было посвящено немало научных и общественных дискуссий начиная с 1920-х гг. [5, с. 123-135]. «Высокая совестливость, ориентация на абсолютные этические нормы и ценности, по-видимому, составляет сердцевину признаков, присущих интеллигенту», – справедливо замечает В.С. Жидков [5, с. 130]. Г.В. Набатов абсолютизирует сам феномен русской интеллигенции: «Само происхождение и история русской интеллигенции не имеет аналогов в мире. По своему умственному настроению ей свойственно врожденное пристрастие к решению ни много ни мало вселенских проблем. Она не чужда безудержного фантазирования, пристрастия к экспериментам, абсолютизации притязаний к властям и т.д. В то же время русская интеллигенция концентрирует в себе самобытность русского народа, склонного как к бесконечному мученичеству, так и «бессмысленному и беспощадному» бунту» [7, с. 250] И напротив, Е.В. Ишимская возражает против традиционного противопоставления интеллигенции интеллектуалам: «Довольно часто «западный интеллектуал» противопоставляется «русскому интеллигенту», подразумевая социальную неконкурентноспособность последнего. Тем не менее, считаем, что данные понятия дополняют друг друга и в целом могут рассматриваться как культурные параллели в западном и российском обществах» [6, с. 85] Исследователь также не усматривает в «вечной оппозиционности власти» [6, с. 85] сущностный признак интеллигенции. Приведенные суждения демонстрируют актуальность не завершенной до настоящего времени дискуссии об интеллигенции.

Разницу между интеллигентом и интеллектуалом, на наш взгляд, можно четко проследить на примере героя, точнее антигероя, горьковской эпопеи – Клима Самгина.

Уяснению позиции самого Максима Горького, личность которого до настоящего времени находится в эпицентре полярных точек зрения и вызывает неизменный исследовательский интерес [2, 3, 9, 10, 11], по

отношению к революционным событиям 1917 г. долгое время препятствовала растиражированная властью мифема (языковая формула) биографического мифа писателя – «буревестник революции». В понимании биографического мифа мы следуем за Т.Б. Шеметовой: «Биографический миф – это миф Нового времени, который не может существовать без своего субъекта – автора, осознающего первоначальную версию собственной судьбы, которая затем многократно переосмысливается как массовым сознанием, так и художниками, исследователями ... он не является порождением коллективного бессознательного, напротив, именно коллективное сознание в различных формах вновь и вновь воспроизводит автобиографический миф» [12, с. 2-3].

Публикация «Несвоевременных мыслей» и переписки Горького проясняет и литературную, и социальную позицию писателя по отношению к конкретным историческим событиям и действиям власти. Еще одна мифема биографического мифа Максима Горького – «основоположник соцреализма» – существенно упрощает представление о трансформации профессиональной идентичности писателя. Будучи «литературным чиновником» и «литературным генералом», Горький тем не менее, оставался прежде всего Писателем. И подтверждением этому служит незавершенный роман-эпопея «Жизнь Клима Самгина», который до сих пор содержит неразгаданные смыслы [10]. Автор изображает наиболее значимые события рубежа XIX-XX вв. в восприятии антигероя – человека, который скрывает собственную позицию за чужими фразами, уклоняется от общественного служения, хотя знаком с представителями различных общественных сил, – человека, который безмерно устал соответствовать чужим ожиданиям. Не случайно Клима носит очки. Сквозь самгинские очки автор изображает широкую панораму жизни российской интеллигенции. Позиция же самого писателя не равнозначна точке зрения героя, не лежит на поверхности. Таким образом, отношение Горького к революционным событиям 1917 г. тяготеет ко второй социокультурной модели, но не сводится исключительно к ней.

Вообще суть отношений творческой и научной интеллигенции с властью невозможно выразить одним определением. Трудно назвать это и общественным служением, идею которого проповедовали, как известно, декабристы. Интеллектуалы, современные Самгины, обходятся без этой идеи, предпочитая разумный компромисс с властью. Они выбирают общение с властью, основанное на материальной заинтересованности, выступая в роли экспертов по тем или иным актуальным вопросам. Эти отношения не сводятся к отношениям работника и работодателя, но полностью бескорыстными их назвать нельзя.

Однако российская интеллигенция исторически обречена на взаимоотношения с властью, может меняться лишь вектор этих отношений.

Литература

1. Алексеева А.П. Постреволюционный конфликт российской инакомыслящей интеллигенции с властью. Автореф. дис. ... канд. исторических наук. М., 2010. 23 с.
2. Басинский П.В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. 451 с.
3. Басинский П.В. Страсти по Максиму: Горький: девять дней после смерти. М.: АСТ: Астрель, 2011. 411 с.
4. Горький М. Несвоевременные мысли. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml (дата обращения: 21.02.2017).
5. Жидков В.С. Театр и власть. 1917–1927. От свободы до «осознанной необходимости». М.: Алетейа, 2003. 656 с.
6. Ишимская Е.В. Интеллигенция: основные категории философского дискурса // Вестник Воронежского гос. технич. ун-та. 2010. Т. 6. № 5. С. 83-85.
7. Набатов Г.В. Российская интеллигенция и Советская власть (1917-1930 гг.) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, политология, регионоведение. 2004. № 1. С. 250-252.
8. Пищулин В.И. Государственная власть и творческая интеллигенция Советской России в 1920–1930-е гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. 30 с.
9. Спиридонова Л.А. Горький: Новый взгляд. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 262 с.
10. Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1992. 222 с.
11. Хьетсо Г. Максим Горький. Судьба писателя. М.: Наследие, 1997. 344 с.
12. Шеметова Т.Б. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М, 2011. 30 с.

Лебедева М.М.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «МЯГКАЯ СИЛА» ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия государств и негосударственных акторов при оказании гуманитарной помощи в ситуации конфликта. Факт такой помощи является реализацией «мягкой силы» акторов. Государства используют инструменты публичной дипломатии для воздействия на общественное мнение. В статье гуманитарная помощь понимается шире, чем доставка необходимых грузов, включает в себя также помощь по урегулированию конфликта. Обсуждаются возможности и ограничения взаимодействия акторов при оказании гуманитарной помощи в условиях конфликта.

Ключевые слова: публичная дипломатия, гуманитарная помощь, конфликты, «мягкая сила».

Lebedeva M.M.

PUBLIC DIPLOMACY AND SOFT POWER IN THE IMPLEMENTATION OF HUMANITARIAN AID IN A CONFLICT

Abstract. The article is devoted to analysis of the interaction between states and non-state actors in the provision of humanitarian aid in conflict situations. It is noted that the fact of such assistance is the implementation of the soft power of actors. While states use the tools of public diplomacy to influence public opinion. Humanitarian assistance is understood wider in the article than the delivery of necessary goods. It includes assistance to resolve the conflict. The article discusses the possibilities and limitations arising from the interaction of various actors in the provision of humanitarian assistance in conflict situations.

Keywords: public diplomacy, humanitarian aid, conflicts, soft power.

Современные конфликты, сопровождающиеся обстрелами, разрушениями домов, инфраструктуры и т.п., порождают множество лишений для мирного населения, в том числе, порождают нехватку питьевой воды, продуктов питания, медикаментов, одежды, жилья. В мире налажена технология оказания гуманитарной помощи. Вместе с тем, сегодня масштабы гуманитарных катастроф в результате конфликтов могут быть огромны, и в таких случаях без взаимодействия различных

участников – государств, международных организаций, негосударственных акторов – осуществление гуманитарной помощи на мировой арене оказывается крайне сложной.

В большинстве случаев негосударственные акторы, прежде всего, бизнес и неправительственные организации (особую роль могут играть женские организации [2]) сотрудничают с государствами и международными организациями при оказании гуманитарной помощи в условиях конфликта. При этом роли довольно четко распределены: бизнес финансирует эту деятельность, в то время как НПО занимаются её реализацией. Все участники оказания гуманитарной помощи реализуют тем самым свою «мягкую силу». Важно подчеркнуть, что «мягкой силой» обладают не только государства, но и негосударственные акторы [5].

Со стороны государства гуманитарная помощь участникам конфликта сопровождается публичной дипломатией, которая представляет собой оказание воздействия на общество других стран [6] по официальным и неофициальным каналам. Неофициальные каналы предполагают воздействие через структуры НПО, бизнеса, академические структуры, СМИ, женские организации и т.п. В условиях конфликта публичная дипломатия направлена на участников конфликта, а также на формирование общественного мнения в мире в целом.

Гуманитарную помощь вряд ли стоит сводить только непосредственно к доставке необходимых грузов. Она значительно шире. Особенно значимыми здесь оказываются все действия, связанные с примирением враждующих групп. Формы, через которые может осуществляться примирение – многообразны. Например, это могут быть бизнес-проекты с привлечением к участию в них представителей противоборствующих сторон. Инициативы таких проектов и первоначальное финансирование может быть предложено бизнесом. Организация и проведение семинаров по поиску выходов из конфликтов и примирению стороны проводится обычно представителями академического сообщества страны, не вовлеченной в сам конфликт [3], нередко при финансовой поддержке бизнеса. Подобные действия также способствуют реализации «мягкой силы» негосударственных акторов, а также тех государств, с которыми они ассоциируются.

В то же время воздействие на конфликт при помощи «мягкой силы» и использовании инструментов публичной дипломатии не всегда оказывается однозначно позитивным. Например, реализация продуктов питания и медикаментов различными неправительственными организациями, когда одна выдвигает, казалось бы, «безобидные» усло-

вия (отказ от участия в конфликте), а другая условий не выдвигает, приводит к эскалации конфликта [4].

Существует и множество других ограничений при включении в урегулирование конфликтов негосударственных акторов. Это и отсутствие полноты информации, и не всегда высокий уровень профессиональной подготовки волонтеров, и ряд других [1].

Однако особые проблемы начинают возникать, когда в конфликт прямо или косвенно вовлечены несколько государств с различными интересами, а также оценками конфликта. В этом случае негосударственные акторы, взаимодействующие с разными государствами, также оказываются в ситуации столкновения интересов даже в простейших ситуациях доставки гуманитарной помощи. Сам факт доставки такой помощи может интерпретироваться противоположной стороной как вмешательство. Наиболее ярко это проявляется в деятельности СМИ и влечёт за собой развязывания информационных войн. Но и другие акторы, несмотря на то, что они всё же являются самостоятельными игроками, а не простыми трансляторами интересов государств, включаются в противоборство. В результате возникает феномен, получивший название «гибридной войны». В некоторых случаях негосударственные акторы начинают действовать самостоятельно, используя порой крайне радикальные методы, что ведёт к эскалации конфликта, а также его неуправляемости.

Литература

1. Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4 (43). С. 45-56. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.3.
2. Тикнер Дж.Э. и др. Мировая политика с гендерных позиций. М.: Культурная революция, 2006.
3. Doob L.W. A Cyprus Workshop: An Exercise in Intervention Methodology // Journal of Social Psychology. 1974. Vol. 94. № 2. P. 161-178.
4. Natsios A.S. An NGO Perspective / Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques / ed. by I.W. Zartman and J.L. Rasmussen. Washington: United States Institute of Peace, 1997. P. 337-361.
5. Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, Oxford University Press, 2002.
6. Snow N., Taylor Ph. M. (eds.). Routledge Handbook of Public Diplomacy. N.Y.: Routledge, 2009.

Лебедева О.А.

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ИНФОРМАТИВНЫЕ СРЕДСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В условиях сложной экономической ситуации в России оказание спонсорской поддержки позволяет успешно осуществлять различные проекты. Благотворительность как добровольная деятельность заключается в безвозмездном выделении сил и средств для достижения общественного блага. Благодаря использованию этих инструментов появляется возможность адресной поддержки и привлечения внимания к деятельности организаций.

Ключевые слова: спонсорство, спонсор, благотворительность, благотворительные фонды.

Lebedeva O.A.

COMMUNICATIVE AND INFORMATIVE TOOLS IN CONTEMPORARY SOCIETY

Abstract. In the difficult economic situation in the Russian sponsorship to successfully implement various projects. Charity is a voluntary activity is gratuitous allocation of forces and means to achieve the public good. By using these tools, it is possible to address the support and draw attention to the activities of the organizations.

Keywords: sponsorship, the sponsor, charity, charities.

Привлечение внимания к определенным проектам и мероприятиям невозможно без использования коммуникативных и информативных средств, главными инструментами которых выступают спонсорство и благотворительность. Спонсорство и благотворительность – понятия, которые довольно часто путают. В наше время благотворительность, как и спонсорство, в большинстве случаев, рассматривается как основная часть действий, предпринимаемых для привлечения внимания к деятельности той или иной организации.

Благотворительность - оказание бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) помощи тем, кто в этом нуждается. Основной чертой благотворительности является добровольный выбор вида, времени и места, а также содержания помощи. Спонсорство - это привлечение средств компании-спонсора к какому-либо проекту или акции с целью достижения нужного рекламного эффекта.

Большинство специалистов разделяют мнения, что спонсорство – это комплексное средство, применяемое компаниями для улучшения и поддержания своей репутации. Чаще всего спонсорство рассматривается как плата за рекламу, и поэтому в таком случае основной целью спонсорства является получение рекламного эффекта.

К остальным желаемым результатам спонсорской деятельности относят: создание привлекательного имиджа фирмы и ее первых лиц в глазах различных групп общественности; выстраивание доверительных отношений с группами влияния, от которых зависит успех дела; содействие в формировании общественного мнения о деятельности фирмы; установление постоянных отношений со СМИ и органами власти.

Если окунуться в историю, можем заметить, что спонсорство использовалось монархами и знатью, которые «покровительствовали искусству». В наше время компании готовы бороться за право спонсировать выгодные и масштабные проекты, так как спонсорство – это достаточно эффективная деятельность. Благодаря спонсированию крупных и популярных проектов, можно добиться значительных результатов, чем спонсирование незначительных проектов.

Для того чтобы спонсорство принесло значимые результаты, необходимо грамотно определить цели, выбрать сферу спонсирования и организовать деятельность. Главной задачей является разработка спонсорского пакета, подбор или организация мероприятия по запросу потенциального спонсора, проведение или контроль рекламной компании спонсора в рамках конкретного мероприятия, подготовка отчетов о спонсорском участии в проекте.

В современном обществе всё чаще спонсорскую поддержку оказывают спорту и искусству. В качестве спонсоров, как правило, выступают достаточно крупные компании, обладающие значительными финансовыми ресурсами. Например, компания Volkswagen является активным спонсором многих массовых мероприятий. В их числе спонсирование Национальной сборной России по футболу и Олимпийских игр 2014 г. Банк «ВТБ» является генеральным спонсором Музыкального фестиваля «Звезды белых ночей». Также ВТБ – спонсор Международного фестиваля балета «Мариинский». С 2008 г. ВТБ – генеральный спонсор легендарного футбольного клуба «Динамо» (Москва).

Объектами спонсорства часто оказываются проекты и фестивали полнометражных, короткометражных и анимационных фильмов, призванные знакомить российского зрителя с актуальными тенденциями европейского и мирового киноискусства, способствовать обмену опытом между российскими и иностранными кинематографистами.

Спонсорство также может быть направлено на привлечение внимания к проектам, раскрывающим историческую привлекательность отдельных населенных пунктов. В частности, региональный общественный фонд «Культурное движение» и Интернет-ресурс «Открытый Орёл» при поддержке администрации г. Орла в 2016 г. запустили новый информационно просветительский проект «Инфографика». Его цель – в простой и наглядной форме рассказать жителям города и его гостям об уникальных культурных и исторических достопримечательностях населенного пункта.

Жемчужинами г. Орла по праву можно считать литературные музеи И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, краеведческий музей, а также памятники архитектуры – Торговые ряды, театр «Свободное пространство», Орловскую мужскую гимназию. Графическое изображение каждого объекта сопровождается фотографиями и краткой информацией о его создателях, истории, изложенной просто и доступно. Тематические листы в формате афиши размещены на 30 остановочных павильонах. В дальнейшем эти листы планируется использовать в школах на уроках, в виде открыток, а также разместить на портале администрации города. Спонсорами данного проекта выступили компания «Зенит», Сбербанк, сеть магазинов «Пятерочка».

По мнению авторов проекта, данная акция может стать посылом для тех, кто живет, например, в отдаленном от центра спальном районе, пойти в музей и вообще заинтересоваться историей своего города. Следующим этапом проекта будет разработка инфографики о великих земляках Орловщины – писателях, поэтах, военачальниках, ученых.

Что касается благотворительности, то в соответствии с законом – это добровольная деятельность, выражающаяся в бескорыстном предоставлении сил и средств и направленная на достижение общественного блага.

Существует ряд причин, по которым люди занимаются благотворительностью. Самым главным основанием является влияние личных мотивов «Я должен помочь» и «Мне это нравится», покаянии за грехи, либо из-за личной заинтересованности проекта. Благотворительные фонды и организации действуют во многих городах России. Например, в г. Орле с 2011 г. функционирует благотворительный фонд «Вера и Возрождение». Главной задачей деятельности фонда является содействие инфраструктурным проектам, направленным на создание условий для оказания реальной адресной помощи нуждающимся детям с ограниченными возможностями. В первую очередь оказывается содействие финансированию проектов, направленных на формирование механизмов обучения и развивающих программ для детей-инвалидов,

создания условий, при которых каждый житель города, которому не безразлична судьба и здоровье любого ребенка-инвалида, сможет оказать посильную помощь. Осуществляется адресная поддержка малообеспеченных семей и граждан, имеющих несовершеннолетних детей, детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями. Эта тенденция уже давно стала трендом в современных западных концепциях оказания психолого-педагогической помощи детям с ограниченными возможностями - ведущие центры ставят во главу угла обучение прежде всего матери ребенка, и лишь потом - совместной работе родителей и профессиональных психологов-медиков с ребенком.

Также часто причиной благотворительности является установление связей с важными людьми – считается, что участие в спонсировании определенного проекта принесет много знакомств с известными людьми.

Спонсорская и благотворительная поддержка организаций может осуществляться в случаях, когда спонсорские средства обеспечивают особые условия для детей или других родственников спонсора (школа, больница), либо выделяются на проекты своих родственников или друзей - «Помощь своим».

Есть ещё один популярный мотив, который заставляет прибегать к инструментам спонсорской и благотворительной поддержки - избежание лишнего внимания налоговых служб за счет безвозмездной передачи средств на развитие чужих проектов.

В России пока спонсорство и благотворительность воспринимают неадекватно, считая вложение средств в чужие проекты нецелесообразным. Однако выгода для всех участников проектов вполне очевидна.

Литература

1. Благотворительный фонд «Вера и Возрождение», Орел. URL: <http://vera-voztrojdenie.ru/> (дата обращения: 22.02.2017).
2. Жемчужины Орла. URL: http://www.orel-adm.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=9703:zhemchuzhiny-orla&Itemid=140 (дата обращения: 22.02.2017).
3. Лебедева О.А., Скворцова Н.А., Черненко Р.И. Использование элементов коммуникационной политики в деятельности предприятий / Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: «АЭТЕРНА», 2016. С. 87-90.
4. Спонсорство как способ рекламирования. URL: <http://promotlas.ru/sponsorstvo-kak-sposob-reklamirovaniya/> (дата обращения: 22.02.2017).

Лиханова А.Б.

ПРОШЛОЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрыты сущность и закономерности управления исторической памятью общества. Выявлены цели и направления формирования желательного для элит образа прошлого.

Ключевые слова: историческое прошлое, управление, инструмент, историческая политика.

Likhanova A.B.

PAST AS A TOOL OF MANAGEMENT

Abstract. The article reveals the essence and laws governing the historical memory of society. The goals and directions of forming the image of the past desirable for the elites are revealed.

Keywords: historical past, management, instrument, historical policy.

Успешное управление обществом предполагает четкое представление о том, что такое прошлое, какое место занимает оно в общественной жизни, как оно взаимодействует с настоящим и будущим, с политикой и управлением. Прошлое – самое глубокое (онтологическое) основание общественной жизни, всех социальных явлений). Прошлое в различных своих проявлениях (материальный мир, информация о прошлом, мифы, опыт, традиции, наследственность и др.) постоянно присутствует в социальной жизни. Прошлое в природе и структуре общества, всех социальных явлений (человека, народа, культуры, науки). Прошлое, настоящее и будущее не существуют раздельно, их взаимодействие формирует общественный процесс, историю общества.

Возможно ли управлять прошлым, другими словами, рисовать произвольно картину прошлого, изменять то, что уже произошло? Изменить события, которые реально произошли в единственном варианте невозможно. «Прошлым-в-себе» управлять нельзя. Но повлиять на восприятие этих событий современным человеком вполне возможно. Мы осознаем прошлое не непосредственно, а благодаря информации, которую мы получаем о событиях прошлого. А информация о событии прошлого может быть различной. Это «прошлое-для-нас» может изображаться и восприниматься по-разному –

близким к оригиналу или даже совсем не похожим на него. Это делает прошлое доступным управлению.

В той или иной мере интерпретировать прошлое, управлять прошлым способны многие. Этим занимаются на своем уровне родители (семья), учителя (образование), журналисты (СМИ), писатели (литература), режиссеры театра и кино, художники (искусство) и др. Но степень их субъектности различна и относительна. Даже историческая наука не может претендовать на особую, исключительную роль в формировании массового исторического сознания и исторической культуры. Утверждение, что «прошлое не может изменить даже Бог, а историк – может» – самонадеянное устаревшее заблуждение. На первые роли, особенно в переломные периоды, выходит политическая власть в лице политических организаций (партий, движений) и прежде всего государства. Политическая власть нередко взаимодействует с крупным капиталом.

Властвующая элита и оппозиционные силы формируют и пропагандируют в интересах общества и/или, чаще всего, в своих интересах различные нужные им образы прошлого. Образ прошлого – та часть исторической информации, которая а) представляет собой более или менее связную картину прошлого, б) формируется целенаправленно, в соответствии с определенными социально-политическими потребностями (проектами), в) предназначена главным образом для формирования массовых социально-политических ориентаций и установок. В конечном счете, они направлены на формирование, видоизменение общей, исторической и политической культуры общества.

Образ прошлого формирует и сознание и поведение людей. Искажение прошлого посредством его идеализации может вести к стагнации общества и последующему кризису. Негативизация прошлого (пристрастно-негативный подход) ведет к дестабилизации, деструктивным процессам, неизбежному кризису. Правдивая картина (образ) прошлого создает условия и возможности стабильного прогрессивного развития.

История свидетельствует, что во время крупных социальных преобразований (в Англии, Франции, Северной Америке) жертвой прежде всего становится прошлое (точнее – ранее господствовавший образ прошлого). Негативный образ прошлого подрывает основу до тех пор существовавшей власти, формирует в массах сознание необходимости перемен. В России в период революции 1917 г. оппозиционные самодержавию партии (кадеты, эсеры, большевики) создавали сугубо негативный образ самодержавного прошлого.

Управление прошлым предполагает знание того, что прошлое обладает различными потенциалами. Управление прошлым – управление потенциалами, которыми обладает (несет в себе) прошлое.

Информация о прошлом должна стимулировать:

- сохранение и накопление всего ценного, что создала история (материальных ценностей, культуры, опыта, знаний и пр.). Пренебрежение потенциалом прошлого ведет к разрушению или консервации на многие годы накопленного богатства;

- сохранение и усиление потенциала, стабилизирующего общество (традиций, нравственных и юридических норм, образования, религии и др.);

- ослабление (нейтрализацию) сохраняющегося от прошлого разрушительного потенциала прошлого (нерешенных территориальных проблем, религиозных споров, предрассудков, предубеждений, нетерпимости, и др.);

- стимулирование сохраняющегося от прошлого творческого потенциала (знаний, научной методологии, искусства, духовных ценностей и др.).

Образ прошлого может а) формироваться с уважением к прошлому, когда стремятся видеть его таким, каким оно было на самом деле, или б) формироваться инструментально, искаженно, как средство для достижения тех или иных, чаще всего политических, целей. От преобладающего в обществе представления о прошлом зависят прежде всего познавательный процесс в обществе, состояние духовно-культурной сферы общества, реальные экономические и социально-политические процессы.

Прошлое – не «отработанный материал», а огромная общественная ценность и важнейший ресурс общества. Но он становится таким при соответствующем **отношении к нему**, - при условии уважения к прошлому со стороны тех, кто управляет обществом и информацией о его прошлом.

В противном случае, при инструментальном подходе роль прошлого (точнее, его искаженного образа) может радикально измениться. Образы прошлого могут стать важнейшим средством разрушения общественных структур. Оно превращается в «антисистему», разрушающую все сферы общественной жизни, ведущие к растрате позитивного и усилению негативного потенциалов прошлого.

Инструментальный подход к советскому прошлому, преобладавший во «властвующей элите» российского общества в последние четверть века, привел к растрате позитивного и усилению негативного потенциала российского и советского прошлого. Искаженный образ

прошлого (и позитивно-пристрастный, и негативно-пристрастный), оказывается своеобразной «антисистемой», поражающей познавательные возможности общества (приоритет идеологии над наукой; отказ от исторического подхода; сведение истории к настоящему (презентизм); пренебрежение научными методами исследования и др.), деформирующей социокультурные процессы в обществе (культуру, нравственность, национальное сознание и самосознание, состояние народа в целом), порождающей деструктивные процессы в общественно-политической практике (в экономике, государственном строительстве, в политических и религиозных движениях, во внешней политике). Действие «антисистемы» (радикально искаженного образа прошлого) затрагивает все сферы жизни общества.

В наши дни существует острая потребность преодоления (с помощью научных исследований, формирования здоровой нравственной атмосферы, правовых норм и т.п.) преобладающего сегодня инструментального подхода к прошлому (и апологетического, и негативистского) и утверждение уважения к прошлому, предполагающему стремление видеть прошлое таким, каким оно было на самом деле, «каким бы трудным и горестным, - как отметил Н.Н. Моисеев, - оно ни было». Это, как нам представляется, стало важнейшей предпосылкой выживания страны и народа, проблемой национальной безопасности.

Уважение к прошлому и, следовательно, объективная картина прошлого необходимы всем политическим силам, при условии, что они стоят на почве национальных интересов, хотя и стремятся отстоять их различными способами и путями.

Лукьянец А.С.

ЭМИГРАЦИОННЫЙ ОТТОК МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования эмиграционных потоков молодежи из России. Выявлены основные формы и каналы эмиграции. Эмиграция из России приобрела множество форм и масштабов, сопровождается оттоком капитала и потерей интеллектуальных и деловых ресурсов страны. Эмиграция молодых людей на постоянное место жительства является негативным явлением, которое подрывает демографическую, социально-экономическую и национальную безопасность страны.

Ключевые слова: эмиграция, молодежь, Российская Федерация, факторы, формы, каналы, миграционная политика.

Lukyanets A.S.

EMIGRATION FLOW OF YOUTH IN THE CONTEXT OF THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Abstract. The article deals with the formation of emigration flows of youth from Russia. The main forms and channels of emigration are revealed. Emigration from Russia has acquired many forms and scales and is accompanied by an outflow of capital and loss of intellectual and business resources of the country. Emigration of young people to permanent residence is a negative phenomenon that undermines the demographic, socio-economic and national security of the country.

Keywords: immigration, youth, the Russian Federation, factors, forms, channels, migration policy.

На протяжении всего времени после распада СССР на государственном уровне главными приоритетами миграционной политики России были и остаются вопросы регулирования иммиграционных потоков. Зачастую основное внимание приковывается к проблемам трудовой миграции, а точнее, трудовой иммиграции в Россию. Это обуславливается масштабами и структурой трудовой миграции в Россию, в первую очередь, выходцев из стран Средней Азии. Россия прочно находится в тройке стран-лидеров по приему мигрантов. Главными приоритетами миграционной политики России в последние годы стала концентрация внимания в отношении тех, кто въезжает в Россию. Так, например, 13 июня 2012 г. Указом Президента РФ В.В. Путина была утверждена Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., в которой проблема эмиграционного оттока молодежи вообще не рассматривалась. Единственным упоминанием стало предложение во II разделе, что «продолжается эмиграционный отток из страны», и «эмигранты» также упоминаются вскользь в контексте возвратной миграции.

Современные исследования показывают, что в России масштабы миграции молодежи несколько снизились в абсолютном исчислении, а также сократились расстояния, на которые переезжают молодые люди. Однако, смена экономического строя, государственной политики, наконец, развал громадной страны, выразились не только в снижении уровня мобильности молодежи. Эпоха массовых реформ, ориентиро-

ванных на западный манер, вылилась в появление относительно нового для России миграционного потока – эмиграционного, причем самой экономически и демографически важнейшей его части – молодое, образованное, высококвалифицированное население. Сразу после распада СССР основной категорией эмигрантов стали ученые, деятели искусств, высококвалифицированные работники всех возрастов. Начиная с 2000-х гг., по мере исчерпания эмиграционного потенциала указанных категорий эмигрантов, начинает вырисовываться новый поток эмигрантов – молодые люди в возрасте до 30 лет, имеющие высшее или неоконченное высшее образование.

По мнению ведущих российских демографов С.В. Рязанцева и Л.Л. Рыбаковского, современные возрастные границы понятия «молодежь» лежат в интервале от 14 до 30 лет. Как правило, нижняя граница молодежи определяется 14–16 годами, а верхняя – 25–30 годами. Именно эти возрастные границы понятия «молодежь» в основном используются в современном российском законодательстве [4; 5].

В структуре выезда молодежи за рубеж можно выделить несколько потоков: выезд на постоянное место жительства с выходом на рынок труда; выезд молодежи на работу за рубеж на короткие периоды времени (выезд студентов в период летних каникул); выезд на учебу; выезд на стажировку.

Данные МВД РФ свидетельствует о том, что поток эмигрантов из числа молодых людей нарастает, достигая по самым скромным подсчетам 13-14 тыс. чел. в год [6]. Это – выезды, связанные с официальными контрактами. Есть и скрытый от официальной статистики миграционный поток, связанный с выездом по грантам, под маской туризма и пр. В то же время, только по данным Бюро переписи США в страну ежегодно въезжает из России порядка 19 тыс. чел. в возрасте от 15 до 30 лет, только по одним студенческим визам, без учета туризма и трудоустройства [1].

Эмиграцию российской молодежи за рубеж обуславливает комплекс факторов политического, социально-экономического и личного характера. Программы студенческих обменов между разными странами как вид международного сотрудничества появились в конце 1940-х гг. Их цель – дать возможность молодым людям из разных стран ближе узнать друг друга, познакомиться с культурой других стран. Чтобы сделать эти программы доступными, молодым людям дана возможность работать в стране пребывания, что окупает часть затрат или полную стоимость программ. С 1989 г. студенты из бывшего СССР также получили возможность участвовать в подобных программах. Уже многие годы во всем мире действуют программы молодежной

занятости. Благодаря этим программам молодежь получает возможность посетить другую страну, встретить новых друзей, узнать другую культуру и поработать на абсолютно легальной основе. Они не только покрывают расходы на путешествие, но и, при желании, зарабатывают приличную сумму денег. В большей степени российская молодежь ориентируется на такие страны, как США, Канада, Германия, Великобритания, Франция и другие страны Запада. Ведущее место занимает США, поскольку предоставляют наиболее широкие возможности для молодежи и активно пропагандируют данную форму миграции.

Наиболее распространенная программа трудоустройства молодежи в США – Work and Travel (работа и путешествие). Она входит в программу межправительственных обменов Cultural Exchange Programs при непосредственном участии Госдепартамента США. Не менее популярна программа Camp America (американский лагерь), которая начала свое существование в 1969 г. Для молодежи, которая не стремится заработать тяжким физическим трудом, существует программа Au Pair (помощница по хозяйству) [2].

С точки зрения России миграция молодежи имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Для России главной угрозой и проблемой является не столько сам выезд молодежи за рубеж, сколько ее последующее возвращение. Главный минус – учебная и трудовая миграция из временной формы, как правило, перетекает в постоянную миграцию. У молодых мигрантов, однажды побывавших в странах Запада, формируются миграционные установки на выезд из России на постоянное место жительства. В условиях, когда в своей собственной стране нет возможности реализовать свои профессиональные приоритеты, невозможно найти хорошо оплачиваемую работу и т.п., это заставляет многих молодых людей из России искать возможности трудоустройства за границей.

Эмиграция молодежи представляет вполне реальную угрозу национальной безопасности и геополитической стабильности. Кратко, угрозу национальной безопасности можно свести к следующим основным аспектам:

- демографический – снижение численности людей в репродуктивном возрасте несет фактор демографической угрозы, проявляющийся в более ускоренном старении населения и усиление развития тенденций суженного воспроизводства населения;

- экономический – снижение доли молодежи приводит к снижению численности трудоспособного населения, предлагающего свой труд для производства товаров и услуг, тем самым увеличивая ВВП страны и благосостояние населения. Снижение доли молодежи на

фоне роста доли лиц пенсионного и предпенсионного возраста, является угрозой социальной стабильности и защищенности российского общества;

- политический – эмиграция молодежи приводит к снижению численности электората, как правило, отличающегося активными жизненными установками, имеющего достаточно хороший уровень образования.

В связи с этим Россия остро нуждается в эффективной миграционной политики, а также политики в сфере трудоустройства и занятости молодежи, основные цели которой должны быть направлены на удержание и закрепления молодежи в России.

Литература

1. U.S. Bureau of the Census. URL: <https://www.census.gov> (дата обращения: 09.10.2016).
2. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С. Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия // Вестник Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Сер. Общественные науки. Душанбе, 2016. № 1. С. 59-72.
3. Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Эмиграция из России в конце XX-начале XXI века. Аналитический доклад. М., 2016. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2977/> (дата обращения: 09.10.2016).
4. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.
5. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007.
6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат) (http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm)

Миклина Н.Н., Коношевская М.В.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И СОБОРНОСТЬ: АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ ЕДИНСТВО?

Аннотация. В статье раскрывается сущность трансдисциплинарности и соборности как выражений западного и русского взглядов на мир, которые обладают близкими, противоположными и взаимодополнительными свойствами, способствующими решению общих проблем современности.

Ключевые слова: соборность, трансдисциплинарность, русская и западная культуры, альтернатива, взаимодополнительность, единение.

TRANSDISCIPLINARY AND CONCILIARITY: ALTERNATIVE OR UNITY?

Abstract. The article reveals the essence of transdisciplinarity and catholicity as an expression of Western and Russian views of the world that have similar, opposed and mutually complementary properties that contribute to the solution of common problems of today.

Keywords: conciliarity, transdisciplinarity, Russian and Western culture, alternative, complementarity, unity.

Для решения сложных проблем современности ассоциация ученых разных стран предлагает новую методологию трансдисциплинарности, которая в духе холизма ориентирует нас на познание целостности жизненного опыта человека в единстве истины и практической пользы и, в отличие от междисциплинарности, не просто кооперирует разные научные дисциплины, а интегрирует данные философии и других наук с выходом за их пределы в религию, мифологию, искусство, в культуру повседневности. Декларируя важность для науки учета разных уровней реальности, интегральных значений и смыслов, *трансдисциплинарность* манифестирует национальную и планетарную принадлежность человека, идею равноправия культур, логик, истин, идей, необходимость диалога, споров и дискуссий [1, с. 19-21].

Осмысление трансдисциплинарности с позиций русской философии и теории познания акцентирует внимание на *этом* современной науки, на признании «правомерности и необходимости сосуществования людей, по-разному познающих реальность, на разных дисциплинарных языках описывающих ее, исповедующих во многом не всегда совпадающие ценности» [1, с. 9] и не отвергающих коммерциализацию науки. Для решения самых животрепещущих вопросов сочетания истины и практической пользы, норм и ценностей современной культуры, цивилизационного развития, условий выживания человека и человечества важно наличие *общности проблем, переводов языков и общности настроения* коммуникантов как необходимых условий для выработки *коммуникативных стратегий* – рациональных, временных консенсусов об истинности и пользе полученных результатов [1; 2].

При нахождении подобных «объективных» ответов на *происшествия* и *казусы* нашей жизни действует экзистенциальная энергия двусмысленности, апорий, недосказанности, неопределенности, основанием которой служит стремление к самоидентификации, само-

утверждению средствами не столько логики, сколько риторики и софистики. В результате столкновение «истины с истиной, блага с благом, правды с правдой» не снимает неоднородности, парадоксальности репрезентируемых сторонами смыслов и ценностей, что стимулирует науку, практику, мораль к моделированию «возможных проектов существования человека в структурах *жизненного мира*» [3]. Реалистичность этого «трезвого» взгляда на жизнь, на характер диалога и договоров, которые в поисках новых основ миропорядка сублимируют движущую силу дискурсивно детерминированного хаоса, безусловна, однако в традициях русской культуры превалирует иной взгляд на мир, сосредоточенный в понятии *соборность*.

Понятие соборности, не имеющее аналогов в мировой культуре, означая духовное единение людей на основе братства, любви и искреннего интереса к другому, ориентируется на *согласие* личных воли и свобод, отвергает эгоизм, «выпячивание себя» и, стремясь ко всеобщему, ставит общее выше единичного, а национальное выше группового и индивидуального. Выдвигая на первое место «мы», а не «я», соборность содержит в себе «хоровое начало», где единство достигается в результате «внутреннего взаимопонимания исполнителей»: импровизация каждого «вяжет» общее дело», полной свободе голосов соответствует их *сочинение*, а не *подчинение*, а возникающее при этом сочетание диссонантности и консонантности отражает жизнь как «сплошной ряд диссонансов», разрешаемых в консонанс «*через дружбу*» - высшую разновидность любви, не снимающую антиномий [4, с. 30-31; 5, с. 441, 444].

Связывая видимую и невидимую реальность, трансцендентное с имманентным, соборность неотрывна от знаний, житейского и религиозного опыта и выступает за органичное единство в познании «трех способностей нашего духа» - чувства, мысли и веры, без которого познание распадается на части и становится невозможным [6, с. 656]. Русские религиозные философы развивали лучшие традиции мировой гносеологии в отстаивании идеалов софийности, всеединства, «цельного знания», но не в спорах и софистике, а в уважительном отношении к иным точкам зрения, поскольку

- Кто знает истину?

- Все.

- А не мудрец?

- *Все* и есть *мудрец*; а один всегда есть только «он» [7, с. 310].

«Гносеологический оптимизм» соборного познания проистекает от признания возможности постижения абсолютной истины о бытии в результате получения наибольшей полноты знаний о мире: именно так достигается гармония, обеспечивающая развитие и устремление возможно-

стей человеческого интеллекта к бесконечности [8]. Как «задание для теоретической мысли» и «творчества жизненных форм» [9, с. 260], соборность «означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям», что способствует разрешению многих трудных социальных проблем [10, с. 42] и требует круговой ответственности «всех людей за всех» и «каждого за весь мир» [11, с. 190]. Необходимым условием истинных представлений о реальности является обращение к Богу, Первообразу, Первомыслу. «Соборность есть истинность, и истинность есть соборность», «общая жизнь в единой Истине», норма бытия и сознания, «мудрость цельности и цельность мудрости, целомудрие», которое изначально заложено в многоединстве человеческого рода, делающее его свободным и не внешне, а внутренне соединяющее человечество, разъединенное на поверхности эмпирического бытия грехом, искушением и соблазном [12].

Соборный дух удивительным образом проявляется в кризисные периоды русской истории. Отмечаемые русскими философами черты характера русского человека – религиозность, миролюбие, открытость, альтруизм, смирение, долготерпение – в самые тяжелые для русского народа времена способствовали общению в любви к людям, к миру и Богу, помогали «собираться с духом» и, полагаясь на Помощь Божию и свои силы, переносить любые тяготы и лишения, предъявляя миру поразительные примеры выдержки, терпения, сострадания, бескорыстной помощи, защиты слабых и обиженных, ярких проявлений патриотизма, этического героизма и самопожертвования.

Идея соборности, согласуемая с философией всеединства, с идеями Софии и русского космизма, активно разрабатывается современными учеными и философами (В.Н. Сагатовский, С.Г. Кара-Мурза, Л.Е. Шапошников, А.Л. Анисин, Н.Н. Миклина, В.К. Киреев и другие), связывающими соборность с «Русской идеей», «Русским миром», «Русским Ладом», с идеей солидарности. И если сегодня идея соборности чаще разрабатывается в социальном ключе, традиция отнесения соборности к церковной сфере ничуть не противоречит разработке ее социального аспекта, поскольку «Бог выше нации, и единение в Боге выше национального единства; соборность духовная охватывает все народы, и вселенская церковь состоит из разных национальных церквей» [13, с. 649]. Основой этой «онтологической вертикали» является единение со сверхбытийным Абсолютом каждой уникальной личности, каждого народа, и чем крепче это единение, тем более ярким, талантливым, ответственным творцом выступает человек и представляемое им общество.

Соборность неотделима и от проповедуемого русскими религиозными философами идеала Вечной Женственности, который символизиру-

ет Россию, русский народ, русскую и мировую душу. Характерно, что А.С. Пушкин «женский» взгляд на мир считал своим собственным как отражением «вечного», составляющим единство со взглядом «мужским», воплощающим начало временное, историческое [14, с. 14]. Трансдисциплинарность с этой точки зрения есть выражение мужского начала, свойственного западной культуре, а соборность – начала женского, преобладающего в культуре русской. Отсюда – разница ментальностей, смыслов и ценностей, провалов и достижений русской и западной культур, которые производны от единства мужского и женского начал, породивших и обеспечивающих нашу жизнь.

«Забывание» этих общих корней динамичным, прагматичным, эгоистичным, воинствующим духом господства, характерным для «сильного» мужского начала, - причина пренебрежительного отношения Запада к «слабой», «отсталой», «ленивой», но богатой ресурсами и «опасной», непонятной России, периодически восстающей против западных ценностей и развязываемых Западом войн, в которых Россия, как правило, побеждает. Но идентичность изменить нельзя, и потому каждую культуру нужно не «ломать», не подстраивать «под себя», а «рассматривать как носительницу спасительного разнообразия, как воплощение того или иного альтернативного варианта не в духе взаимоисключения, а в духе дополнительности» [15, с. 219], учитывая взаимозависимость культур и зависимость от их совместных решений состояния мира в наших домах и на нашей планете. Главное условие таких решений – это искреннее желание достижения творческого согласия на основе общих целей и проблем, учета своих и чужих интересов, уважения к иным точкам зрения, достигнутых о себе и о другом знаний, которые никогда не бывают исчерпывающими.

Онтологическая, духовно-нравственная глубина русской культуры, её оптимистическая доминанта отвергает как моральный релятивизм, так и войну с «ветряными мельницами», но сохраняет веру и надежду на возможность достижения плодотворного диалога и сотрудничества разных стран и народов, пусть в незначительных пространственно-временных масштабах, но означающих островки перехода от хаоса современной жизни к её гармонии. Показателем такой возможности в сегодняшних условиях являются точки соприкосновения между близкими, альтернативными, взаимодополнительными феноменами трансдисциплинарности и соборности, предоставляющими решение проблемы *действительной* истины и пользы на поверку временем.

Литература

1. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФРАН, 2009.
2. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011. Вып. № 10. С. 193-201.
3. Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Изд. дом «Навигатор», 2015. С. 109-135.
4. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. В 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 2.
5. Флоренский. П.А. Столп и утверждение истины. В 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1.
6. Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994.
7. Розанов В.В. Мимолетное (Извлечения) // Опыты. Литературно-философский ежегодник. М., 1990.
8. Барсуков Г.В. Соборное познание // Научный журнал КубГАУ. Краснодар, 2013. № 91 (7). URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/07/pdf/02.pdf> (дата обращения: 22.02.2017).
9. Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3.
10. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. С. 42.
11. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
12. Булгаков С.Н. Православие: очерки учения православной церкви. Paris; Genève: YMCA-PRESS, 1965, 403 с. URL: http://www.odinblago.ru/bulgakov_pravoslavie (дата обращения: 22.02.2017).
13. Булгаков С.Н. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 2002.
15. Панарин А.С. Тайна железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006.

Муравьева Н.Н.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Аннотация. В статье рассмотрены состояние и перспективы теоретических и эмпирических исследований управления организацией, восприимчивость предприятий к главным движущим силам – постоянным технологическим изменениям.

Ключевые слова: менеджмент, бизнес-образование, управление знаниями.

PROSPECTS OF THE RESEARCH OF THE RUSSIAN MANAGEMENT

Abstract. In article the state and prospects of theoretical and empirical researches of management of the organization, a susceptibility of the enterprises to the main driving forces – continuous technological changes are considered

Keywords: management, business education, knowledge management.

Российское академическое сообщество, долгое время существовало как относительно автономное когнитивное пространство, ориентированное на ценности познания, поиск и распространение знания. В настоящее время идеи рынка, коммерциализация научных результатов, конкуренция с другими исследователями все чаще требуют от ученых, чтобы результаты научных исследований были полезны не только для академической среды, но и для общества в целом. Важной частью дискурса об определении приоритетов исследования российского менеджмента, стали, прежде всего, попытки, определить стратегии взаимодействия между государством, вузами и предприятиями, в рамках которого можно говорить о становлении современной экономики знаний.

Однако почти всеми эпистемологами признается то, что университетская наука не должна терять свою идентичность, а вузовские исследования обязаны сохранить свою ориентацию на фундаментальные проблемы реальности, поддерживая тем самым основные социокультурные функции университета как института, ответственного за развитие, сохранение и передачу научного наследия. Фундаментальные исследования реализуют в первую очередь первичную миссию образовательных учреждений, генерируя новое знание и обучая способам его производства и потребления. Большой проблемой в этой связи становится оценка качества и эффективности результатов научных исследований, поскольку вне связи с рынком и экономическими показателями эффективности они теряют систему внешних оценочных критериев. Ситуация складывается таким образом: с одной стороны, академическая наука признает ценность любого знания (самого по себе), поскольку оно расширяет или уточняет существующую научную картину мира; с другой стороны, исследования вынуждены подчиняться логике экономической жизни, в которой ресурсы науки ограничены

необходимостью эффективного соотношения затрат и результатов. Поэтому поиск возможностей для повышения качества управления научными исследованиями становится нетривиальной актуальной задачей.

Развертывание масштабных исследований вопросов управления в России сегодня крайне актуально, потому что оно диктуется современными потребностями отечественного менеджмента и бизнес-образования.

Обозначим состояние и перспективы теоретических и эмпирических исследований управления организацией.

В теоретических разработках:

- в России вопросы стратегического управления не являются сферой взаимодействия экономистов и социологов, а так же, проблемы контрактных отношений в большинстве случаев вотчиной юристов, однако зарубежная практика показывает, что синтез названных отраслей знания позволяет развиваться мировой теории менеджмента;

- важным вопросом является познание и освоение отличий ведения бизнеса в непривычной культурной среде, однако пока систематического исследования российской модели менеджмента не проведено.

- обсуждение российскими исследователями вопросов стратегического управления опирается на ставшие уже патриархальными разработки И. Ансоффа [1] и оставляет без внимания новые концепции.

Обеспечение теоретических изысканий о развитии российских компаний необходимым эмпирическим материалом традиционно является сложным из-за ограниченности данных официальных источников. Хотелось бы отметить, что по некоторым проблемам российского менеджмента именно зарубежные ученые провели полевые исследования, так, Ш. Паффер в своих работах отмечает необходимость обучения партнерству российских менеджеров [2].

Типичная трактовка успеха в науке опирается на такие показатели, как качество и количество опубликованных научных результатов, академическая репутация, вклад в развитие дисциплины и профессионального сообщества и т.д. В то же время успех отдельного ученого часто связан с организацией, в которой он работает, и наоборот. Успех института – это одновременно и персональный вклад ученого, и условие для его развития. Поэтому даже если и сложно определить то, что обеспечивает успех в науке, то все равно остается проблема оценки научных результатов и задача наметить реперные точки для исследования проблем управления наукой.

В.В. Реутова отмечает, что, разработка моделей, которые могли бы описывать процессы создания и фиксации нового знания, актуальна

не только в академическом сообществе. Гораздо раньше с потребностью формализовать процесс накопления знаний и обеспечить сохранение и передачу интеллектуального капитала столкнулись крупные технологические корпорации, в которых значительная составляющая их успеха связана с необходимостью постоянных инноваций и сохранением интеллектуального багажа компании. Этот процесс получил название «управление знаниями» (knowledge management) [3].

В сфере научных исследований, эту функцию выполняют различные формы организации научных контактов, предоставляющие ученым возможность обмениваться идеями и информацией самого разного плана как в рамках специализированных мероприятий и т.д., так и в форме неструктурированных личных контактов в организации. Поэтому представляется чрезвычайно важным создавать условия для неформальной коммуникации исследователей, поскольку это создает пространство для общения.

Литература

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1989. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4155> (дата обращения: 23.02 2017).
2. В России возникает особый стиль русского менеджмента: Интервью с Ш. Паффер // Управление персоналом. 2001. № 11-12. С. 5-12.
3. Реутова В.В. Управление знаниями как технология совершенствования научно-исследовательской и учебной деятельности в современном университете // Педагогическое мастерство и педагогические технологии. Чебоксары: Изд-во ООО «Интерактив плюс», 2015. № 3(5). С. 43-45.

Нагорный В.А.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИМЕНЕНИЕ ВОЕННОЙ СИЛЫ В XX ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов на применение военной силы в XX в. В результате развития науки и техники война приобрела всеохватывающий характер. В ходе двух мировых войн были испытаны новые образцы оружия, включая ядерное, обладающие беспрецедентной поражающей мощностью. Впервые мир столкнулся с опасностью тотального уничтожения, которая обусловила трансформацию подходов к пониманию применения военной силы.

Ключевые слова: война, мир, ядерное оружие, военная сила.

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE USE OF MILITARY FORCE IN THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article discusses the evolution of views on the use of military force in the twentieth century. As a result of development of science and technology, the warfare became all-encompassing. During the two world wars had been tested new samples of weapons, including nuclear weapons with unprecedented destructive power. For the first time the world was faced with the danger of total destruction, which led to the transformation of approaches to understanding of the use of military force.

Keywords: war, peace, nuclear weapons, military force.

За более чем пять тысяч лет человечество пережило более пятнадцати тысяч войн, в результате которых погибло порядка трёх с половиной миллиардов человек, именно к такому выводу пришли эксперты швейцарского статистического центра [2]. На эти тысячелетия приходится лишь 292 мирных года, то есть, примерно, одна неделя без войн на каждые сто лет. Существует мнение о том, что война является естественным процессом, свойственным всему живому. К примеру, известный древнегреческий философ Гераклит полагал, что весь мир создан из бесчисленного числа противоречий, противоположностей, а также противоборствующих сил и тенденций. Именно принцип единства и борьбы противоположностей, по мнению философа, является основой некоего абстрактного закона, который управляет миром и людьми. «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и заимообразно» [3]. В условиях жёсткого естественного отбора, выжить мог только сильнейший, а сила стала мерилем всего.

Вопросы применения силы как самого весомого аргумента активно изучались и прорабатывались. Военная мысль на протяжении многих столетий претерпевала изменения, адаптировалась к новым вызовам своего времени. Используя колоссальный накопленный опыт ведения войн, совершенствовалась тактика ведения боевых действий. Соответственно, в связи с историческими качественными скачками в развитии человеческого общества, науки и техники, появились принципиально новые средства поражения, и, как следствие, возникли новые формы и способы ведения боевых действий. Каждая последующая война была более масштабной, более кровопролитной и устрашающей. Мы имеем возможность пронаблюдать эту тенденцию, обращаясь к

трудам советского демографа – Б. Урланиса. В книге «Войны и народонаселение Европы» он приводит такие цифры:

В XVII в. число убитых и умерших в войнах составило 3,3 млн. чел. В XVIII веке число убитых и умерших в войнах составило уже 5,2 млн. чел. К XIX в. наблюдалась следующая картина: число убитых и умерших в войнах составило 5,5 тыс. Чел., а среднегодовое значение этой величины составило, соответственно, 55 тыс. чел.

За эти три столетия население Европы увеличилось в 2,5 раза, в то время как среднегодовое число убитых и умерших увеличилось в 1,8 раза. То есть, демографическое сальдо было положительным. В XX веке ситуация меняется кардинальным образом. Количество жителей в Европе увеличилось более чем в 4 раза в сравнении с XVII веком, а среднегодовое число убитых и раненых возросло в 20 раз и составило 700 тыс. чел. [4]. Таким образом, в XX веке было уничтожено свыше 80 млн. чел. Данные цифры говорят о колоссальных масштабах ведения боевых действий. Войны приобрели всеобщий, всеохватывающий характер и стали мировыми. Так, в ходе Первой мировой войны бои велись на суше, на море, в воздухе и под водой. Это было обусловлено появлением новой техники: танков, подводных лодок, самолётов и других видов вооружений. В результате за 4 года (1914 – 1918 гг.) было убито более 9 млн. чел., что почти в два раза больше, чем за всё предыдущее столетие [4]. Последовавшая за ней Вторая мировая война стала самой разрушительной войной в истории. Оружие, применённое в её ходе, определило начало новой эпохи – эпохи ядерного оружия.

Вначале ядерное оружие не рассматривалось как фактор, способный уничтожить всё живое на земле, ведь несмотря на его сокрушительную мощь в сравнении с другими видами оружия, мощность зарядов была всё ещё далека от предельной, а количество этих боезарядов было незначительно. В связи с этим, начиная со второй половины XX века, ведущими сверхдержавами рассматривался вопрос о применении данного оружия. Он находил своё отражение в таких документах, как «доктрина всеобщей ядерной войны», которая позже была заменена на «доктрину ограниченной ядерной войны», так как возросли возможности средств доставки и, соответственно, точность поражения целей [1]. Конфронтация двух сверхдержав СССР и США неминуемо привела к гонке вооружений, в которой тяжело было выявить победителя. Арсеналы вооружений, включая ядерный, росли. Таким образом, возникала опасность тотального уничтожения, более известная как принцип взаимного гарантированного уничтожения. Максимально близко к реали-

зации этого принципа страны подошли во время Карибского кризиса (1962 г.), когда мир стоял на пороге третьей мировой войны.

Понимание неизбежности взаимного уничтожения в случае применения ядерного оружия привело страны за стол переговоров, в результате которого были подписаны Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 г.), Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.) и Договор об ограничении систем противоракетной обороны (1972 г.).

Тем не менее, попытки изобретения средства, при помощи которого позволялось одержать победу в ядерной войне всё же велись. Так, в США появилась «доктрина обезглавливающего удара», предусматривавшая уничтожение командных центров и политического руководства потенциального противника. В ответ СССР разработал систему «Периметр», позволяющую произвести ответный запуск ядерного оружия по ранее заданным целям даже при условии, что оружие противника достигнет цели и уничтожит вышеупомянутые объекты [1].

Ситуация вновь приобрела патовый характер. Стало ясно, что победителя в ядерной войне выявить не удастся. Те политические цели, которые ранее соотносились со значением слова «победа» и означали уничтожение или полное поражение противника, уже не соответствовали действительности. В том виде, в котором она существовала ранее, война, как продолжение политики другими средствами, существовать уже не могла. В таком случае возникал вопрос либо отказа от ведения боевых действий, либо коренного пересмотра основополагающих его компонентов. Разумеется, от войны, как от инструмента реализации политических целей, никто отказываться не стал, но она приобрела совершенно другой характер. Полномасштабные, мировые войны распались на множество локальных войн и конфликтов. Нанесение военного поражения противнику отошло на второй план.

Сейчас ведутся экономические, информационные, культурные войны, направленные на причинение вреда противнику невоенными средствами. После распада СССР баланс сил в мире был нарушен. США остались, по сути, единственной сверхдержавой, обладающей беспрецедентной мощью. Вместе с тем, появляются новые негосударственные акторы, оказывающие влияние на международную политику: транснациональные корпорации, различного рода экстремистские, террористические организации и группировки. Некоторые из них обладают достаточной военной силой, чтобы оспаривать текущее положение дел в мире насильственным путём. Возникает новая разновидность войны – асимметричная. Следовательно, отпадает необходимость в традиционных массовых армиях, идёт их сокращение или же перевод

на контрактную основу. Особое внимание уделяется специально обученным подразделениям, предназначенным для выполнения особых боевых задач и нанесению точечных ударов по противнику. Ведутся разработки по созданию и совершенствованию сверхточного автоматизированного и роботизированного оружия. Проводятся исследования в сфере создания искусственного интеллекта, что, безусловно, является следующим этапом в эволюции взглядов на применение военной силы.

Литература

1. Доктрина апокалипсиса. URL: <https://lenta.ru/articles/2008/01/22/nuclear/> (дата обращения: 22.02.2017).
2. Мир без войны. Мифы, реалии, фантастика. URL: http://np-nic.ru/world_without_war (дата обращения: 22.02.2017).
3. Перевезенцев С.В. Гераклит. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35522.php> (дата обращения: 22.02.2017).
4. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. 1960. URL: http://texts.news/demografiya_1113/voynyi-narodonaselenie-evropyi.html (дата обращения: 22.02.2017).

Неверов К.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются черты политического участия посредством социальных медиа, в частности, социальных сетей. Определяется характер политического участия пользователей, а также их возможность влиять на политические процессы.

Ключевые слова: социальные медиа, социальные сети, политическое участие, созданный пользователем контент, публичная политика.

Neverov K.A.

SOCIAL MEDIA AS A FORM OF PARTICIPATION IN PUBLIC POLITICS

Abstract. The article discusses the features of political participation through social media, particularly social networking. It determines the nature of the political participation of users, as well as their ability to influence political processes.

Keywords: social media, social networks, political participation, user generated content, public politics.

Стремление к активному участию в политике является одним из определяющих признаков состоявшегося гражданского общества, отличающегося высоким уровнем политической культуры своих членов. Гражданин в данном случае отличается не только наличием собственного мнения по актуальным политическим вопросам, к чему его подталкивают средства массовой информации (в первую очередь, новостные ТВ-передачи, газеты и другие ретрансляторы актуальной новостной информации), но и непосредственной вовлеченностью в процесс формирования повестки дня и принятия политических решений по вопросам, непосредственно затрагивающим обыденную повседневность гражданина. Политическое участие гражданина может принимать различные формы, начиная с конвенциональных форм, инициатором которых является правительство данного государства (выборы, референдума), в которых гражданин выступает не инициатором, а скорее членом суда присяжных (если процесс выборов честен и справедлив), отдающим свой голос за того или иного кандидата и до более инициативных форм (создание рабочих групп, соседских объединений, решающих насущные вопросы, индивидуальные обращения к государственным чиновникам). Участие может проходить и посредством вовлечения в неконвенциональные (не санкционированных государством, не стимулируемых и поддерживаемых государством/правительством) формы гражданской активности, таких как акции протеста, пикеты и т.п., при определенных условиях могущих принимать насильственный характер (что подразумевает выход из правового поля).

С развитием информационно-коммуникационных технологий, в частности стремительного развития сети Интернет, политическое участие приобретает виртуальный формат. Поскольку сфера социальных медиа чрезвычайно широка и включает в себя, различные способы коммуникации, включая общение между игроками онлайн-игр, объектом данного исследования выступают социальные сети.

Использование социальных медиа (также используется термин *consumer-generated media*), к которым относятся и социальные сети, пользователями описывается в рамках термина «созданный пользователем контент» (*User Generated Content, UGC*). СПК используется для описания разнообразных форм медиа контента, доступного публично и созданного конечными пользователями [1]. Тремя отличительными чертами СПК являются: публичность, то есть размещение в открытом

доступе, либо, если речь идет о социальной сети, для специально отобранной группы людей; в создании СПК должны задействоваться изрядное количество творческих усилий; это должна быть не профессиональная деятельность пользователей.

Популярность социальных сетей настолько велика, особенно среди молодежи, что появился специальный термин «Facebookозависимый» (Facebook addict), который был включен в словарь английского сленга [2].

Социальные медиа служат также существенным фактором влияния на многие аспекты поведения индивида, такие как осведомленность, сбор информации, мнение, позицию, потребительское поведение, пост-продажную связь с другими покупателями и оценку продукта [3].

Политическое участие посредством социальных сетей во многом происходит в контексте общей моды на социальные сети, что к тому же было подстегнуто распространением доступного мобильного Интернета. К тому же, участие через социальные сети вписывается в стиль жизни современного человека.

Политическое участие может носить как индивидуальный, так и групповой характер. Под групповым Интернет участием касательно таких социальных медиа как социальные сети можно понимать членство в сообществах (сообщества политических партий, политиков, кандидатов на выборах, сообщества приверженцев той или иной политической идеологии), использование социальных сетей как средства обмена информацией между членами определенной группы (рабочая группа по конкретному вопросу, соседское сообщество, группа гражданских активистов), привлечение новых членов. Можно выделить также индивидуальное политическое участие, которое проявляется не только через приверженность индивида определенной группе, но и через демонстрацию своих политических взглядов, предпочтений, мнений, транслируемые через профиль индивида в социальной сети.

Страница пользователя в социальной сети, с одной стороны, может рассматриваться как частное пространство, на котором может быть размещена любая (в рамках действующего в данной стране законодательства) информация на усмотрение владельца, с другой стороны, профиль в социальной сети является элементом публичного пространства, доступного для обозрения любого человека (в случае со страницей в социальной сети – любого зарегистрированного пользователя). Перепосты из политизированных пабликов могут рассматриваться как форма потребления – в данном случае, потребления определенной информации и обмена ей с другими. При этом возможно как

сознательное отвержение неудобной политической информации (неудобных политиков, их действий и идей), так и демонстрация через перепост неприятия политической информации (неудобных политиков, их действий и идей), или же, наоборот, признание и принятие политика либо проводимой государством политики или действий.

Б. Лоудер и М. Ксенос подчеркивают, что, несмотря на то, что репосты и высказывание собственного мнения о политике вряд ли могут иметь какие-то существенные последствия, к примеру, изменить политическое поведение всего общества, так как у пользователя, создавшего или ретранслировавшего политический контент, нет необходимых финансовых, моральных, социальных или культурных инструментов, однако тем не менее это сказывается на их самооценке и восприятии мира. Они выделяют следующие черты, присущие участникам виртуальных сообществ, дискуссии и т.д.:

1. менее склонны быть членами политических или общественных организаций (партий или профсоюзов);
2. более склонны участвовать в горизонтальных и неиерархических сетях;
3. проектно-ориентированы;
4. рефлексивно включены в политику как часть образа жизни;
5. не послушны долгу, но самоактуализируются;
6. их исторические опорные точки меньше принадлежат модернистскому капитализму всеобщего благосостояния, но больше глобальному информационному сетевому капитализму;
7. их социальные связи (отношения) во все возрастающей степени устанавливаются и поддерживаются посредством окружения, создаваемого сетевыми социальными медиа [4].

Таким образом, в информационную эпоху возможности рядового гражданина участвовать в политической жизни многократно расширяются, приобретая виртуальный характер. Подобная активность может принимать разнообразные формы и нести как конструктивный, так и деструктивный характер. Отражение собственной политической позиции на личной странице в социальной сети позволяет индивиду не только выразить себя и выплеснуть гнев, но и влиять на политические процессы, создавая соответствующий информационный фон. Участие в политике посредством виртуальной реальности представляется неотъемлемой составляющей жизни гражданина в новом тысячелетии.

Литература

1. Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons. 2010. Vol. 53. P. 61.

2. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=facebook+addict> (дата обращения: 12.02.2017).

3. Mangold W.G., Faulds D.J. Social media: The new hybrid element of the promotion mix // Business Horizons. 2009. Vol. 52. P. 358.

4. Loader B.D., Vromen A., Xenos M.A. The networked young citizen: social media, political participation and civic engagement // Information, Communication & Society. 2014. Vol.17. Issue 2. P. 145.

Омельчук Д.В.

СТОЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ. НАСКОЛЬКО УСВОЕНЫ УРОКИ?

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможных перспективах развития России и Украины в случае распада страны на независимые государства после революции (1918 – 1945 гг.).

Ключевые слова: Октябрьская революция, Россия, Украина, уроки, Вторая мировая война, сепаратизм.

Omelchuk D.V.

CENTURY OF OCTOBER. HAVE THE LESSONS BEEN LEARNED WELL?

Abstract. In this article the question of the possible prospects of development of Russia and Ukraine in case of disintegration of the country on the independent states after revolution (1918 – 1945) is considered.

Keywords: October Revolution, Russia, Ukraine, lessons, Second World War, separatism.

Ответ на вопрос, чем был XX век для человечества немислим без анализа места в нем Советского Союза. Достаточно часто, в том числе в научном сообществе приходится сталкиваться с мнением, что не будь Октября, Российская империя могла стать стала бы колыбелью десятков независимых национальных государств уже в 1918 г./, когда на карте Европы новые государства возникали одно за другим. Логика в этом есть. Потребность в объединении вызывалась великой Идеей – многовековой мечтой угнетенных – построением социально справедливого государства. Это подтверждается и тем, что когда народы СССР отказали правящей партии в доверии и мечта рухнула, распалось и само государство. Но как бы сложилась судьбы этих независимых государств, особенно с учетом фактора нацизма, к появлению

которого Версаль приложил куда больше усилий, чем российская революция 1917 г., это еще вопрос.

А задумывался ли кто-нибудь, как бы сложилась судьба народа Украины и самого государства, если бы на тот момент она оказалась независимой, не вошла в состав СССР? Понятно, что в истории не бывает сослагательного наклонения, изменить прошлое нельзя. Но, зная многие реальные исторические факты, тенденции, почему бы не попытаться это сделать, хотя бы в виде кратких тезисов.

Итак, предположим, С. Петлюра сохранил свою власть, и украинское государство стало самостоятельным, стало жить отдельно от России и не вступило в СССР. Самый сложный вопрос – украинско-польские отношения. Отдельно от России – обязательно нужен союзник. В этой ситуации наиболее вероятным союзником стала бы, – других вариантов просто нет, – Польша. Но там амбиции – при возрождении польского государства в 1918 г. было заявлено о планах восстановить державу в границах Речи Посполитой до разделов, т.е. по правому берегу Днепра.

С. Петлюра подписал соглашение о готовности передать части территории Украины Польше в обмен на поддержку в войне против России. Какой была бы территория такой Украины, предположить очень трудно, но одно бесспорно – не в ее нынешних границах. Не было, да и не могло быть сил у тогдашней Украины отстоять свои земли в границах 1922 года.

Какой была бы такая Украина? Без социалистического эксперимента. Соответственно, без колхозов, репрессий и голодомора. Но, соответственно, и без индустриализации и Днепрогэса, Харьковского тракторного (танки там тоже производили). Возможно, даже с разделом помещичьей земли, иначе махновщина продолжалась бы и в 1920-е, и в 1930-е гг. И, возможно, стала бы Украина достаточно внутренне стабильной аграрно-индустриальной державой, в которой место нашлось бы не только украинцам, но и русскому, и еврею, и немцу, и греку, всем народам.

Теперь о Гитлере. Он был, и он должен был появиться в Германии, униженной и раздавленной Парижскими соглашениями, к чему ни Россия, ни Украина отношения не имели. «Майн Кампф» появился независимо от событий на востоке Европы. И идеи этой книги о неполноценности славян касались не только кровью строивших социализм русских и украинцев, но и поляков, которые шли совсем другим путем. Идея войны против СССР как освобождение его народов от большевизма как пропагандистское прикрытие появилась с началом

вторжения вермахта в СССР. Вторжение в Польшу обошлось без идеологических объяснений.

В основе интереса фашистов к славянским землям лежала потребность в расширении жизненного пространства на Востоке. Об этом определенные круги в Германии рассуждали еще перед первой мировой. Нацисты не скрывали своих агрессивных планов с самых первых дней пребывания у власти. В мае 1933 г. один из ближайших сподвижников Гитлера, «специалист по восточным территориям» А. Розенберг был с визитом в Англии и удостоился чести выступить в английском парламенте. То ли дипломат он был никудышный, то ли слишком уверовал в силу своей страны, а может, выполнял задачу успокоить английскую элиту, - мы, мол, не против вас, но будущий министр по оккупированным территориям откровенно рассказал о планах своего патрона. Расширение Германии, - утверждал Розенберг, - пройдет в следующем порядке:

1. Возвращение спорных территорий с Францией.
2. Присоединение Австрии.
3. Присоединение Чехии.
4. Захват Польши.
5. Захват Украины.

Для тех, кто хоть на троечку учил историю в школе или ВУЗе, очевидно, что именно в такой последовательности вожди третьего рейха и действовали. Кроме только одной поправки: их аппетиты расширились не только на Украину, но и на весь СССР. Фактом остается то, что Украина в этом плане фигурировала. Главная советская газета «Правда» тогда очень резко отреагировала на этот пассаж фашистского эмиссара, поместив 14 мая 1933 г. на первой полосе отповедь под заголовком «Бредовый план Розенберга».

Следовательно, нет необходимости строить предположения о том, что будь Украина независимой, стала бы она объектом агрессии со стороны фашистской Германии или нет. Ответ очевиден и однозначен: стала бы. Вопрос в другом: что бы с ней было? Для ответа, что было бы с Украиной, необходимо найти ответы на следующие вопросы:

1. Был ли малейший шанс защитить государство военным путем? Ни одна страна в Европе не смогла в военном отношении противостоять вермахту. Все были разбиты скопом или поодиночке.

2. Могла ли Украина рассчитывать на современную сильную армию? Без своей тяжелой промышленности и её военной составляющей? Польша, к примеру, имела на вооружении зарубежную, прежде всего французскую, технику не первой свежести.

3. Можно ли было ожидать военной помощи от других стран для отражения агрессии? С Францией и Великобританией ясно – они Польшу предали и Украине бы не помогли. А как с Россией?

4. Как повела бы себя украинская элита? Возглавила бы борьбу против иноземных поработителей или, как показывает опыт истории, немалой частью, попыталась бы договориться. Тем более что те, для кого Гитлер являлся идеалом, среди украинцев были.

5. Были ли шансы на успех у той части украинцев, которые бы поднялись на защиту своей земли, собственности? Нашелся бы в Украине свой де Голль?

6. Было бы такое масштабное партизанское движение на завоеванной врагами украинской земле? И был ли шанс на успех у этого движения? Ведь давно известно, что успешными партизаны могут быть, только получая помощь извне. А от кого такую поддержку могло получать движение сопротивления в Украине?

7. Вели бы себя захватчики по-иному, чем в годы Великой отечественной войны? Без зверств и насилий? Ответ на этот вопрос видится даже более простым, чем на предыдущие. В той же Польше не было коммунистического режима, а лагеря смерти работали безостановочно. И уж если «освободив украинцев от большевизма», немцы так терзали Украину, то что бы с ней делали без такого идеологического обоснования агрессии? То же самое, только без заигрывания с определенными местными кругами.

8. Как повело бы себя многочисленное немецкое население Украины? Чью бы сторону оно заняло? Скорее всего, как и в других странах – Дании, Бельгии, а на территории СССР в Прибалтике.

9. К кому бы в самую трудную минуту могла бы Украина обратиться за помощью в спасении? Или как правительство Чехословакии – бросило народ и улетело из страны.

10. Был ли шанс на выживание у украинского народа в тех условиях? Наиболее вероятный сценарий – стать сателлитом Гитлера и тем самым избежать войны с ним. Цена – обязательно оказаться в других войнах на стороне Германии в ее борьбе за мировое господство в качестве пушечного мяса. Холокост был бы, как и в других покоренных странах – Польше, Чехословакии. Результат получили бы тот же – резкое сокращение населения и возможность немцам осваивать жизненное пространство в Украине.

Не вникая в подробности, отметим, что в Белоруссии ситуация была бы не лучше.

Россия «без СССР» существовала бы в совсем иных границах. Тех, что были до пакта Молотова – Риббентропа. Тогда, конечно, в

спину отступающим войскам не стреляли бы на Западной Украине или в Прибалтике, но и путь танкам Гудериана до Москвы был на 300-700 километров короче. Устояла бы столица или пришлось бы действовать по методу Кутузова? Да и до Волги от Луганска намного ближе, чем от Дуная. А есть ли гарантия того, что к дележу большого русского пирога не присоединились бы Япония и Турция? Такие замыслы были, и только разгром вермахта под Москвой и провал планов гитлеровских планов молниеносной войны вынудил союзников Гитлера быть сдержаннее.

Можно ли рассчитывать, что мощь германской армии была бы меньше той, что обрушилась на Советский Союз в июне сорок первого? Скорее, она была бы еще значительнее, ведь позади больше завоеванных стран и они работали бы на Германию.

Хватило бы одной России человеческих ресурсов? Ведь общие потери СССР были таковы, что с конца 1943 г. в Красную Армию начали призывать женщин. Что, российские генералы воевали бы лучше советских и потери были бы меньше?

Состоялась ли в этих условиях антигитлеровская коалиция? Или англичане и американцы выжидали бы до последнего, чем закончится для Гитлера русская кампания? А россиянам пришлось драться с фашистами один на один. Да еще при угрозе удара в спину с юга и востока.

И наконец. Весь опыт российской истории показывает, что с единством не всегда было благополучно. Находились россияне, которые с монголо-татарами в союз вступали, разных «лжедмитриев» поддерживали, к Наполеону на службу шли. Список этот можно продолжать. Генерал Власов тоже не их «хохлов» был. В элите всегда есть люди недовольные, а также те, кому есть, что терять или просто принимающие сторону сильного. Пока немцы в Великой Отечественной шли к Волге, количество желающих послужить «новому порядку» росло и в России, и в Украине, и в Белоруссии, и в других республиках.

Возможно, что ценой сверхусилий где-то ближе к Уралу немцев остановили бы. Но не более. На разгром захватчиков сил бы не хватило. В этой ситуации лучшим выходом был бы новый Брестский договор с потерей огромной части территории и немыслимой контрибуцией. Но это в лучшем варианте.

Не вдаваясь в построение версий о том, как изменился бы ход мировой истории, заметим, что и для украинского народа, и для россиян, и для других народов бывшей российской империи, в любом варианте это была бы катастрофа, ибо в действительности шансов в оди-

ночку противостоять третьему рейху в его агрессивных планах не было. Уникальность ситуации в том, что на пути фашистской агрессии оказалось такое могущественное государство как Советский Союз. Все иные варианты для народов СССР, да и всего мира имели без преувеличения гибельные последствия. Следовательно, существование Советского Союза, как объективного продолжения революции 1917 г., имеет все основания рассматриваться как положительный факт при всех критических оценках, с которыми сталкиваемся сегодня и в научной и пропагандистской литературе.

Парахина В.Ю.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ

Аннотация. В статье рассматриваются государственные механизмы защиты прав этнических меньшинств в России, проанализирован опыт деятельности национально-культурных автономий в Республике Крым.

Ключевые слова: Россия, Республика Крым, национально-культурная автономия, этнические меньшинства, права этнических меньшинств.

Parakhina V.Y.

THE NATIONAL-CULTURAL AUTONOMY AS THE MECHANISM OF PROTECTION OF THE ETHNIC MINORITY'S RIGHTS

Abstract. The article discusses the mechanisms of protection of ethnic minority's rights in Russia, the experience of activities of national-cultural autonomies in the Republic of Crimea.

Keywords: Russia, Republic of Crimea, national-cultural autonomy, ethnic minorities, the rights of ethnic minorities.

Проблема защиты прав этнических меньшинств в современных реалиях является актуальной как для Российской Федерации в целом, так и для Республики Крым, в частности. Это связано с тем, что каждый этнос уникален по-своему, так как является устойчиво сложившимся

сообществом людей. Каждая из этнических групп обладает своей версией коллективной памяти и исторической правды, поэтому противоречия экономического и (или) политического характера нередко приводят к состоянию межэтнической напряженности. Также представители этнических меньшинств опасаются ассимиляции, что грозит для них потерей культурной самобытности.

Этнические различия в российском государстве существовали издревле, однако лишь к XIX в. появился первый опыт государственного регулирования в этнонациональной сфере (Устав об управлении инородцев 1822 г.). С развитием и изменением правового поля в России происходили изменения и в национальной политике. Наиболее существенные изменения наблюдались уже в XX в. Так в результате принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. была провозглашена одна из целей суверенитета РСФСР – обеспечить каждый народ правом на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах [1].

После распада Советского Союза лишь в мае 1992 г. было подписано «Соглашение о сотрудничестве в области культуры» между странами СНГ. Таким образом, происходило налаживание взаимодействия в сферах культуры и СМИ.

17 июня 1996 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон от № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Благодаря данному закону представители этнических меньшинств получили право на сохранение своей самобытности, культуры, языка, традиций, посредством создания общественных объединений, пользующихся поддержкой Правительства.

Настоящий Федеральный закон создает правовые условия для взаимодействия общества и государства с целью защиты культурных прав этнических меньшинств. Согласно ст. 2 ФЗ от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» национально-культурная автономия основывается на принципах: «свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности; самоорганизации и самоуправления; многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии; сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой; уважения языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей; законности» [2].

Таким образом, в России национально-культурная автономия должна упорядочить в правовом порядке разнообразие этнокультурных организаций. Однако в действительности существуют две про-

блемы, которые не позволили произвести должное объединение. Во-первых, принцип вертикальной ориентации (обозначенный в законе об НКА) отрицает экстерриториальность, так как региональные и местные НКА привязаны к конкретным территориальным образованиям. Во-вторых, отсутствие персонального членства усложняет решение вопроса о представительности данных структур. Кроме того, существует сильная зависимость института НКА от государства. Однако в некоторых субъектах Российской Федерации НКА успешно функционируют и формируют этнокультурную среду.

Для изучения прикладного аспекта заявленной темы нами было проведено исследование функционирования и роли НКА на примере Республики Крым как субъекта Российской Федерации.

Согласно ст. 16 ФЗ от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»: «Органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации поддерживают и поощряют негосударственные средства массовой информации, безвозмездно предоставляющие национально-культурным автономиям возможность освещения их деятельности» [2].

Известно, что альтернативой освещения событий, которые организуются НКА, являются web-сайты. Поэтому мы провели анализ активности функционирования национально-культурных автономий с помощью данных, полученных с WEB сайтов зарегистрированных в Крыму НКА.

Данные об активности национально-культурных автономий Республики Крым указаны в таблице № 1.

В ходе анализа рассмотрены 12 зарегистрированных региональных национально-культурных автономий Республики Крым. НКА белорусов Крыма не была проанализирована в связи с тем, что она функционирует как общественная организация в составе Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, таким образом, освещение функционирования главного сайта не представляло для нас интереса в контексте поставленной задачи.

Была изучена регулярность обновления web-сайтов и частота проведения мероприятий, согласно данным разделов «Новости» данных сайтов, а также наличие адресов и контактных номеров для непосредственной связи с НКА.

Таблица № 1

Национально-культурная автономия	Web-сайт	Количество записей (новостей) на web-сайте	Дата последнего обновления на web-сайте	Наличие электронного адреса
НКА азербайджанцев РК	-	-	-	+
НКА армян РК	-	-	-	+
НКА болгар РК «Паисия Хилендарского»	+	21	24.01.2017	+
НКА греков РК «Таврида»	+	23	27.10.2016	+
НКА евреев РК	-	-	-	+
НКА крымских караимов РК	+	80	05.08.2016	+
НКА молдаван РК «Плай»	-	-	-	-
НКА эстонцев РК	-	-	-	+
НКА немцев РК	+	16	29.09.2016	+
НКА крымских татар РК	-	-	-	-
НКА татар РК	-	-	-	+
НКА осетин РК	-	-	-	-

В итоге проведенного анализа нами были сделаны следующие выводы. Из 12 национально-культурных автономий только 4 из них имеют функционирующие web-сайты. По обновлениям новостной ленты наиболее актуальна информация болгарской НКА, где последнее обновление сделано 24 января 2017 г. В НКА греков, немцев и крымских караимов последние обновления были сделаны в 2016 г., то есть не производились в среднем уже 3 месяца.

Что касается наличия контактной информации, то на сайте Правительства Крыма указаны мобильные телефоны 12 НКА РК, однако электронные адреса отсутствуют у 3 НКА: молдаван, крымских татар и осетин.

В итоге анализа можно сделать вывод о наиболее активной деятельности трех национально-культурных автономий Крыма: болгарской, греческой и немецкой. Что, однако, подтверждает лишь слабую освещенность событий, проводимых другими НКА. На самом же деле все крымские НКА проводят успешную общественную деятельность, связанную с защитой культурных прав этнических меньшинств, в чем им также помогают национально-культурные объединения, такие как: «Республиканское общество депортированных болгар им. братьев Стояновых», «Всекрымский еврейский конгресс», а также государственное бюджетное учреждение «Дом Дружбы Народов». Однако

следует заметить, что функционирование информационных Интернет-ресурсов является важным аспектом популяризации деятельности НКА. Благодаря работе сайтов становится возможным облегчение доступа к информации о деятельности НКА и, соответственно, происходит ознакомление населения с деятельностью этнокультурных общественных объединений.

Учитывая все вышеизложенное, следует заметить, что благосостояние российского общества зависит от сложившейся экономической, культурной и социальной ситуации в стране. Но деятельность НКА в России служит укреплению единства российской нации. Благодаря дальнейшему взаимодействию общественных структур в сфере этнонациональной политики мы сможем препятствовать ассимиляции, защищать культурные права национальных меньшинств и предотвращать этнические конфликты, что является крайне важным в вопросе сохранения целостности страны.

Литература

1. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. URL: <http://constitution.garant.ru/act/base/10200087/> (дата обращения: 22.02.2017).
2. О национально-культурной автономии. ФЗ от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/135765/paragraph /132:0> (дата обращения: 22.02.2017).

Пашковский П.И.

РОССИЯ В СИСТЕМАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт позиционирования России в системах международных отношений с позиций мир-системного анализа.

Ключевые слова: Россия, СССР, международные системы, позиционирование, мир-система.

Pashkovsky P.I.

RUSSIA IN THE SYSTEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS: PAST EXPERIENCE AND PERSPECTIVES OF FUTURE

Abstract. The article deals with the historical experience of Russia's positioning in the international systems from the standpoint of world-systems analysis.

Keywords: Russia, USSR, international systems, positioning, world-system.

Учитывая современное увеличение международной напряженности, обострение конфликта России с Западом и последствия антироссийских санкций, особое значение приобретают исследования перспектив и возможностей развития нашего государства в сложившихся обстоятельствах [9; 10; 11]. В этом контексте актуальным представляется изучение опыта позиционирования России в условиях различных систем международных отношений, позволяющее проводить определённые исторические параллели, способствующие объективному пониманию настоящего и более реалистичному прогнозированию будущего. Вместе с тем, как справедливо отмечал Г. Киссинджер, при осуществлении международно-политического анализа следует помнить, что «уроки истории не являются автоматически применимым руководством к действию; история учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми» [6, с. 19].

Анализ исторического опыта показывает, что, будучи интегрированной в мир-систему (капиталистическую мир-экономику), Россия всегда позиционировалась как полупериферия, находящаяся в большей или меньшей зависимости от государств ядра, представляющих «Западный мир» [1]. Подобное наблюдалось в периоды функционирования Вестфальской и Венской международных систем [10, с. 43-44]. Отмечая дискуссионность проблемы позиционирования СССР в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений [3], следует признать справедливость понимания «советского эксперимента» как автаркической модели [5, с. 571-572], начавшей формироваться в условиях форсированной индустриализации конца 20-х – начала 30-х гг. XX века [4, т. 2, с. 551-564]. Это проявлялось в жестком контроле государства над интегрированным пространством (отсоединенным от центра мировой финансово-экономической системы) и многостороннем его реформировании за счет внутренних ресурсов, что позволило стране выйти из полупериферийного положения, обеспечив экономическую и политическую независимость на период порядка 50 лет [11, с. 18]. После этого замкнутая система нуждалась в «открытии» для проведения масштабной модернизации.

Ялтинская международная система продемонстрировала пример выхода Советского Союза из мир-системы путем создания альтернативной политико-идеологической и экономической системы, в рамках которой он являлся безусловным центром. В указанный период существовало биполярное мироустройство, наблюдалась масштабная конфронтация двух блоков – США и СССР, а также их союзников – на базе конкретных идеологических расхождений [12, с. 3]. Каждый из полюсов представлял собой самостоятельную систему, обладавшую специфическими характеристиками. Капиталистический мир, где лидерские позиции занимали Соединенные Штаты в ранге первой сверхдержавы, носил черты современной мир-системы (капиталистической мир-экономики). Советский Союз, будучи второй сверхдержавой, возглавлял государства, избравшие социалистическую модель развития. Данный расклад сил существовал на протяжении почти пяти десятилетий.

Определенные изменения в нем стали очевидными в начале 1970-х гг., когда СССР оказался перед необходимостью модернизации для преодоления периферийных процессов, чтобы соответствовать уровню мир-системы, вступившей в постиндустриальную эру [8, с. 40]. Опасаясь «реформистской угрозы», советская бюрократическая элита «поворачивается» в сторону капиталистической мир-экономики, что выражалось в торговле сырьем в 1970-е гг., а затем – в форсированном реформировании времен «перестройки» второй половины 1980-х и противоречивых преобразованиях постсоветской России 1990-х гг. [5; 7].

Это оборачивается нарастанием кризисных проявлений в советском государстве и обществе при падении цен на сырьё (в частности, на нефть), усилившихся в результате последствий «перестроечных» процессов, что, учитывая влияние ряда других внутренних и внешних факторов, в конечном счете, приводит к дезинтеграции Советского Союза. Вследствие этого Российская Федерация оказывается в положении полупериферии мировой капиталистической системы, а большинство новых независимых государств становятся ее периферией. Указанная ситуация, несмотря на постепенный рост российской экономической и военной мощи, а также международного авторитета, продолжается до настоящего времени.

Происходящее в последние годы увеличение конфликтности во взаимоотношениях России и стран Запада, проводящих политику ее изоляции и геополитического сдерживания, побуждает обратиться к историческому опыту подобных ситуаций, показывающему целесообразность выбора нашим государством имперской модели модернизации.

ции с целью построения автаркической системы, функциональный пример которой (с оговорками относительно известных «минусов» советской системы) продемонстрировало существование СССР в период до начала 1970-х гг. Это должно проявиться во внутренней мобилизации и многостороннем реформировании России в контексте курса на минимизацию ее зависимости от находящейся в глубоком кризисе капиталистической мир-экономики, как обычно, пытающейся решить проблемы своего ядра (центра) за счет ресурсов полупериферии и периферии. В противном случае увеличивается вероятность того, что итог глобальной геополитической конкуренции стран ядра мир-системы с нашим государством, занимающим в ней полупериферийное положение, будет предрешен.

Изменения во внешнеполитических подходах США в сторону изоляционистских тенденций [2], по-видимому, приведут Вашингтон не к абсолютному отказу от глобальных обязательств, но к частичной их передаче региональным союзникам, по крайней мере, на какой-то период. В этом отношении, исключив непосредственное давление на Россию, Соединённые Штаты, скорее всего, реализуя стратегию «удалённого сдерживания» путём задействования стран-партнёров, попытаются обострить их региональные противоречия с нашим государством. Вместе с тем, в условиях грядущих десятилетий реалистичным представляется сценарий, когда несколько сильных держав будут формировать новый мировой порядок. Поэтому, очевидно, что лишь в случае обретения самодостаточности в результате проведения масштабной модернизации в рамках имперской модели и последующего достижения независимости от западноцентричной мир-экономики, Россия сможет рассчитывать на достойное место в международной системе будущего.

Литература

1. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 – 2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30-42.
2. Ефременко Д., Пономарева А. Трамп: начало. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Tramp-nachalo-18575> (дата обращения: 22.02. 2017).
3. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_825.html (дата обращения: 22.02. 2017).
4. История России: В 2 т. Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. М.: АСТ: Ермак: Астрель, 2003. 862 с.
5. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. 576 с.

6. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
7. Кононов И.Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Шевченка. Серія: Соціологічні науки. 2010. Т. 2. Ч. I. № 12 (199). С. 84-108.
8. Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 6. С. 36-46.
9. Пашковский П.И. Ресурсный потенциал и факторы развития России в исследованиях А.И. Уткина // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 2-1. С. 4-7.
10. Пашковский П.И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41-53.
11. Пашковский П.И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 14-20.
12. Юрченко С.В. США и международные кризисы в биполярном мире (1940–1960-е годы). Севастополь: Флот України, 2000. 104 с.

Попова О.В.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В докладе обобщены принятые в современной политической науке основные теоретические подходы по вопросу о механизмах формирования политической идентичности.

Ключевые слова: политическая идентичность, механизмы формирования идентичности, политическая социализация, референтная группа, ситуативная и базисная идентичность, политика идентичности.

Popova O.V.

MECHANISMS OF POLITICAL IDENTITY FORMATION

Abstract. In the report there are analyzed the basic theoretical approaches of modern political science on the mechanisms of political identity formation.

Keywords: political identity, mechanisms of identity formation, political socialization, reference group, situational and basic identity, identity politics.

Под механизмом формирования политической идентичности (далее – п.и.) понимают технологию создания идеального образа значимых политических объектов и «своих» в сфере политики в процессе усвоения индивидом норм, идеалов, ценностей, ролей, стандартов поведения тех групп, к которым он принадлежит. С конца 1960-х гг. стандартным является представление о взаимосвязи формирования п.и. и процессов политической социализации и ресоциализации. В основе формирования п.и. лежит установление у индивида чувства тождества с определенными объектами, которые маркируются в его сознании как собственно политические или относящиеся к сфере политики. Одновременно фиксируется принадлежность к определенной группе, обладающей некоторыми особенностями, связанными с идеологическими ценностями и политическим поведением (формируется образ «мы»). Основной механизм формирования п.и. – политическая самоидентификация, процесс отнесения себя к той или иной политической группе (к сторонникам той или иной политической организации, системы политических взглядов или того или иного политического деятеля). Важный элемент этого процесса — наличие позитивного образца. В реальной политической жизни люди достаточно легко определяются с негативной моделью/объектами, но не имеют четкого представления о позитивных образцах. Четыре варианта итогов формирования п.и. – отсутствие позитивных и негативных образцов; отсутствие позитивных, но наличие негативных образов; наличие четких позитивных и размытые границы «чужих» в политике; четкая модель с позитивными и негативными образцами — определяют доминирующую модель поведения индивида в сфере политики.

Существенной латентной функцией механизма формирования п.и. выступает социальный контроль. Предлагая через системы воспитания, образования и средств массовой коммуникации и встраивая в процесс политической социализации определенный набор социально одобряемых элитой или лидерами общественного мнения моделей п.и. граждан, власть обеспечивает определенный уровень социального и политического согласия среди населения. При формировании п.и. может быть использован мобилизационный механизм на основе целенаправленного навязывания политических образцов и определенных стереотипов мышления о себе самих, своей нации, стране, мире и т.д. в рамках реализации политики идентичности [2].

Субъектами политики идентичности как механизма формирования определенных политических установок людей могут выступать любые социальные и политические акторы, как, например, различные меньшинства – этнические, гендерные и т.д., или политические и госу-

дарственные институты власти. Государство остается значимым, обладающим существенными ресурсами и средствами контроля и манипуляции политическим актором в жизни как локальных сообществ, так и макрообщностей. Оно стремится монополизировать не только различные формы легально применяемого насилия, но и легитимную символическую власть, право именовать, идентифицировать, устанавливать, кто есть кто и что есть что [8].

Функциональное предназначение политики идентичности государства – формирование символического единства граждан страны с целью обеспечения долгосрочной политической мобилизации населения в поддержку существующего политического режима. Она символически легитимирует существующую политическую систему, дает идеологическое обоснование политики социального партнерства, снижает риски проявлений классовой борьбы. Инструментами политики идентичности выступают государственный язык, образовательные программы, нормы приобретения гражданства, национальные символы, государственные праздники, обозначения топографических объектов и т.д. [4, с. 91; 9]. Используются и юридические инструменты, поддерживающие государственную политику идентичности и делящие людей на «своих» и «чужих», «нас» и «их», «друзей» и «врагов». Социальные или политические сообщества или отдельные личности не нуждаются в выработке и репрезентации объективного образа «мы», поскольку «нужны не объективные истины, а политически значимые символы» [6, с. 108]. Образ «мы», если только речь не идет о негативной или кризисной модели, должен вызывать чувство самоуважения и уважения у значимых «других».

П.и. может основываться на личностном конструкте «Я – общество» (позиция индивида в системах «я – мы» и «мы – они») (Я. Рейковски). Мир воспринимается как групповой, в котором происходит выделение похожих на «меня» и идентичных «мне», и внегрупповой, создающий дифференциацию «мы – они». Тип личной идентичности (большая дистанция «я – мы» и маленькая «мы – они») — деятельный вариант осознания социальных и политических проблем, или субъект–объектный тип личностного конструкта, которому присуща ощущение субъектности личностной позиции, внутренняя убежденность в зависимости всего происходящего вокруг только от собственных желаний и способностей. Эти люди ощущают себя активной стороной, оценивающей «других» и принимающей решения. Но они осознают только те проблемы, которые соответствуют их социальному статусу, приняты для обсуждения в определенном круге значимых для них лиц. Тип групповой идентичности (маленькая дистанция «я – мы» и большая

«мы – они») сопоставим с созерцательным типом осознания, или объект–субъектным типом личностного конструкта. Эти люди наряду с аргументированными, продуманными выводами и суждениями демонстрируют отсутствие собственной точки зрения, позицию «стороннего наблюдателя», практическую беспомощность, пассивность, отчужденность в реальной политической жизни. Тип дифференциальной идентичности (большая дистанция «я – мы» и «мы – они») сопоставим с проблематизирующим типом осознания, или субъект–субъектным типом личностного конструкта людей, свободных от стереотипов в мышлении и поведении, имеющих высокий уровень осмысления социальных проблем и личностной активности, связанной не только с потребностями индивида, но и общества в целом. Четвертый тип — диффузная идентичность (маленькая дистанция «я – мы» и «мы – они») — предполагает стереотипизированный тип сознания (объект–объектный тип личностного конструкта). Наличие «запрограммированных» штампов вместо личностно значимых проблем, консервативность в общении, сложность межличностной коммуникации, неспособность быстро усваивать новые нормы взаимоотношений, отсутствие потребности быть принятым в группе — все это характеризует индивида с диффузной идентичностью [5, с. 25–27].

Типичный взгляд на механизм формирования п.и. предполагает, что первый этап заключается в символическом присоединении индивида к какой-либо группе или институту, в проецировании своих собственных характеристик на них, вследствие чего возникает ощущение единства с этим сообществом, а совместные действия с членами этой группы наполняются для человека смыслом. На втором этапе активизируются процессы деперсонализации, когда конкретные виды идентичности доминируют над целостным ощущением «Я», а человек приписывает себе характеристики «своей» группы. На третьем этапе по мере возрастания количества контактов с другими людьми индивид начинает осознавать свою принадлежность одновременно к нескольким группам, в его сознании актуализируются различные объекты п.и., которые могут восприниматься им как обособленные, подчас противоречащие друг другу. На четвертом этапе формирования идентичности множественные, отличные друг от друга объекты идентификации воспринимаются уже как значимые для его «Я».

Концепт референтных групп предлагает иное объяснение механизма формирования п.и.: в этом качестве может выступать чувство удовлетворенности от принадлежности к «своей» или желание вхождения в позитивную референтную группу на основании сравнения их социального статуса и наличия особых ресурсов. Наглядный пример

— голосование за «партию большинства». Важным элементом этого механизма является эмоционально-оценочный компонент с акцентированием различий между группами. Поскольку для индивида исключительно важно признание со стороны значимых «других», ощущение групповой защиты, солидарности, стабильности, поддержание самоуважения, то в области политики фактическое или символическое присоединение к какой-либо группе, которая имеет существенные политические ресурсы, дает человеку не только возможность реализации каких-либо своих интересов, но и обеспечивает ощущение защищенности, в том числе за счет ожидаемой позитивной оценки со стороны «своих». Процесс формирования п.и. с какой-либо политической группой или институтом предполагает, что человек в доступных ему понятиях объясняет самому себе взаимосвязи и отношения между политическими акторами и оказывается способным оценить наличие у них тех или иных ресурсов, которые он гипотетически может использовать в своих целях. Сторонники концепта референтных групп допускают низкую способность людей к осознанию подлинных причин идентификации с политическими объектами; в этом случае актуализируются эмоциональные, спонтанные, а подчас и иррациональные мотивы действий. Соотнесение себя с какими-либо периферийными, маловлиятельными общностями, связанное с ощущением собственной социальной и политической несостоятельности, как и формирование негативной модели п.и., может сыграть роль мобилизационного фактора в реализации протестной политической активности. В кризисной политической ситуации возможно формирование п.и. людей с весьма умеренной степенью политической ангажированности в малом круге непосредственных социальных контактов или с высокими показателями способности к политической мобилизации с абстрактными большими социальными группами и политическими акторами, с которыми у человека реального взаимодействия в повседневной жизни может и не быть. В первом случае идентичность формируется в ходе непосредственного взаимодействия индивида с другими людьми на политические темы, во втором — опосредованно с помощью различных каналов масс-медиа online и offline.

Различные методологии предлагают разные модели механизмов формирования п.и. Так, в символическом интеракционизме акцент делается на процессах политического взаимодействия, причем реакция людей «не вызывается непосредственно действиями другого, а основывается на значении, которое они придают подобным действиям» [1, с. 173]. Сначала происходит идентификация «Я» с предметной средой (Я есть...). Затем формируется самообозначение «Я» посредством

противопоставления себя и себе подобных с иными (другими, чужими, врагами и т.д.). Впоследствии индивид оказывается способным выстроить образ мира в соответствии с персональной перспективой и потребностью быть представленным и утвердиться в нем. Наконец, человек оказывается способным соотнести эту созданную им реальность с личным практическим опытом и вносить в собственные политические представления определенные изменения.

Постструктурализм рассматривает механизм трансформации ситуационной идентичности в базисную. Ситуационная п.и. непосредственно связана с актуальной политической практикой; для ее изменения достаточно профессионально навязанных извне с помощью манипулятивных методов «правильных» схем анализа ситуации и политических решений. Надситуационная политическая идентичность связана со всем политическим опытом человека. Она фиксирует «значимость» для индивида определенных политических отношений. Ситуационные п.и. являются исходным материалом для выстраивания надличностной п.и. человека, они должны быть осмыслены и приняты им, распространены на все похожие ситуации. Формирование надситуационной п.и. в процессе политической социализации предполагает «вписывание» политических ролей в габитус агента поля политики. Формирование базисной п.и. происходит посредством разрешения кризисных состояний сознания личности. Надситуационная п.и. диктует личности нормы и правила политических действий, схемы восприятия, мышления, оценки, способы политической коммуникации, постановки и разрешения проблем. Формирование надситуационной идентичности проходит четыре этапа: а) возникновение эмпатии к персонифицированной позиции в поле политики; б) становление ситуационной политической идентичности на основе эмпатии; в) осознание ситуационной политической идентичности и формирование надситуационной идентичности; г) принятие личностью осознанной устойчивой идентичности в качестве личностной п.и. [3, с. 118]. Формирование базисной идентичности в условиях трансформации общества может приобретать кризисный характер.

Для сторонников постмодернизма и методологии конструктивизма (Б. Андерсон, П. Бергер, Н. Лукман), поскольку у человека в современном мире существует якобы почти неограниченная свобода выбора модели идентичности, но при этом нет и не может быть навсегда заданного набора черт, склонностей и образа «Я», ключевыми механизмами формирования идентичности являются воля и постоянная саморефлексия индивида [7]. Цель идентификации — достижение аутентичности себя самого посредством дифференциации истинного и лож-

ного «я», эмоционального преодоления прошлого и осмысленного прогнозирования своего образа в будущем. Поскольку «я», в том числе и политическое, есть непрерывный проект саморефлексии, то механизм формирования п.и. в этой конструктивистской версии предполагает способность человека к четкому обозначению своего места в политическом пространстве, рациональную мотивацию политических действий и выстраивание четкой траектории развития личности, т.е. контроль над временем. Для конструктивистов человек может быть свободен в своем выборе, практически независим от общества, референтной группы, своего социального слоя и малого круга общения, а потому единственным критерием правильности выбранных индивидом ценностей, установок, способов действия, его идентичности в сфере политики является убежденность в своей правоте.

Литература

1. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 173–179.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. Качанов Ю. Опыты о поле политики. М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. 159 с.
4. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90–105.
5. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 257 с.
6. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 220 с.
7. Huddy L., Sears D.O., Levy J. (Eds.). From Group Identity to Political Cohesion and Commitment. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 1–71. URL: http://www.surrey.ac.uk/politics/research/researchareasofstaff/isppsummeracademy/instructors%20/Huddy_GroupIdentity_Handbook_2013%20%282%29.pdf (дата обращения 10.11.2016).
8. İnaç H., Ünal F. The Construction of National Identity in Modern Times: Theoretical Perspective // International Journal of Humanities and Social Science. 2013. Vol. 3. № 11. June. P. 223–232.
9. National Day's: Constructing and Mobilizing National Identity / ed. by D. McCrone, G. McPherson. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2009. 288 p.

Романович Н.А.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОШЛОМ РОССИИ: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Аннотация. Переоценка исторических событий характерна для российской действительности – не случайно Россию называют страной с непредсказуемым прошлым. Для сегодняшнего дня продолжает быть актуальной переоценка событий столетней давности, связанных с революционным прошлым и личностью последнего русского царя, поскольку восприятие прошлого задает вектор будущих социальных трансформаций. Таким образом, происходит своеобразная «работа над ошибками», ценность которой заключается в осмыслении накопленного исторического опыта и выработке превентивных установок для предотвращения будущих ошибок. Анализ общественного мнения, основанный на результатах социологических опросов, свидетельствует о непрерывной социальной рефлексии по поводу революционного прошлого страны.

Ключевые слова: революция, прошлое России, царь, общественное мнение.

Romanovich N.A.

PUBLIC OPINION ABOUT THE REVOLUTIONARY PAST OF RUSSIA: WORK ON THE BUGS

Abstract. The revaluation of historical events is typical for Russian reality. It is no mere chance that Russia is called a country with the unpredictable past. At the present moment the revaluation of century-old events associated with the revolutionary past and the personality of the last Russian tsar is topical as the perception of the past determines the future social transformation vector. Thus, there is a kind of "work on the bugs", the value of which lies in comprehending the accumulated historical experience and the development of preventive systems to avoid future errors. Analysis of public opinion based on the results of opinion polls shows a continuous social reflection on the revolutionary past of the country.

Keywords: Revolution, Russian past, the tsar, the public opinion.

Столетие, минувшее после Октября 1917 года, позволяет претендовать на более взвешенную оценку революционного прошлого, поскольку вполне проявились последствия для России бурного начала

XX века. Возможно, именно такой взгляд на историю побудил Сергея Есенина на написание этих поэтических строк: «Лицом к лицу лица не увидеть. Большое видится на расстоянье». Русский публицист Семен Осипович Португейс эту же мысль выразил в прозе, подкрепив образным обоснованием. Так в свое время Португейс писал о большевизме: «Он обязательно должен постареть..., чтобы разрушить все иллюзии, связанные с его рождением и молодыми годами... Режим должен остыть, сложиться, стать «пожилым», потерять блеск великих событий... чтобы в отношении к нему страдающих масс могла проявиться свобода оценки и в психике народа могли бы накопиться элементы объективной ориентации в своем собственном положении» [1, С. 137]. Так оно и произошло. Постаревший большевизм, как и революционный переворот 1917 года, получил объективную оценку спустя столетие.

Некоторые историки сокрушаются по поводу случайности тех событий, которые привели к большевистской революции и считают, что при ином раскладе её могло бы и не быть. Есть противоположное мнение – революция не была случайностью, при этом одни усматривают внутренние, а другие – внешние, по отношению к России, причины. А какое мнение поддерживает население?

Институт общественного мнения «Квалитас» в октябре 2015 года обратился к воронежцам с вопросом: «*Что, на Ваш взгляд, послужило причиной Октябрьской революции 1917 года?*» [2]. Опрос проводился по репрезентативной для взрослого населения города Воронежа (старше 18 лет) выборке, которая составила 607 человек.

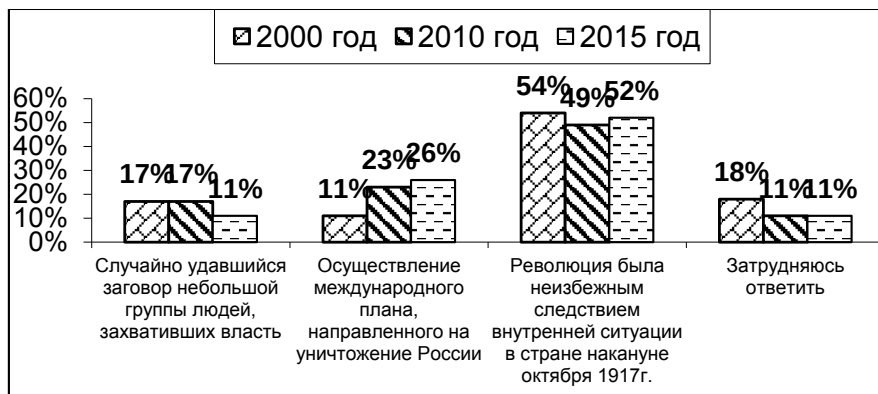
Как показывают результаты опроса, большинство жителей Воронежа признают революцию неизбежным следствием внутренней ситуации в стране накануне октября 1917 года (**52%**). Точно так и писали учебники по истории в советских школах: «верхи не могли, а низы не хотели жить по-старому»... Это кризисное положение впервые было названо «революционной ситуацией» В. И. Лениным в работе «*Маевка революционного пролетариата*» (1913 г.), а позже эта формула перекочевала в другие ленинские труды, поэтому получила весьма широкое распространение [3, С. 296]. Неизбежность революции – это догма марксистско-ленинской философии. Но в последнее время некоторые исследователи полагают, что революции в России могло и не случиться, если бы не... Некоторые полагают, что вмешалась злая воля российских недругов, направленная на уничтожение нашей страны. Это мнение о международном заговоре против России разделяют **26%** опрошенных (чаще всего в это верят люди от 30 до 49 лет – **32%**).

Только **11%** горожан считают революцию случайным заговором людей, захвативших власть.

Этот же вопрос был задан воронежцам впервые в 2000 году и затем – в 2010 году. В итоге есть возможность проследить тенденции, свойственные общественному мнению в оценках революционных событий на протяжении пятнадцати лет (график 1).

График 1

Что, на Ваш взгляд, послужило причиной Октябрьской революции 1917 года?

Преобладающее мнение остается с начала века неизменным: население считает революцию неизбежным следствием внутренней ситуации в стране накануне 1917 года. Количество людей, называющих революцию случайностью, сократилось с **17%** до **11%**, а число уверенных в осуществлении международного плана, направленного на уничтожение России, напротив, увеличилось более чем вдвое: с **11%** до **26%**. Очевидно, что кризис последних лет в политических отношениях со странами Запада ориентирует общественные настроения на поиски внешнего врага не только в текущих событиях, но и в исторической ретроспективе.

Отношение к исторической личности последнего русского царя до некоторого времени было не только предметом общественных разногласий, но и межей раскола между РПЦ и Русской Зарубежной Православной Церковью. Объединение церквей, канонизация царской

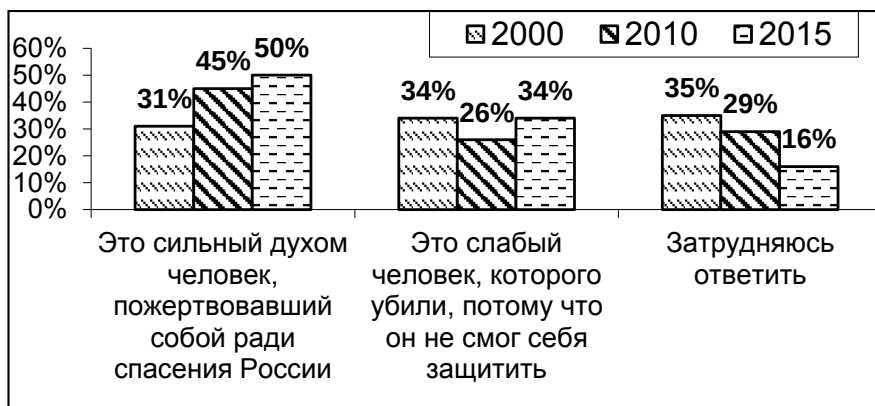
семьи и распространение скрытых ранее исторических сведений постепенно изменили общественное мнение.

Сегодня каждый второй житель города Воронежа воспринимает Николая II как сильного духом человека, принесшего себя в жертву ради спасения России (**50%**). Это мнение в значительной степени преобладает над представлением о царе как слабом и безвольном человеке (**34%**). Молодые люди считают последнего царя героем (**71%**) в два раза чаще, чем пожилые (**34%**).

Но так было далеко не всегда. У нас есть возможность сравнить ответы на этот вопрос в 2000 г., в 2010 г. и в 2015 г. (график 2). На графике 2 видно, как с каждым замером общественного мнения убывает число людей, затрудняющихся с оценкой царя, и растет число тех, кто считает Николая II сильным духом человеком, пожертвовавшим собой ради спасения России.

График 2

Кто для Вас последний русский царь Николай II?

Очевидно, что отношение к Николаю II менялось в унисон с переоценкой революционных событий в стране. По мере того как Октябрь 1917 года в исторической ретроспективе становился все более мрачным и зловещим, образ последнего русского царя все более светлел и очищался от проклятий и поношений. От расстрела в начале XX века до прославления в ранге святого царя-страстотерпца в конце XX века – этот путь ещё не закончен. Отношение к царю продолжает меняться в общественном мнении. За последние 15 лет количество людей, которые признают царя Николая II героической личностью, выросло от **31%** до **50%**.

Как отразилась революция 1917 года на судьбе страны? В школьных учебниках советского времени сказано, что благодаря Октябрьской революции, Россия превратилась из отсталой аграрной страны в передовое промышленно развитое социалистическое государство. Полвека назад это была общепринятая версия. Сегодня ситуация изменилась кардинально. Если бы не помешала революция, считают воронежцы, Россия была бы или «мировым лидером» (24%) или, на худой конец, одной из развитых европейских стран (30%). Иными словами, большинство горожан (54%) относят революцию в разряд негативных явлений русской истории. Повышение уровня образования способствует уверенности в том, что Россия была бы одной из развитых европейских стран. Уровень дохода не является нейтральным фактором по отношению к оценкам исторического прошлого России, но служит своеобразным водоразделом мнений и суждений. По мере роста уровня дохода у респондентов крепнет убежденность, что, не случись революции, Россия стала бы уже сегодня мировым лидером.

В то же время положительную роль революции 1917 года подчеркивают в целом 12% горожан. Из них 7% считают, что без Октября 1917 года Россия была бы отсталой аграрной страной (точно так нас учили советские учебники), а 5% опрошенных опасаются, что Россия в таком случае вообще бы не существовала как цельное самостоятельное государство. Нейтральную роль революции 1917 года отводят 18% респондентов, которые не усматривают в связи с ней каких-либо изменений в глобальной истории России.

Уже трижды этот вопрос прозвучал для воронежцев: в 2000, 2010 и в 2015 годах (график 3).

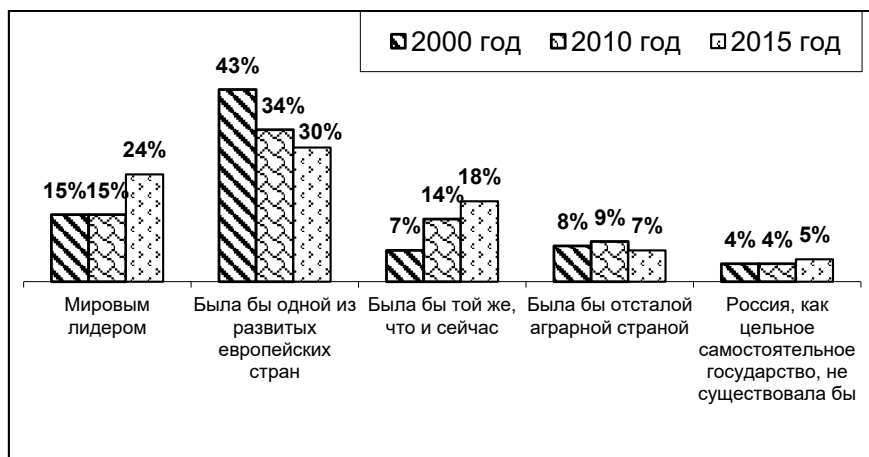
Как видно из графика 3, за последние годы число сторонников утверждения, что если бы не революция, то Россия сегодня была бы мировым лидером, выросло с 15% до 24%. Уже, начиная с 2000 года, представления о положительной роли революционных событий не набирали более 12-13% толосов. Это означает, что идеологическая переоценка Революции 1917 года произошла раньше – во время крушения коммунистической идеологии и советской страны в начале 90-х годов. Именно тогда Россию стали называть страной с непредсказуемым прошлым.

В стране, где семьдесят лет подряд воспевалась революция, целесообразность и полезность революционных действий были подставлены под сомнение. А постсоветская действительность это сомнение укрепила. И сегодня, как никогда, актуально прогностическое замечание Португейса: «Если не подготовлены культурные условия, способствующие позитивному преодолению «старого порядка», падение ненавистного режима может оказаться *шагом не вперед, а назад*» [1, С.137]. Собственно, если

условия подготовлены, то революции и не происходит, развитие идет путем эволюции, тем путем, который не отмечен «историческими переломами». По существу любая революция есть свидетельство о неподготовленности культурного слоя к переменам, а значит, любая революция является *шагом назад*.

График 3

Если бы не было Революции 1917 года, какой была бы Россия сегодня?

В общественном сознании продолжается «работа над ошибками» исторического прошлого России, и оценки этого прошлого постоянно корректируются. Это, с одной стороны, неизбежный, с другой стороны – обнадеживающий процесс. Как сказал известный канадский педагог Лоренс Питер, «Если верно, что человечество учится на своих ошибках, нас ожидает блестящее будущее».

Литература

1. Кара-Мурза А.А. Первый советолог русской эмиграции: Семен Осипович Португейс // ПОЛИС. 2006. № 1. С. 137
2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу под ред. Н.А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2015-10. [Электронный ресурс]. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2016/October> (дата обращения 12.01.2017).
3. Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата. Полн. собр. соч. в 55 томах. Том 23. М., 1958.

Росенко М.И.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Исследованы особенности этнодемографических конфликтов на современном этапе, их место в классификации политических конфликтов, предпосылки и последствия. Обращено внимание на сложность течения этнодемографических конфликтов, совпадающих с этноконфессиональными конфликтами, вызванных геополитическими процессами и сложность выбора методов урегулирования этнических конфликтов, их разрешения, нейтрализации и поиска путей выхода из конфликта.

Ключевые слова: политический конфликт, этнос, этнодемографическая, этноконфессиональная группа, противоречия.

Rosenko M.I.

PECULIARITIES OF ETHNO-DEMOGRAPHIC CONFLICT AT THE PRESENT STAGE

Abstract. Peculiarities of ethnodemographic conflict at the present stage, their place in the classification of political conflicts, prerequisites and consequences. Attention is drawn to the complexity of the current ethno-demographic conflict coincide with ethnic and religious conflicts caused by geopolitical processes and the complexity of the choice of methods of settlement of ethnic conflicts, resolve them, neutralize and to find ways out of the conflict.

Keywords: political conflict, ethnic group, ethnodemographic, ethnoreligious group, contradictions.

На протяжении всей истории своего развития общество сталкивалось с различного рода спорами и войнами, которые возникали на основе противоречий между племенами, городами, государствами. Такие конфликты порождали этнические, культурные, религиозные, политические и другие общественные противоречия.

Лежащий в основе происходящих изменений в политике конфликт, определяет границы и характер существования данной сферы общественной жизни. С другой стороны политические конфликты рассматриваются как аномалия политического процесса. В обоих подходах предполагается, что урегулировать существующие политические

конфликты и обеспечить стабильность режима правления возможно посредством единой системы социокультурных ценностей и идеалов.

Особую нишу в классификации политических конфликтов занимают этнические конфликты, которые представляют собой конфронтацию между двумя или несколькими этносами. Как форма политических отношений, политический конфликт характеризуется состоянием взаимных претензий и тенденцию к нарастанию противостояния. Такие конфликты более присущи многонациональным государствам.

Несмотря на то, что государство заинтересовано в создании единой наднациональной общегосударственной идентичности, которая на основе единого языка, единых символов и традиций смогла бы консолидировать все этнические, конфессиональные и социальные группы страны, не всегда удается достичь полного совпадения этнической и государственной (гражданской) самоидентификации. Кризис этнического самосознания проявляется в изменении этнической, конфессиональной (религиозной) и политической самоидентификации людей, в усилении влияния националистических группировок и объединений, нарастании их политической активности.

Конфликтные ситуации при этнических конфликтах являются следствием проявления негативных стереотипов взаимного восприятия контактирующих этнических групп или их представителей и результатом предъявления требований стороной, считающей себя ущемленной. К таким можно отнести один или несколько аспектов, а именно:

- гражданского равноправия;
- права на культуру;
- институционализированных политических прав;
- права на осуществление определенных изменений, включая изменения границ, создание новых государств или присоединения к другому государству.

Исходя из приоритетных целей, сформулированным одной из сторон, а, следовательно, и по возможным последствиям для полиэтнического социума, в котором конфликты развиваются, наиболее актуальными на настоящем этапе являются этнодемографические конфликты. Среди политических предпосылок таких конфликтов можно выделить этнотерриториальные, этноконфессиональные, межнациональные. Они возникают там, где реальна опасность размывания, растворения этноса в результате быстрого притока иноязычного населения. Яркий пример этому этнические конфликты, возникающие в государствах Западной Европы в настоящее время в связи с большим притоком беженцев из государств Африки и Ближнего Востока.

Приоритетным требованием в таких случаях становится защита прав «коренной нации», введение разного рода ограничений для ново-прибывшего населения.

Особую актуальность и сложность в разрешении этнодемографических конфликтов приобретает ситуация, при которой высокий порог этнодемографической мобильности вызван изменением статуса территорий, на которых исконно проживал этнические группы определенной конфессии, а на территории нового места жительства большинство населения принадлежит к другому этносу другой конфессии (пример Франции после обретения Алжиром независимости, следствием чего стало переезд большого количества подданных Франции, мусульман, на материковую часть).

Большой приток беженцев в последние годы значительно усложнил проблему поиска путей достижения полного совпадения этнической и государственной (гражданской) самоидентификации и консолидации всех этнических, конфессиональных и социальных групп.

Индикаторами имеющегося этноконфессионального конфликта возникшего на базе этнодемографического, находящегося в стадии перехода из латентной в актуализированную форму, можно назвать фактор общественной мобилизации. Он показывает способность определённых политических групп к активным действиям по достижению своих экономических, политических и национальных интересов, что выражается в увеличении числа демонстраций, митингов, забастовок, пикетирований и других политических акций. Такая высокая мобилизация населения может привести к дестабилизации политической жизни, к вспышкам насилия, к нерегулируемой агрессии.

Как показывают события, этнические конфликты сопровождаются динамично меняющейся социально-политической ситуацией, которая порождается неприятием ранее сложившегося положения существенной частью представителей этнических групп и проявляется в виде хотя бы одного из следующих действий данной группы:

- начавшейся ее эмиграции из региона, существенно изменяющей местный этнодемографический баланс;

- создания политической организации, декларирующей необходимость изменения положения в интересах одной этнической группы и тем самым провоцирующей ответное противодействие других этнических групп и органов государственной власти;

- спонтанных акций протеста против ущемления своих интересов со стороны представителей местной этнической группы или органов государственной власти в виде массовых митингов, шествий, погромов.

При выборе методов урегулирования этнических конфликтов, их разрешении, нейтрализации или выхода из конфликта необходимо учитывать количество ресурсов, находящееся под общественным контролем и от политической организации мобилизованных групп, направленность конфликта, и самое главное общее стремление этносов к консолидации, длительность периода постепенного вrastания субкультур в единую интегрированную культуру.

Рябова С.Н.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В АРХИТЕКТУРЕ ХЕРСОНЕСА

Аннотация. В статье проведено исследование византийских традиций в архитектуре Херсонеса, уделено внимание теме Херсонеса в творчестве М. Горького.

Ключевые слова: Херсонес, архитектура, византийские традиции, М. Горький.

Riabova S.N.

BYZANTINE TRADITIONS IN ARCHITECTURE OF CHERSONESUS

Avstract. In the article the study of Byzantine traditions in the architecture of Chersonesos was conducted, attention was paid to the theme of Chersonesus in the works of M. Gorky.

Keywords: Chersonesus, architecture, Byzantine traditions, M. Gorky.

В юго-западной части Крымского полуострова, где встречаются отроги гор и синее-синее море, где вершилась история и определялся культурологический путь Отечества, где происходил выбор веры не только для себя великим князем Владимиром, а и для державы своей, расположены раскопанные артефакты. Это древний город Херсонес Таврический. Сейчас он входит в городскую черту Севастополя.

Город основан как античная древнегреческая колония выходцами из Гераклеи Понтийской и с острова Делос.

В середине первого века до нашей эры город попал в орбиту римского влияния. Затем был частью Византии.

Византийские черты архитектуры Херсонеса таковы:

1. Базилики.
2. Город греческой культуры, унаследованный Византией.
4. Упорядоченность планировки города, доминирование не церковной архитектуры, а античной.
5. Храмы-усыпальницы.
6. Мозаичные полы и отделка стен мрамором.
7. Мощные каменные башни для защиты.
8. Росписи.
9. Крестово-купольные храмы.

Планировались и строились прямые улицы с колоннами, которые немного служили тенью и смягчали жару летом, а также, естественно, украшали город.

По-древнерусски город называли Корсунь. В Херсонесе, который в X веке являлся главным центром Таврики, состоялось крещение князя Владимира под именем Василий и его венчание с византийской принцессой Анной. Затем они отправились водным путем по Днепру, через пороги, в Киев. Это не удивительно, т.к. дорогами служили реки.

Гунны, византийцы, половцы, печенеги ... Кто только не владел этим местом на побережье! Поэтому сохранность зданий древнего Херсонеса невелика...

Городище Херсонеса занимает небольшой скалистый мыс между бухтами Карантинной и Круглой. Первые раскопки начались в 1827 году. В III веке до н.э. вся территория города была окружена мощными каменными стенами с башнями, как практически все города Древней Эллады. В нём были дома, различные ремесленные мастерские, остатки амфор, прессов-давилен для винограда. Городские улицы пересекались только под прямыми углами, на перекрестках стояли статуи. В городе были также рыночная площадь, напольные мозаики в некоторых зданиях, колодцы, канализация, цистерны для воды.

Средневековый Херсонес-самая северная часть владений Византии в течении веков- это жилые здания, храмы, часовни, некоторые- с мозаичными полами.

Сейчас это туристическое место, привлекающее любителей античности и ее архитектуры.

Неожиданный М. Горький и его очерк «Херсонес Таврический». Автор таких произведений как «Мать», «Фома Гордеев»,

«Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», призывавший в начале 20 века к революционной борьбе, тем не менее, пишет очерк, «выбивающийся» из общей канвы его творчества!

Он посетил Херсонес впервые 15 января 1897 г. Молодой писатель на день остановился в Севастополе. «В книге посетителей музея он оставил запись, фотокопия которой попала потом в Архив А.М. Горького.

После посещения развалин Херсонеса писатель две недели жил в Ялте, в меблированных комнатах на Виноградской улице. М. Горький работал над очерком «Херсонес Таврический». Потом переехал в Алушкинский пансион «для лиц интеллектуального труда» (позже корпус санатория «Шахтер»). Здесь он работал над рассказами «Мальва», «В степи», «Зазубрина».

Писатель упоминает в очерке ряд ученых, исследовавших в разные годы Херсонес. Это греческий географ Страбон (1 в. до н.э.), шведский историк И.Э. Тунманн (XVIII в.), русский археолог З. Аркс (XIX в.). Горький был хорошо знаком с их трудами «Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса» (работа З. Аркса, изданная в 1879 г.), исследование И.Э. Тунманна «Крымское ханство», переведенное на русский язык.

14 марта 1900 г. М. Горький снова осматривал музей, о чем свидетельствует его запись в книге музея, который продолжал привлекать к себе внимание писателя и в более поздние годы: по сообщению Е.П. Пешковой, М. Горький посетил музей, когда жил в Тесели в последние годы своей жизни» [3].

Очерк достаточно редко переиздается. Он занимает 12 страниц текста в собрании сочинений М. Горького.

Писатель демонстрирует огромную эрудицию, знание истории Византии (судьба сосланного в Херсонес императора Юстиниана II), её культуры, археологии, нумизматики.

Прекрасно начало очерка: «На утесе, омываемом беспокойными волнами Понта, лежат груды камня, зияют глубокие ямы и возвышается полуразрушенная стена, массивностью своей напоминающая постройки мифических циклопов, - вот все, что осталось от Херсонеса Таврического – города, в который по словам Страбона, «многие цари посылали детей своих ради воспитания духа и в котором риторы и мудрецы всегда были почетными гостями».

Он сочувствует городу: «Смотришь на унылую картину разрушения, и кажется, что громадный смерч с моря гигантским прыжком кинулся на утес и сравнял с землей большой и богатый город, гордо возвышавшийся над коварно-ласковыми волнами моря. Простран-

ство в восемь верст окружностью все изъязвлено глубокими ямами, засыпано мелко раздробленным щебнем, пустынно, уныло и мертво. Веет грустью кладбища ... все только ямы и груды камня. Царит тишина, а издали, снизу, доносится говор волн, немолчные голоса моря, которое видело славу города и постепенное падение его».

М. Горький сокрушается, что многие квадратные метры недоступны для науки, так как заняты постройками монастыря 1850 г. «В плохоньком сарайчике» тогда были расположены некоторые найденные артефакты, а самые ценные отправлены в Эрмитаж ... Кроме того, жители Севастополя брали камень для своих построек...»

«Херсонес Таврический, - подчеркивает М. Горький, - был одним из ярких цветков греческой культуры, и нужно видеть находящиеся в музее медалионы, статуи, обломки колонн, капители, посуду из глины, изумительно тонко сделанную и поражающую легкостью ... Город имел громадные виноградники – ныне вокруг него расстилаются пустынные поля, густо усеянные камнем».

Писатель изучил историю города и щедро делился с нами. «Херсониты – переселенцы из малоазийского огорода Ираклии Понтийской (Об Ираклии см. у Геродота «Жизнеописание Солона»). Они явились в Таврию в конце седьмого века до Р.Х. и основали здесь Херсонес сначала в семи верстах от Севастополя, на мысе, около нынешнего Гергиевского монастыря. Будучи, как древние греки, предприимчивыми и трудолюбивыми, они скоро развили высокую культуру, и вместе с тем богатство их послужило для диких тавров соблазнительной приманкой. Набеги этих дикарей заставили ираклийцев переселиться на новое место, и они основали новый Херсонес в двух верстах от Севастополя»...

В январе-мае 1897 г. писатель жил в Крыму. По просьбе литературоведа и библиографа С.А. Венгерова он создал «Автобиографию». В рукописи есть авторская пометка: «Крым, Алупка, д. Хаджи-Мустафа».

Так богатый своей историей и архитектурой Херсонес изучался и продолжает изучаться...

Литература

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Большая Российская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. Т. 16.
3. Горький М. Собрание сочинений в 30 т. Статьи (1895 – 1906). М.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1953. Т. 23.

Сардановская О.С.

К ВОПРОСУ О ДУХОВНОМ ЕДИНСТВЕ И ЦЕННОСТНЫХ КОНФЛИКТАХ В РОССИИ

Аннотация. Российское государство, остро нуждающееся в социальном единстве перед лицом внешних угроз, встало перед вопросом обретения духовного единения, достижение которого осложняется существующими ценностными конфликтами.

Ключевые слова: православие, конфликт ценностей, духовное единство, внешние угрозы, социальная напряженность.

Sardanovskaya O.S.

TO THE QUESTION OF SPIRITUAL UNITY AND VALUES CONFLICTS IN RUSSIA

Abstract. The Russian government is in dire need of social unity in the face of external threats, were faced with a question of spiritual unity, the achievement of which is complicated by the existing value conflicts.

Keywords: Orthodox Christianity, value conflicts, spiritual unity, external threats, social tension.

В условиях международной нестабильности и сложной многовариантной внешней динамики сегодня в Российской Федерации наблюдается внутренняя социальная напряженность. Она проявляется в конфликтах ценностей людей как внутри одного поколения, так и между поколениями. Одним из вопросов, стоящих во главе угла, является отношение населения к православию.

Многолетняя история православия, которая восходит к 1 в. н.э., охватила великое множество событий, делающих одних людей более твердыми в своей вере, а других – все далее отступающими от неё.

Конец X в., принеший православие на Русь, во многом определил дальнейшую судьбу нашего государства. Разрозненность, существовавшая между княжествами, сменялась единством. Принятие славянскими народами христианских ценностей способствовало прогрессивному развитию государства, теперь сплоченного перед лицом внешних угроз и внутренних неурядиц. Дальнейший путь сформированной святой Руси продолжался уже на стезях монархического государства.

Долгое время православие занимало непоколебимые позиции основной религии, однако, они претерпели изменения в сторону ухудшения с приходом XX в. В период событий 1917 г., последовавшей гражданской войны, а также в годы социализма насильственно культивируемый атеизм стал главенствующим среди гражданского населения. Именно этот процесс определил дальнейшее отношение к православию в нашей стране.

В ходе «перестройки» прохладное отношение к религии получило новый импульс. Обретя независимость, бывшие советские республики вынуждены были в первую очередь заниматься строительством своей государственности, и поэтому по-разному отнеслись к религии. Ценности материализма, привитые коммунизмом, отходили на второй план, а то и полностью нивелировались. В 1990-е и 2000-е гг., когда люди, брошенные государством, были предоставлены сами себе, они вновь обратились к прежде ценимой религии. Постепенно общество приходило к осознанию своей духовной потери и вновь тянулось к церкви.

Православие как основное вероучение населения страны начало приобретать важность как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Однако это также стало причиной появления новых конфликтов в сфере духовности и социальной среды. Поколение, воспитанное в условиях атеизма, не было способно одновременно вернуться к религиозности и передать своим детям почитание к вероисповеданию предков. Это определило нежелание молодежи изучать догматику православия и его историю. Недостаток необходимых знаний перекрывался поверхностными оценками, почерпнутыми из различных и не всегда достоверных медиаресурсов. Отдельные события, где монахи и священнослужители поступали в разрез с обязанностями своего сана, воспринимались, как поводы для неприятия православия.

Одновременно с этими процессами у другой части общества был замечен рост патриотизма, основанный на возвращении к консервативным ценностям, включающим в себя первостепенность православия в жизни каждого гражданина. Так наметился первый конфликт ценностей разных групп российского населения. Его катализатором стали такие вопросы, как: преподавание основ православной культуры в общеобразовательных учебных заведениях, обсуждение вопроса о запрете аборт и передаче РПЦ Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Дискуссии по этим вопросам вызвали широкий резонанс в обществе и породили споры и обсуждения в СМИ, социальных сетях и прочих интернет-источниках.

Ситуацию подогревали вызовы православию, возникшие в международном сообществе. Так, с 2007 г. в Украине обострились дискуссии об отделении Украинской Православной Церкви от РПЦ и создании поместной церкви. Евроймайдан 2013-2014 г. и продолжающаяся с тех пор война на Донбассе только обострила этот вопрос.

Таким образом, российское государство, сегодня остро нуждающееся в социальном единстве перед лицом внешних угроз, встало перед вопросом обретения духовного единения. Последнее, в первую очередь, осложняется существующими ценностными конфликтами.

Свешникова И.П.

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Данная работа на основе социокультурного анализа общественных систем анализирует механизмы самоорганизации гражданского общества в России в условиях влияния Православной Церкви с использованием элементов социальной организации соборного типа.

Ключевые слова: Православная культура, гражданское общество, соборная структура общества, духовное здоровье.

Sveshnikova I.P.

ORTHODOX CULTURE AS A CIVIL SOCIETY SELF- ORGANIZATION FACTOR

Abstract. This work based on socio-cultural analysis of social systems investigates the mechanisms of civil society self-organization in Russia under the influence of the Orthodox Church with elements of social organization such as the conciliar type.

Keywords: Orthodox culture, civil society, conciliar structure of society, spiritual health.

С точки зрения системного подхода общество в целом можно охарактеризовать как сложноорганизованную саморазвивающуюся, открытую социальную систему, включающую в себя отдельных индивидов и социальные общности. Общности объединяются оперативными, согласованными связями и процессами самоструктурирования, саморегуляции и самовоспроизведения. Социологическая парадигма

Э. Д. Дюркгейма представляет общество как саморегулирующийся организм, обладающий структурой и выполняющий определенные функции. По его представлениям, основой бытия общества является социальная реальность и социальные факты. К ним относятся и формы общественного бытия; коллективные представления, являющиеся сущностью морали, религии, права. В них сосредотачивается коллективная энергия и коллективное действие. Дюркгейм считал религию наиболее фундаментальным социальным институтом человечества, породившим все остальные социальные формы; «религия дала жизнь всему существенному в обществе». Дюркгейм считал, что религия постепенно утрачивала своё значение, поскольку её вытесняли наука и культ индивида [1]. Общий вывод его книги состоит в том, что религия – явление главным образом социальное. Данное положение может характеризовать и в становлении славяно-русского социокультурного типа (по Н.Я. Данилевскому).

Вероятно, именно в этом и заключаются истоки формирования духовного и социального здоровья человека. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней и физических аномалий» (Устав ВОЗ, 1946 г.). Многими представителями науки, философии, богословия и культуры это определение дополнено понятиями духовного, интеллектуального, репродуктивного, творческого видов здоровья. Сегодня разворачивается ряд научно-исследовательских программ, направленных на изучение духовного и социального здоровья человека и трансформацию общественных систем [5].

В определениях, отражающих природу гражданского общества, которая отличает его от государства, представлено понимание гражданского общества либо как совокупности неполитических отношений (экономических, духовно-нравственных и др.), либо как совокупности неполитических и политических отношений. В структуру гражданского общества входят: экономика (собственность, свободный труд, предпринимательство); общественные объединения; культура; семья (род); средства массовой информации и т.д.

Гражданское общество представляет собой неотъемлемую часть современного социума. Формирование гражданского общества в каждой стране происходит в специфичных культурно-исторических и социально-экономических условиях, и некоторым образом уникально. Граждане объединяются на основе сходных ценностей, идеологических предпочтений и социокультурных целей, как под действием внутренней самоорганизации, так и под внешним влиянием [2].

Политическим институтом гражданского общества являются объединенные в неправительственные, некоммерческие, независимые организации гражданские группы (ассоциации граждан). Существенным недостатком в работе общественных организаций и объединений России является то, что между гражданскими формированиями ещё не наблюдается устойчивой, системной и организованной связи, которая необходима для создания силы, способной повлиять на власть. Только в малых социальных образованиях современный человек находит то, чего не дает ему «большое» сообщество, находит понимание и сочувствие, солидарность и надежду на справедливость, ибо все эти социальные характеристики имеют не абстрактный, а вполне конкретный характер. Открытость этих образований обуславливает непосредственное участие людей в самоуправлении, реализуя самооценку человека, его свободу и независимость [3].

С.Г. Кара-Мурза образно обозначил проблемы становления гражданского общества в России: «Конечно, приходится признать, что понятия обществоведения мы приняли от Запада, придется ими пользоваться – надо и ЕГЭ сдавать, и экзамены в вузе. Но никто не запретит нам знать их главный смысл, а не политкорректную шелуху. Нам действительно необходимо общество, способное к самоорганизации, – истинное общество граждан, а не Республика собственников, она и так сидит у нас на шее» [4].

Процесс становления гражданского общества в России и общая характеристика институтов на современном этапе развития подробно рассмотрен в монографии Н.А. Колесниковой и Е.Л. Рябовой «Гражданское общество в современной России». Авторы, используя системный подход, выделяют несколько подсистем, главные из которых: экономическая, политическая, социальная, духовная подсистемы [8].

Какова же связь религии, в частности православия, с гражданским обществом? С.Л. Франк говорил, что религия (вера) – это вид связи внутри гражданского общества, в формировании которой государство мало, чем может помочь. Поэтому православная церковь полагает, что гражданское общество создается не на социально-политических, а духовно-нравственных объединяющих началах. Именно это происходит в России, задумавшейся о проблеме становления гражданского общества относительно недавно. В условиях глубокого интереса в России к религии и к Православию в частности, церковь получила уникальную возможность внести свою лепту в дело становления российского гражданского общества [9].

Как же происходит самоорганизация гражданского общества в России сегодня в условиях возрастающего влияния Православной

культуры? По мнению автора, это происходит в малых социальных группах по мере повышения уровня духовного и социального здоровья их членов.

Протоиерей Сергей Булгаков в своей работе «Два первоапостола» подробно описывает «двоицы», «троицы», «двенадцать Апостолов» как первичные элементы, ячейки сообщества соборного типа [7]. Эти модели – пример взаимоотношений в малых социальных группах. Когда руководителю общественной организации удастся выстраивание отношений в коллективе в соответствии с данными моделями по законам «пространства любви», включаются механизмы самоорганизации структуры и деятельности позитивного созидательного характера. Затем возникает сотрудничество с другими подобными деятелями и институтами.

В 1990-е гг. подобную научную школу с широким привлечением общественности удалось создать доктору философских наук, доктору медицинских наук, профессору Виктору Порфирьевичу Петленко. Он стал одним из создателей отечественной санологии и валеологии [6]. К большому сожалению, проектные процессы развития России тех лет быстро разрушили эту школу. Видимо, условия для успешности подобных научных направлений только начинают формироваться. В настоящее время можно увидеть как часть российского общества, испытывающая влияние Православной культуры, трансформируется в направлении вектора соборности, приобретает в этом особый тип пассионарности, в отличие от вектора линейного демократического либерального транзита. Будем надеяться, что именно этот процесс ляжет в основу будущего России и построения новой цивилизации.

Литература

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460701/> (дата обращения: 22.02. 2017).
2. Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. 150 с.
3. Гражданское общество: истоки и современность / ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 3-е изд. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 495 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Общество граждан. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2013/8/27/647338.html> (дата обращения: 22.02. 2017).
5. Свешникова И.П., Савченко В.М. Здоровье и духовность. Программа формирования духовного здоровья // Актуальные вопросы курортологии, физиотерапии и медицинской реабилитации: труды КРУ «НИИ им. И.М. Сеченова». Ялта, 2014. С. 101-104.

6. Петленко В.П., Шамов И.А. Мудрость взаимности. Л.: Лениздат, 1989. 222 с.
7. Булгаков С., протоиерей. Два первоапостола. Минск: Лучи Софии, 1996. 96 с.
8. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в современной России. М.: Междунар. изд. центр «Этносоциум», 2016. 266 с.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 92 с.

Сенюшкин Е.А.

РИСКИ И ВЫЗОВЫ КАК КАТЕГОРИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В условиях нестабильности мировой политической системы возрастает актуальность изучения рисков и вызовов, с которыми сталкивается многоэтническое и поликонфессиональное общество. Особенно актуальным данное направление представляется для российской этнополитологии, которая находится в процессе своего академического становления. В статье рассматривается терминологическая и концептуальная взаимосвязь таких понятий как риски и вызовы.

Ключевые слова: этнополитические исследования, риски, вызовы, угрозы, безопасность.

Senyushkin E. A.

RISKS AND CHALLENGES AS CATEGORIES OF ETHNOPOLITICAL STUDIES

Abstract. In conditions of instability of the world political system increases the relevance of studying the risks and challenges faced by multi-ethnic and multi-religious society. Particularly relevant this trend seems to be for Russian ethnopiltical studies, which is in the process of their academic development. The article examines the terminological and conceptual relationship of such concepts as risks and challenges.

Keywords: ethnopolitical studies, risks, challenges, threats, security.

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации пространство этнополитических и международных рисков и вызовов как для России в целом, так и для Крыма в частности, существенно ви-

доизменилось. Этнополитические риски и вызовы в современных условиях переплетаются с геополитическими, экономическими, культурными, социальными, демографическими и другими видами рисков, вызовов и угроз, перед которыми оказалось наше общество.

Наряду с этим, в современных исследованиях на эту тему такие термины как риски и вызовы часто используются как синонимы. Анализ литературы показывает, что многие исследователи не видят между ними особой разницы. В связи с этим актуализируются научные поиски, которые призваны прояснить содержание таких понятий как риски и вызовы в системе терминологического наполнения категориального каркаса этнополитических исследований.

Понятия *«риск»* и *«вызов»* тесным образом связаны с таким термином как *«угроза»*. Наиболее полно эти понятия раскрыты в академических исследованиях, связанных с изучением национальной безопасности. Результатом этих теоретических разработок стала фиксация терминов в стратегических документах, имеющих государственное значение. В частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации *угроза* национальной безопасности рассматривается как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам». В свою очередь, *национальные интересы* Российской Федерации определяются в стратегии как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищённости и устойчивого развития» [1]. Таким образом, авторы стратегии преодолевают спор сторонников *«мягкой»* и *«жесткой»* безопасности, концептуально наполняя понятие национальных интересов не только общественным и государственным, но и индивидуальным контекстом. Более того, потребности личности в этом варианте определения национальных интересов ставятся на первое место, а затем уже идут потребности общества и государства.

В целом, анализ подобных терминологических тонкостей, представленных в стратегических документах, представляется нам достаточно интересным, так как отражает изменения в приоритетах правящей элиты, которая и формулирует политическую повестку дня для общества и государства. Если эта повестка соответствует коллективным и индивидуальным и ценностям, государство, человек и общество синхронизируют свою деятельность для достижения целей общественного развития. В противоположном случае в обществе зарождаются и развиваются конфликтные тенденции, которые находят свое специфическое преломление на уровне конкуренции политических элит и могут быть использованы внешними акторами для достижения своих

собственных целей в ущерб национальным интересам. Особенно остро такие конфликты протекают в многоэтнических и поликонфессиональных сообществах, для которых характерны особые типы рисков и угроз.

Положения, зафиксированные в стратегических документах, находят свое отражение в академической литературе. В частности, раскрытие содержания интересующих нас терминов содержится в работах таких авторов, как В.Ф. Ницевич, В.Л.Манилов, М.И.Дзлиев и др. К примеру, В.Ф.Ницевич рассматривает взаимосвязь понятий вызов, риск, угроза и опасность с точки зрения возрастания вероятности ущерба объекту [2]. По мнению В.Л.Манилова и М.И.Дзлиева, риск – это существование или возможность возникновения ситуации, при которой формируются предпосылки (накапливается потенциал) противодействия реализации национальных ценностей, интересов и целей обеспечения национальной безопасности.

Вызов рассматривается этими авторами как противодействие реализации национальных ценностей, интересов и целей решению задач обеспечения национальной безопасности в форме официальных и неофициальных политико-дипломатических действий, торгово-экономической экспансии и пр. [3, 4].

В целом, в исследованиях на эту тему доминирует подход, в соответствии с которым виды опасности классифицируются в зависимости от степени вероятности их осуществления, что позволяет на практике лучше осознавать, как им противодействовать.

Рассуждая в этом направлении, А.Н.Михайленко и С.В.Груздов считают, что виды опасности можно было бы классифицировать при помощи таких понятий как вызовы, риски и угрозы как соответственно низкую, среднюю и высокую вероятность нанесения ущерба [5, с. 59].

Описанный выше количественный подход, на наш взгляд, недостаточен и данные термины требуют определения качественных и смысловых различий между ними. Эта задача осложняется отсутствием четких критериев для определения различий между этими терминами.

Применительно к исследованию этнополитических рисков и вызовов данная проблема преломляется через все имеющиеся на сегодня терминологические споры, ведущиеся вокруг предмета этнополитического исследования.

Как показывает обзор литературы, главной теоретической проблемой, связанной с эффективным управлением этнополитическими рисками, можно считать отсутствие основательной методологической базы. Это связано с тем, что в данном направлении пока ещё не разра-

ботана методология, позволяющая говорить о системном видении проблемы.

В самом общем смысле понятие «этнополитический риск» может быть интерпретировано как возможная опасность в этнополитической сфере. Этнополитические риски связаны с возможными опасными проявлениями этнического фактора. В данном случае опасность может исходить от мобилизованного радикализирующегося этноса, отстаивающего свои специфические этнические или этноконфессиональные цели и интересы. В свою очередь, радикализирующийся этнос может представлять опасность для государства и граждан, не принадлежащих к данному этносу. Таким образом, проблематика, связанная с этнополитическими рисками, имеет тройное измерение: риски конкретного гражданина, риски общества и государства, и риски этнической группы [6, с. 122]. С точки зрения конкретного человека или этнической группы риски связаны с ущемлением или нарушением основных прав, как индивидуальных, так и коллективных. С точки зрения общества и государства риски связаны с возможными препятствиями или опасностями для достижения национальных интересов, которые, в свою очередь, также наполнены и индивидуальным содержанием.

Так как этнополитический фактор тесно связан с религиозными, демографическими, геополитическими, социально-психологическими и другими процессами, изучение этнополитических рисков целесообразно исследовать в контексте их взаимосвязи с вызовами и угрозами.

Подводя итог сказанному, отметим, что в данной статье мы сосредоточили внимание на постановке проблемы, имеющей, на наш взгляд, важное значение для дальнейшего концептуального осмысления диалектики рисков и вызовов и их связи с национальными интересами. Более детальную проработку теоретического наполнения рассмотренных выше категорий целесообразно отнести к разряду перспективных направлений для дальнейших этнополитических исследований.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 [электронный ресурс] <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnot-site-dok.html>
2. Ницевич В.Ф. Геополитика и национальная безопасность. М.: МГОУ, 2009.
3. Дзалиев М.И., Потрубач Н.Н. Основы обеспечения безопасности жизнедеятельности. М., 1996.

4. Манилов В.Л. Угрозы национальной безопасности в России // Военная мысль. 1996. № 1. С. 7-17.

5. Михайленко А., Груздов С. Понятия угрозы и вызова национальной безопасности. На примере вступления России в ВТО // Обозреватель - Observer. 2011. № 2. С. 57- 63.

6. Сеньюшкин Е.А. Методологические основания управления этнополитическими рисками // Общество и этнополитика : материалы междунауч.-практ. конф., г. Новосибирск, 24-26 сентября 2015 г. : в 3 ч. / РАНХиГС, Сиб. Ин-т упр.; под науч. Л.В.Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. Ч. 2. С. 121-126.

Сеньюшкина М.А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности исторического времени в 2017 г., которое отражает столетний этап становления нового мира в сознании и быту российского общества. Показана роль и значение теории относительности в оценке исторических событий в России в прошедшем столетии. Пространство, сила и время действуют в единстве взаимосвязей и позволяют дать объективную оценку явлений общественной жизни, способствуют формированию общественного сознания.

Ключевые слова: историческая память, коллективное сознание, российское общество, формирование, фактор.

Senyushkina M.A.

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR OF FORMATION OF THE COLLECTIVE CONSCIOUSNESS

Abstract. The article discusses the features of historical time in the 2017, which reflects a centennial stage in the formation of the new world in the consciousness and life of the Russian community. There is shown the role and importance of the theory of relativity in the assessment of historical events in Russia in the past century. The paper notes that the space, power and time act in the unity of relations and allow to make an objective assessment of the phenomena in public life and contribute to the formation of public consciousness.

Keywords: historical memory, collective consciousness, Russian society, formation, factor.

В условиях современного развития гражданского общества активизировались элементы восприятия в народной памяти прошлых событий, прошлых свершений и гражданских потрясений, вызванных особенностями развития идеологии и практик построения жизненного пространства граждан. В этой связи нужно отметить, что встреча 2017 г. воспринята людьми разных возрастов и сословий общества различным образом. Поэтому я хочу обратиться к опыту жизни народа прошлого века, то есть к периоду становления общественного мировоззрения. Нужно отметить, что настает новый век, рождаются другие времена.

2017 г. – особый год в исторической памяти. Это, прежде всего, связано с тем, что этот год представляет завершение 100-летия новейшей стадии развития России. Этот год вошел в историю сменой общественной формации, то есть завершением опыта государственного устройства, основанного на трехсотлетней династии Романовых. В этой связи в статье поставлены задачи по изучению опыта общественного развития в прошлом столетии, то есть в 1917–2017 гг. и формирования коллективного сознания гражданского общества.

Обращение к опыту общественного развития показывает, что все процессы совершаются в ходе развития общественных отношений, в них просматриваются определенные закономерности, имеющие объективный характер проявления. Нужно признать, что события совершаются не стихийно, а под влиянием определенной закономерности, обусловленные взаимодействием пространства, силы и времени. То есть действует в системе общественных отношений теория относительности, открытая известным физиком А. Эйнштейном [1, с. 727].

Нужно отметить, что теория относительности, обоснованная А. Эйнштейном, имеет материальный характер проявления в условиях протекающих физических явлений и процессов, которые имеют место при возникновении явлений во время действующих процессов в конкретном пространстве, с учетом конкретного действия времени. На этой основе выведена теория относительности пространства и времени. В этой связи возникает необходимость научного обоснования проявления теории относительности и в системе общественных отношений, обусловленных проявлением коллективного сознания в восприятии исторических событий различными поколениями гражданского общества.

Действует ли теория относительности в системе общественных отношений? На этот вопрос можно ответить – да. Мир представлен потоком материальных веществ в природе и в системе жизнедеятельности людей. Поэтому пространство имеет не только геометрический характер проявления, обусловленный границами действия пространства в показателях длины, ширины, высоты и т.п. Пространство имеет более широкое отражение в системе обоснования жизненного процесса во времени. Поэтому пространство в системе общественных отношений надо рассматривать в качестве зоны действия общественных процессов и явлений.

Например, конституция государства имеет зону действия на территории государства и в сфере пространства отношений внутри государства. Право на образование охватывает право образовательной деятельности, то есть становление образовательной сети – школы всеобщая, специального и профессионального образования и т.п. Время также проявляется в системе образовательной деятельности на основе установления длительности учебного процесса по фазам и структуре образовательной деятельности. Следовательно, пространство и время выступают в единстве, так как они неразделимы. Но в условиях проявления теории относительности в системе общественных отношений, нужно отметить и проявление силы действия.

Сила понимается как мощность, активность проявления процессов в пространстве и их времени проявления. Например, массовая акция проявления сопротивления гражданского сообщества в условиях конкретного пространства и времени, то есть территории, субъектов предпринимательской деятельности и тому подобное. Следовательно, в качестве силы выступают: число участников акции, требования, предъявляемые акцией протеста, потери рабочего времени и другие факторы, характеризующие силу проявления акции в условиях пространства и времени проведения акции, то есть с момента начала и до завершения акции. Следовательно, теория относительности пространства, силы и времени характерна и для системы общественных отношений. В этой связи возникает необходимость объяснения протекающих событий в современных условиях именно с позиции теории относительности, а именно, пространства, силы и времени.

События, совершившиеся в 1917 г., обусловлены естественными процессами возникновения острых противоречий в мировом сообществе, а именно началом военных действий против России в 1914 г., вошедших в историю как Первая мировая война. Первая мировая война, вызванная обострением противоречий в мировой капиталистической системе, обусловлена развитием тенденций противостояния меж-

ду странами, обладающими колониями в Азии, Африке, такими как Великобритания, Франция и др., и странами, не владеющими на достаточном уровне колониями, как Германия, Япония, Италия и др. Обострение противоречий между отдельными странами по освоению мирового пространства вызвало возникновение конкретных конфликтов на мировом уровне. В условиях углубления противоречий в экономической сфере проявилась активная ситуация в развитии революционных событий в 1917 году в России, которые завершились победой рабочего класса путём установления власти Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Таким образом, произошли изменения в пространстве России на основе силовых проявлений угнетенных народов, отживающей капиталистической системы, и установления нового пространства в политической системе России. Теория относительности пространства и времени имеет поступательный характер проявления. Этому свидетельствуют события в России, произошедшие в конце 80-х годов XX века. Снова проявились обострения противоречий в построении социалистического общества. Они обусловлены опережением темпов роста в производстве средств производства (машин, станков, оборудования и других видов техники) над темпами роста товаров народного потребления. В результате неравномерности роста оплаты труда и темпов роста производства товаров народного потребления произошли изменения в экономической и политической системах России, и эти явления привели к необходимости перехода к рыночным механизмам регулирования экономики. Возникла необходимость перехода к новым условиям жизни гражданского общества. То есть произошел возврат к функционированию рыночной экономики, а это способствовало проявлению теории относительности – пространства и времени. Иными словами, произошло примирение сторон классового конфликта прошлого этапа развития истории.

Проведенное исследование показало, что пространство, сила, время представлены теорией относительности. Пространство, сила и время действуют в единстве, они неразделимы. Пространство показывает зону действия общественных явлений. Мощность выражает силу действия общественных явлений, а время указывает на продолжительность конкретных событий в общественной жизни гражданского общества.

Таким образом, историческая память проявляется в поколениях, которые в свое время испытали определенные сложности в социально-экономическом развитии гражданского общества и отражают особенности коллективного сознания. Поэтому нужно стремиться к развитию

гуманизма в системе общественных отношений, использовать научные методы в управлении политическими, социальными и экономическими процессами. Противоречия в общественной системе являются двигателями механизмов общественного регулирования экономики, регулирования отношений в гражданском обществе. Познавание противоречий в обществе способствует поиску механизмов и критериев оценки сложившейся ситуации и устранения причин, вызвавших осложнения в жизнедеятельности пространства в конкретном времени. Поэтому познание теории относительности показывает, что она действует и в системе общественных отношений. Методы теории относительности могут быть обоснованы использованием математического аппарата. Например, уровень рентабельности продукции в разных отраслях экономики укажет на действие теории относительности – пространства, силы и времени. Они совместимы между собой и неразделимы, так как указывают на пространство, силу и время проявления в системе общественных отношений и отражают особенности коллективного сознания поколения соответствующего времени.

Литература

1. Эйнштейн Альберт // Малая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, Т. 10.

Сенюшкина Т.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭПОХИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А.С.ПАНАРИНА

Аннотация. В статье на примере творческой биографии известного российского политолога А.С.Панарина анализируется феномен социальной эпохи.

Ключевые слова: социальная эпоха, жизненное пространство, А.С.Панарин, российская политология, СССР, перестройка.

Senyushkina T. A.

SOCIAL EPOCHES IN THE A. S. PANARIN'S LIFE AND CREATIVE BIOGRAPHY

Abstract. The phenomenon of a social epoch on the example of the creative biography of the famous Russian political scientist A. S. Panarin is analyzes in the article.

Keywords: social epoch, living space, A. S. Panarin, Russian political science, USSR, perestroika.

В современных исследованиях, посвященных теме соотношения политического пространства и социального времени, особое значение приобретает анализ особенностей различных эпох становления человеческого общества.

Эпоха в переводе с греческого означает «остановка». Понятием «эпоха» оперируют сегодня различные естественные и гуманитарные науки. В самом общем смысле этот термин применяется для описания определённого периода времени, для которого характерны важные отличительные черты. К примеру, в астрономии эпоха означает момент времени, для которого даётся значение каких-либо величин, меняющихся со временем и определяющих положение небесного светила или ориентировку координатной системы. В этом смысле «эпоха звездного каталога» – это момент, для которого даны положения звезд в данном каталоге.

В геологии эпоха означает промежуток времени, в течение которого образовались все горные породы, составляющие геологический отдел. Существует хорошо известное специальное геологическое летоисчисление. Широко применяется понятие «историческая эпоха», которое используется как единица периодизации исторического процесса, в котором выделяются качественно отличающиеся периоды развития человечества [1].

Термин «социальная эпоха» встречается гораздо реже. К примеру, поиск научных публикаций, в которых используется данный термин, на ресурсе Google, не даёт ожидаемого результата и показывает выборочно лишь некоторые литературные статьи, в которых используется данный термин [2].

На наш взгляд, термин «социальная эпоха» обладает очевидным эвристическим потенциалом и его можно использовать для осмысления переломных исторических моментов через призму конкретного социального измерения, как в индивидуальном, так и в коллективном жизненном пространстве и времени.

Несмотря на кажущуюся простоту данного академического дискурса, использование понятия социальная эпоха в различных философских традициях порождает ряд новых вопросов. К примеру, в контексте феноменологического подхода к изучению проблемы жизненного мира термин социальная эпоха может приобретать новую интерпретацию, раскрывая особенности личного жизненного опыта человека через призму изменений, происходящих в обществе.

В контексте сказанного выше на примере творческой биографии известного российского политолога А.С.Панарина мы проанализируем, каким образом различные события, связанные с социальными и политическими изменениями, повлияли на его мироощущение и творческое становление.

Заслуги этого ученого трудно переоценить. За разработку сценариев геополитического развития постсоветского пространства он был удостоен Почетного золотого знака «Общественное призвание» (1997), в 1999 году он был награжден Ломоносовской премией. В 2002 году за книги «Реванш истории» (1998) и «Искушение глобализмом» (2000) ему была присуждена премия А.С.Солженицына.

А.С.Панарин стоял у истоков российской политологии как самостоятельной научной дисциплины, ему принадлежит огромный концептуальный вклад в ее развитие. Он опубликовал около 300 научных работ, в том числе 14 монографий и 8 учебников.

Рассмотрим основные вехи его творческой биографии. Александр Сергеевич Панарин родился 26 декабря 1940 года в городе Горловка Донецкой области. Его детство и ранняя юность прошли в Донбассе [3]. Раннее детство А.С.Панарина пришлось на годы Великой Отечественной Войны. Отец ушел на фронт добровольцем в 1941 году, служил в авиации, имел боевые награды и был несколько раз ранен. Мать с сыном и ближайшими родственниками оказалась на оккупированной немцами территории.

На смену военной эпохе пришли послевоенные годы, связанные с яркими детскими впечатлениями, которые, по мнению Н.Н.Зарубиной, наложили глубокий отпечаток на формирование личности, творческое кредо и убеждения Александра Сергеевича [3, с. 23]. В послевоенные годы страна жила под влиянием сильного эмоционального переживания, связанного с окончанием войны. «Это были и ликование победы, чувства гордости и самоуважения возвратившихся фронтовиков, счастье и веселье после миновавших смертельных опасностей, и, самое главное – единение людей, братство, взаимная выручка, рождающие живое чувство сопричастности к народу и его истории. Александр Сергеевич говорил, - вспоминает Н.Н.Зарубина, - что из воспоминаний фронтовиков на него тогда сильное впечатление произвели не только рассказы о подвигах, но само настроение, мировоззрение этих людей – спокойная готовность принять как должное все испытания, лишения, страдания, даже саму смерть» [3, с. 24].

В 1958 году началась трудовая деятельность А.С.Панарина: по окончании 8 классов средней школы он поступил на работу учеником слесаря механического цеха на Баглейский коксо-химический завод в г.

Днепродзержинске. Одновременно он продолжал учебу в вечерней школе, после окончания которой поступил на философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. Этот сюжет из биографии А.С.Панарина демонстрирует нам одно из важных преимуществ социализма, канувшего в лету. Сегодня, когда капитализм торжествует свою победу, сложно представить, что молодой человек с подобным социальным и материальным статусом смог бы поступить в МГУ. Не говоря уже о том, что при социализме система образования была бесплатной и доступной для молодых людей, которые стремились к получению хорошего образования. В 2000-х годах, когда началась подготовка реформы системы образования, Александр Сергеевич с горечью говорил о том, что в результате этих нововведений одаренные мальчики из глубокой провинции, скорее всего, уже не смогут поступать в ведущие вузы страны [3, с. 26].

В университете А.С.Панарин был страстно увлечён учёбой, с большим интересом изучал классические философские тексты. В результате вдумчивого изучения работ Маркса, он обнаружил, что реальное состояние советского общества не соответствует «подлинному Марксу». Александр Сергеевич не стал скрывать своих критических размышлений, за которые и поплатился исключением из состава студентов философского факультета МГУ «по идеологическим соображениям». В его жизни началась новая эпоха, связанная с тяжелейшим испытанием и огромной трагедией.

Летом 1963 года Александр Панарин вернулся домой, в Донбасс и приступил к работе на строительстве шахты. Из «книжного» мальчика, погруженного в идеальный мир литературы и философии, он быстро превратился в зрелого человека. Затем он работал учителем истории и обществоведения в техникуме и получил возможность восстановиться на заочном отделении философского факультета МГУ, который закончил в 1966 году, защитив диплом под руководством известного советского философа В.Ф.Асмуса.

По окончании философского факультета А.С.Панарин преподавал философию в Институте народного хозяйства им. Г.В.Плеханова, поступил в аспирантуру и практически за год подготовил кандидатскую диссертацию, которую смог защитить только в 1974 году из-за клейма диссидента, которое висело над ним все годы вплоть до распада СССР. В результате двадцать лет после окончания МГУ он был отлучен от науки, оставался вне философского сообщества и работал «в стол» [3, с. 29]. Исключение составляли реферативные сборники ИНИОН АН СССР, где он имел возможность время от времени публиковать свои обзоры работ французских социологов-теоретиков.

Александр Сергеевич вспоминал, что период после окончания МГУ и до начала перестройки в середине 80-х годов был для него одним из самых тяжелых: он очень много работал, написал десятки статей, монографий, эссе, но не имел возможности их опубликовать. Он не мог преподавать и общаться на уровне, соответствующем его квалификации. Накапливалось ощущение нереализованности [3, с. 29]. Двадцатилетняя эпоха вынужденного молчания закончилась для него с началом перестройки.

В 1984 году он перешел на работу в Институт философии РАН, в сектор социальной философии, который возглавлял до самой кончины. В 1991 году А.С.Панарин защитил докторскую диссертацию на тему «Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма». В 1996 году он был приглашен на работу на философский факультет МГУ, в качестве заведующего кафедрой теоретической политологии. В этот период он много пишет, публикуется, ведет активную научную деятельность.

А.С.Панарин подчёркивал, что современное общество следует оценивать по его собственным критериям - критериям успеха. Если не только для большинства населения, но и для интеллектуальной элиты, новейшие практики оборачиваются систематическим неуспехом и провалами в варварство, то модерн теряет основания своей социальной и культурной легитимации: «Модерн легитимирован социально и духовно до тех пор, пока эмансипация выступает как способ социальной мобилизации, а не демобилизации, пока в итоге модернизации выигрывают лучшие элементы социума – наиболее квалифицированные, образованные, добросовестные» [4, с. 62]. По мнению Панарина, «модерн явно представляет игру на понижение. Его декадентски запоздалая форма, явленная в России после развала тоталитарной системы, порождает не активистов созидания, а активистов разрушения, разложения и растрепывания» [4, с. 62].

Для выхода из сложившейся ситуации, крутого поворота обществу необходима «энергия инверсионного взрыва». Поэтому свой прогноз А.С.Панарин обосновал при помощи методологии «инверсионного парадокса: там, где общество и культура подходят к самому краю, прогнозирование должно строиться не на экстраполяции сложившихся тенденций, а на анализе возможных контртенденций» [4, с. 62]. Эта идея получила развитие в книге А.С.Панарина «Глобальное политическое прогнозирование» [5]. Одна из глав этого фундаментального труда посвящена анализу контртенденций XXI века. В главе рассматриваются вызовы либерализма и реакции культуры и политики, «противоядие» от конфликта цивилизаций, континентальная альтернатива

виртуальному миру и общее информационное накопление как континентальный принцип [5, с. 211-281].

Александр Сергеевич Панарин скончался 25 сентября 2003 года после тяжелой болезни. Осознавая своё положение, он все же рассчитывал довести до конца задуманную в последние месяцы жизни работу – учебник по истории философии «Духовные катастрофы нашей эпохи на языке современного философского знания». Современные философские школы он хотел представить в виде конкурса интеллектуальных проектов, освещающих возможности выхода из современного кризиса. Однако этот замысел он не успел реализовать, написав лишь введение и методологическую преамбулу, которую он назвал «Пушкинской парадигмой», детально продумав содержание книги [3, с. 35].

К сожалению, А.С.Панарин очень рано ушёл из жизни. Он был одним из самых ярких мыслителей современной России. Его идеи содержат необычайный эвристический потенциал. При этом, как подчёркивает Н.Н.Зарубина, «главным свидетельством своих заслуг Александр Сергеевич всегда считал интерес общественности к его работам, он искал признания не в формальных научных институтах, а у мыслящего современника, к которому всегда обращался» [3, с. 36].

Поэтому очень важно, чтобы сегодня критически мыслящие исследователи подключились к творческому развитию идей А.С.Панарина. Хотелось бы, чтобы конкурс интеллектуальных проектов, о котором мечтал Александр Сергеевич, состоялся. Этот конкурс мог бы быть первым шагом к выходу из кризиса современного общества, о котором так много размышлял Панарин.

Литература

1. Новая философская энциклопедия / Под ред Стёпина В.С. в 4 т. М: Мысль, 2001.
2. «Социальная эпоха» в русской литературе 1850-1860-х годов [Электронный ресурс]: [http:// www.lit-helper.com](http://www.lit-helper.com)
3. Зарубина Н.Н. Биография Александра Сергеевича Панарина // Первые Панаринские чтения: Культурное наследие как основа национальной идентичности (27 мая 2004 г., Государственный исторический музей, Москва, Красная площадь). М.: ГАСК, 2005. С. 23-36.
4. Панарин А.С. Российская политическая культура: прогнозы на XXI век // Гражданское общество и социальные права: материалы международной научной конференции. – Симферополь, Издательский отдел КИЭХП, 1997, в 2-х кн. – Кн. 1. С. 59-68.
5. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование: учебник для вузов. – М.: Алгоритм, 2000. 352 с.

Сидоров А.А.

РОССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НИКАРАГУА. КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности политического пространства и утверждается о необходимости прироста теоретических знаний о его многоуровневой структуре, «подсвеченной» практическими сведениями в ходе реализации задач внешней политики России в Никарагуа.

Ключевые слова: Россия – Никарагуа, политическое пространство, многополярный мир, внешняя политика.

Sidorov A.A.

RUSSIA IN THE POLITICAL SPACE OF NICARAGUA. THE CULTURAL AND HUMANITARIAN ASPECT

Abstract. The article deals with the features of the political space and affirms the need for an increase in theoretical knowledge of its multi-level structure, "highlighted" by practical information in the course of implementing the objectives of Russia's foreign policy in Nicaragua.

Keywords. Russia-Nicaragua, political space, multipolar world, foreign policy.

Политической особенностью сегодняшнего глобализованного мира является усилившаяся конкурентная борьба мировых центров силы и могущественных альянсов за доминирование над отдельными национальными единицами (государствами) и в региональном масштабе, в условиях глобального театра военных действий (ТВД).

Со времён известного китайского государственного и политического деятеля Чжоу Энлая, обозначившего дипломатию как «продолжение войны другими средствами», весь цивилизованный мир активно развивал эти самые средства, зачастую добиваясь при этом высоких результатов. После распада биполярной системы мира, обусловленной дезинтеграцией социалистического блока, существенные изменения претерпели концепции и теории политического пространства. Диверсификация моделей политических режимов стран мира привела к появлению, так называемых, гибридных государственных систем, сочетающих различные принципы социализма и капитализма. История знает массу таких примеров от зарождения и развития «третьего пути Перона» в Аргентине, до успехов китайской модели управления соци-

ально-экономическим развитием страны, инициировавшей смену существующего глобального политического статус-кво. В последнем случае диалектическая связь между экономикой и политикой дала импульс к развитию китайских подходов в области географического детерминизма. При этом идея формирования нового глобального баланса сил и интересов, на основе всеобщего диалога крупнейших мировых игроков, с рабочим названием «Многополярный мир», инициирует возникновение принципиального иного политического пространства, которое по своей сути ведёт человечество к созданию модели мирного сосуществования и устойчивого развития в пику идеям классиков геополитических теорий, основной целью ставящих экономическое и политическое господство одного государства-нации.

Однако создание нового политического пространства возможно лишь после становления основных полюсов силы, которые в настоящий момент проходят этап своего цивилизационного формирования. С одной стороны, задающий темп Китай, а также обновлённая и пассионарная Россия, с другой - праволиберальные элиты, яростно хватающиеся за остатки «старого мира» в тщетных попытках восстановить прежнее положение дел. Тем не менее, сопротивление со стороны упомянутых сил всё нарастает, создавая очаги напряжённости по всему спектру наметившихся изменений. Зачастую результатами подобных действий становится дестабилизация не только целых стран, но и регионов мира. При этом активные действия ведутся как открытыми и известными методами, такими как использование военной силы блока НАТО по принуждению к принятию определенных решений или свержению политических элит, так и скрытыми средствами, среди которых использование сил специальных операций, поддержка международного терроризма, прямое психологическое воздействие на население определённых территорий, физическое устранение неудобных политических деятелей, осуществление многоуровневой пропаганды и организация «цветных» революций. Все вышеупомянутые явления были объединены в расширенное понятие «Мягкое силы», данное в журнале «Экономические стратегии» А.А.Денисовым и Е.В.Денисовой в 2014 г., которые выявили сущностное понятие известной «soft power», определив её как «конфликт, ведущийся силами и средствами, по своей сути затрудняющими или делающими невозможным выявление факта целенаправленного применения военных и невоенных средств воздействия на противника, а также идентификацию нападающей стороны» [1, с. 113].

Признаки вышеописанных спланированных специальных операций на «мягком» или как его ещё называют «гуманитарном» направле-

нии видны и в странах Латинской Америки. Почти полностью дестабилизирована Венесуэла, что негативно в экономическом плане сказывается на всех государствах центральноамериканского субрегиона. В Бразилии, в результате коррупционного скандала смещена правящая элита. В Аргентине к власти пришёл либерально ориентированный президент. На грани фолла, почти в «клинче» ведётся политическая борьба в Боливии и Никарагуа. Праволиберальные силы при поддержке старых хозяев «белого дома» и ряда европейских правящих кругов активно противодействуют формированию политического пространства интеграции стран центральноамериканского субрегиона и Латинского Америки, в целом [2].

Таким образом, исходя из вышеописанных сведений, полученных практическом путём следует сделать вывод о необходимости расширения понятия «политического пространства» путём внесения в него уточнений и дополнений. Прежде всего, следует отметить, что оно сегодня является не только «реальной протяжённостью территории, на которую распространяется исторически обусловленная политическая система» [3], но и обладает многоуровневой структурой. Политическое пространство внутренней и внешней жизни страны может не совпадать, а также разниться с продвигаемой тем же самым государством на региональном уровне внешней политикой, формирующей совершенно иное политическое пространство в рамках блоковых интеграционных процессов. Этот феномен современной мировой политики академические круги США называют «ростом популизма и национального самосознания, правых движений и антиамериканизма в ряде стран» [4]. Как по заказу, появляются актуальные американские исследования на тему «политического популизма» в странах адептах многополярного мирового уклада [5], которые не только оправдывают, но и открыто призывают к смене политического режима [6, с. 7], [7, с. 4-6], [8, с. 8] в ряде стран Латинской Америки.

Одним из весьма действенных инструментов такого воздействия на внутреннее политическое пространство Никарагуа со стороны США и стран Европейского Союза является реализация культурно-гуманитарных программ. Именно через них продвигаются базовые ценности американской общественно-политической модели развития, создающие ресурсы для последующего точечного воздействия на общественно-политические процессы внутри суверенного государства. Отсюда и широкая поддержка глобализации [9, с.8] которая, по сути, заменена тотальной американизацией, а процессы демократизации откровенным насаждением, через «цветные» революции марионеточ-

ных правительств, создающих выгодные политические пространства, на, фактически, оккупированных территориях.

В Никарагуа внутренняя и внешняя политика правящих элит подвергается жёстким атакам со стороны праволиберальных сил [10, с.9], [11, с.8], в том числе и через культурно-гуманитарную сферу. Для создания очагов информационной напряжённости политизируются такие тематики как: права человека, уровень образования, развитие инфраструктуры, местная культура, литература и поэзия. При этом основными вирусными посланиями в информационном поле являются «авторитаризм и коррупция», «безнаказанность и беззаконие», «диктатура и семейственность». Эти главные мемы праволиберальных СМИ, без конкретных фактов или ссылок на заслуживающие доверия авторитеты, щедро фаршируются догадками об «отмывании денег», о «неограниченной покупке и продаже собственности», о «подтасовке выборов» и прочими «скандальными» историями, преследующими цель «раскачать» социально-политическую обстановку в стране, а также шире привлечь внимание международной общественности к «бесчеловечному диктаторскому политическому режиму». Удивительно соотношение действенности и универсальности вышеописанных инструментов по влиянию на внутреннее политическое пространство целых государств. Акторами же американской и европейской культурно-гуманитарной политики являются самые различные организации: от контролируемых СМИ, до университетских радио станций; от Кроссфита до Фонда развития демократии.

Опосредованно идёт воздействие на образ России в центрально-американском субрегионе, зачастую посредством развешивания ярлыков [12], создания и продвижения стереотипов. При этом сомнению подвергаются, казалось бы, неоспоримые исторические события. Среди них, например, заслуги нашей страны в освоении космоса, первенство в области ядерной энергетики, ценность русской литературы, культуры и образования. Фактически каждый аспект российского культурно-гуманитарного присутствия в Никарагуа подвергается сомнению, выдвигаются конкурентные предложения. Ярким тому примером можно назвать активное продвижение именно праволиберальными СМИ образа американской космонавтки Пегги Витсон, совершившей больше всех выходов в открытый космос. При этом попросту замалчивается не только исторический вклад нашей страны в освоение космоса, но и актуальные российско-никарагуанские проекты, связанные с космической областью. А те информационные поводы, которые невозможно обойти стороной, с фантазией критикуются.

Несмотря на такую жёсткую конкурентную среду в дружественной нам стране Центральной Америки, российское правительство в рамках реализации Государственной программы «Внешнеполитическая деятельность» [13] через свои загранпредставительства зачастую успешно конкурирует с ключевыми мировыми игроками на культурно-гуманитарном уровне политического пространства Никарагуа. При этом политика России в рассматриваемой сфере значительно менее агрессивная и дерзкая. Так, основными направлениями, призванными развивать двустороннее гуманитарное сотрудничество России и Никарагуа являются: распространение и укрепление позиций русского языка в мире; поддержка соотечественников, проживающих в этой стране; распространение информации о достижениях российской науки; популяризация культуры народов России; продвижение российского образования; поддержка международных связей субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. В комплексе, реализация задач на культурно-гуманитарном треке, поставленных перед российскими загранучреждениями сегодня даёт положительные результаты. Однако, в тоже же время, ощущается нехватка в реализации крупных, «имиджевых» двусторонних проектов, которые бы способствовали закреплению нашей страны в политическом пространстве Никарагуа. Одними из немногих на этом направлении стали: открытие российско-никарагуанского биотехнологического предприятия по производству вакцин против гриппа, создание современного, регионального центра МВД по подготовке антинаркотических полицейских в г.Манагуа. К открытию на базе Национального автономного университета Никарагуа готовится «Русский Центр» Фонда «Русский мир». В начальной стадии находится проект межвузовского сотрудничества в области обмена специалистами между Белгородским государственным институтом искусств и культуры и учебными заведениями Никарагуа.

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что термин «политическое пространство» нуждается в расширении и уточнении в сторону прироста теоретических знаний о его многоуровневой структуре, «подсвеченной» практическими сведениями в ходе реализации задач внешней политики России в Никарагуа.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что несмотря на жёсткую конкуренцию со стороны праволиберальных сил за доминирование в политическом пространстве Никарагуа, наша страна, на сегодняшний день, в целом справляется с данными вызовами, продвигая при этом неагрессивную, но уверенную линию поведения на культурно-гуманитарном уровне.

Литература

1. А.А.Денисов и Е.В.Денисова. Управляемая конфронтация: война в зоне сингулярности // Экономические стратегии. 2014. №8 С. 110-123.
2. Enrique García. Latinoamérica debe integrarse. // El Nuevo diario, martes 21 de febrero de 2017.
3. Информационный портал «Академик»
http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8946/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E, дата обращения 04.04.2017 г.
4. А.Великая. Культурная дипломатия США на российском направлении // <http://gorchakovfund.ru/news/20466/>. Дата обращения 03.04.2017 г.
5. Jan-Werner Müller. What is populism. // <http://www.upenn.edu/pennpress/book/15615.html>. Дата обращения 04.04.2017.
6. Judith Flores. Nicas en EE.UU. piden que se castigue a Ortega. // La Prensa, sábado 28 de enero de 2017. С.7
7. Kitty Monterrey. La “Nica act” ayuda a presionar. // La Prensa. Entrevista. 12.03.2017. С.4-6.
8. Leonor Álvarez. Ortega, la piedra del sistema democrático. // La Prensa, lunes 6 de febrero de 2017. С. 8.
9. Alejandro Cerrano Caldera. La Libertad como valor universal // La Prensa. Voces, domingo 12 de marzo de 2017. С.8.
10. Editorial. Informes deben alertar a Ortega // La Prensa, sábado 4 de marzo de 2017. С.9
11. Mario Vargas Llosa. El nuevo enemigo // La Prensa, domingo 5 de marzo de 2017.
12. Elizabeth Romero. Sospechan la cooperación rusa // La Prensa, 15.03.2017. <http://www.laprensa.com.ni/2017/01/15/nacionales/2165788-sospechan-de-la-cooperacion-rusa>. Дата обращения: 05.04.2017.
13. Информационно-правовой портал Гарант.ру
<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544254/>. Дата обращения 04.04.2017.

Соколов Ю.В.

К КОНЦЕПЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В тезисах представлены контуры концепции советского общества, которое сложилось в России после Октябрьской революции.

Ключевые слова: советское общество, сосуществование, императивы выживания.

ABOUT THE CONCEPTION OF THE SOVIET SOCIETY

Abstract. The author presents contours of the conception of the soviet society that existed 70 years in Russia after October revolution.

Keywords: soviet society; coexistence; imperatives of revival, authoritarian socialism.

1. Мы (обществоведение, политика, общество в целом) не знаем общества, в котором жили 70 лет после Великой Октябрьской социалистической революции. Концепции советского общества (теории общества, осознания логики его эволюции, причин кризиса и др.) не существует. Острое идеологическое противостояние (просоветское vs антисоветское) стоит на пути научного осмысления прошлого.

2. Великая Октябрьская социалистическая революция, как одно из величайших событий XX века, – результат глубоких внутрисоветских и мировых противоречий. В своих главных чертах логика развития советского строя, его природа были заданы не произвольными решениями большевиков, а, во-первых, победой Октябрьской революции, определившей социалистический вектор развития страны, и, во-вторых, объективными условиями в послереволюционной России.

Социалистический выбор сделал народ (На выборах в Учредительное собрание более 80% избирателей голосовали за *социалистические* партии). Питательной почвой для идеи социализма стала, главным образом, общинная психология значительной массы населения (крестьян от земли и крестьян, одетых в рабочие блузы и солдатские шинели). Хотя страна была «беременна» социализмом и накал политических противоречий привел ее к революции, рождение «ребенка» (социализма) произошло задолго до «9-месячного срока». От недостаточной подготовленности России к социализму проистекают многие последующие слабости и несовершенства общества.

Изучая генезис и эволюцию советского строя необходимо рассматривать как объективные, так и субъективные, как внутренние, так и внешние факторы.

3. Определяющая роль в этих процессах, по моему убеждению, принадлежит внешнему фактору. В.И. Ленин уже при советской власти (в 1920 г.), вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, писал, что «в одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя». В «Детской болезни левизны в коммунизме» он признавал: «Мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую рево-

люцию». С точки зрения классиков марксизма, враждебное окружение не просто «мешает», «задерживает», «осложняет» развитие социализма, а является настолько мощным фактором, что ставит под вопрос или даже делает невозможным само существование нового строя.

Вся структура советского общества формировалась под определяющим влиянием внешнего фактора

4. Революция в России произошла «не по Марксу», поскольку победила *в одной* и к тому же далеко *не самой развитой* стране. Становление нового общества происходило в условиях жесткого сосуществования с превосходящими силами капиталистического мира. Отсюда потребность и необходимость решать *не одну*, как предполагалось в теории, а *две основные задачи*: становления нового строя, раскрытия потенциала социализма, и выживания нарождавшегося строя, выживания страны и народа.

5. Потребность в выживании практически с первых дней существования советского общества являлась приоритетной, основной потребностью нового общества. Выживание могло быть обеспечено в очень большой мере за счет (в ущерб) развития социализма (за счет жизненного уровня, демократии и др.)

Необходимость (потребность) выживания требовала, чтобы советское общество складывалось по логике выживания, а не по логике естественного, органичного развертывания социализма. Чтобы выжить, советское общество должно было создать соответствующие структуры выживания – политическую, экономическую, социальную, духовно-культурную. Задача выживания практически с первых дней существования советского общества является приоритетной, основной потребностью нового общества. Задаче выживания вначале приходилось подчинять практически все, а потом – очень многое.

Задача выживания неизбежно предполагала максимальную мобилизацию материальных, научно-технических, организационных, людских, всех других ресурсов общества.

Структуры выживания должны были быть не просто созданы, а созданы в кратчайшие сроки. А это значит – созданы ускоренно, форсированно, под нажимом сверху. Что практически невозможно без существования сильной централизованной власти. Это неизбежно вело к ограничению инициативы снизу, «почина», «стихии народной жизни», социального экспериментирования, демократических тенденций, разнообразия форм социализма и т.п. Выжить могло только единое, целеустремленное общество, способное обеспечить высокий уровень организованности, коллективности, мобилизованности.

6. В таких условиях «предписанные» марксистской теорией закономерности становления социализма могли действовать только в модифицированном виде или вообще не действовали. Это затронуло все структуры общественной жизни:

ба) Структура экономики (приоритет группе отраслей «А», индустриализации, оборонной промышленности), цель экономической деятельности (приоритет потребностей выживания перед удовлетворением потребностей населения), характер собственности (государственная вместо общенародной, кооперативной), распределение произведенного продукта (приоритет потребностей государства), оплата труда (не по труду, а, в лучшем случае, *пропорционально* трудовому вкладу), структура потребностей людей (на основе скудости, дефицита средств), даже техника и технология (главный критерий – не гуманизация труда, а высокая производительность) неизбежно формировались не по Марксу, а в соответствии с императивами выживания.

бб) Политическая структура также была ответом на императивы выживания. Реальная политическая власть осуществлялась не столько самим народом, сколько высшей номенклатурой партии и государства от имени народа и «в интересах народа» (своеобразное *регентство* по отношению не только к народу, рабочему классу, но даже по отношению к самой партии). Жесткая иерархия (пирамида) власти объединяла все общественные организации на принципах «демократического централизма».

бв) В социальной сфере существовал *де-факто* наемный характер труда, особая роль управляющего слоя (бюрократии), низкий уровень благосостояния (скудость), и многое др.

бг) Задачам выживания были подчинена и идейно-воспитательная деятельность, которая формировала не столько демократический, сколько авторитарный коллективизм, основанный на субординации (а не координации) интересов, и др.

7. Понимание логики развития советского общества предполагает также исследование и других важнейших факторов (экономическая, социальная, политическая, культурная отсталость страны; острые внутренние социальные и политические противоречия, неизбежные в ходе революционных преобразований; деструктивные тенденции по национальным границам; унаследованная от прошлого авторитарно-коллективистская политическая культура России; сильное *авторитарное* начало в природе марксистского проекта; «качества ведущего слоя», сформированного годами экстремального существования).

Но эти и некоторые другие факторы не противоречили, а лишь укрепляли тенденции и структуры, которые формировались под влиянием главного фактора, определявшего природу советского общества.

8. Послереволюционная Советская Россия была обречена на формирование системы авторитарного социализма, со всеми ее достоинствами и пороками. Здесь выживание достигалось в значительной мере за счет развития социализма.

9. Сказанное выше позволяет говорить о двух теоретических моделях становления и развития социалистического общества:

- Модель А – органичного развития социализма – на основе лишь зрелых внутренних ресурсов и противоречий, без серьезных внешних препятствий

- Модель Б – становления социализма в условиях жесткого сосуществования, при решающем влиянии императивов выживания.

В реальности первая модель так и оставалась *чисто теоретической* – на практике она не работала и не могла работать. Тем не менее, советские лидеры и идеологи делали вид, что общество развивается в соответствии с теорией марксизма-ленинизма.

Модель Б., осуществлявшаяся на практике, так и не получила серьезного теоретического обоснования и не была признана, теоретически и идеологически, как существенно отличная от модели А.

Отклонение реальной модели А от теоретической (Б) является

- отчасти необходимым, неизбежным, детерминированным *объективными* условиями сосуществования (императивами выживания, отсталостью, авторитарной политической культурой и др.);

- отчасти избыточным, продиктованным факторами *субъективного* порядка (просчеты, личностные мотивы, преступления и др.).

10. Грандиозный социальный эксперимент, который провела в России история и который в интересах настоящего и будущего страны заслуживает тщательного и беспристрастного исследования, до сих пор освещается главным образом либо с позиций упрощенной догматической апологетики, либо подвергается яростному шельмованию.

Ставицкий А.В.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИГРЫ

Аннотация. Статья посвящена проблеме глобального взаимодействия в сфере исторической политики на примере мифов о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: глобальная Игра, мифы Великой Отечественной войны, современный миф, информационная война.

Stavitsky A.V.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL GAME

Abstract. The article is devoted to the problem of global interaction in the sphere of historical politics on the example of the myths of the Great Patriotic War.

Keywords: global game, myths of the Great Patriotic War, modern myth, information war.

Понять, что творится сейчас вокруг Великой Отечественной войны как исторической памяти без глобального контекста, к сожалению, нельзя. А он в свою очередь требует учесть ряд факторов.

1) Главную роль в глобальном взаимодействии играет борьба за ресурсы. Истощение мировых ресурсов и обострение борьбы за них глобальных игроков, заинтересованных от имени так называемого «мирового сообщества» получить право на полное распоряжение недрами России в сочетании с ослаблением долларowego мира и окончанием эры Pax Americana может привести к глобальным переменам в мире с непредсказуемым результатом.

2) Сопровождающийся глобальным трансформационным кризисом переход к информационному обществу и шестому технологическому укладу даёт Западу неизмеримые возможности для воздействия на те страны, которые он воспринимает как ресурс. Ресурс, без которого свою гегемонию ему не сохранить. И сейчас ресурсы РФ – главный приз победителю нового этапа «Большой игры». Вот только Россия с этим категорически не согласна, перейдя на уровень субъекта Игры. Но у Запада есть эффективное оружие, которое позволило ему разва-

лить СССР, не прибегая к боевым действиям и ядерному удару. Оружие, которое тогда в СССР даже не распознавалось.

Благодаря ему, в отличие от былых времён, чтобы взять под контроль чьи-то ресурсы, не нужно вводить на чужие территории армии и оккупировать государства. Достаточно взять под контроль сознание населяющих эти территории людей. Впрочем, страны Запада и раньше использовали информационное воздействие в войнах за ресурсы. Но теперь их возможности качественно возросли. «Идеологическая, хронологическая, фактологическая и экономическая экспансии – древнейшие виды оружия, при наличии новых информационных и коммуникационных каналов, с успехом заменили танки, ракеты и боевые действия. В этих условиях армия стала лишь вспомогательным, хотя и осталась очень важным органом защиты государства» [4]. Особенно эффективно данное оружие в сочетании с хаотизацией мирового пространства через «цветные революции» и региональные войны, что мы наблюдаем на Украине [5] и Ближнем Востоке.

3) Причина эскалации информационной войны против России проста: успехи РФ в Сирии и усиление её мирового влияния. Они напрямую связаны с провалом американской политики на Ближнем Востоке. В свою очередь, информационная истерия связана с грядущим разгромом террористических группировок в Сирии и ставит задачу с помощью угрозы вероятной войны между РФ и НАТО остановить окончательный разгром ИГИЛ в Сирии. Общий посыл таков: мир на грани войны – и виновата в этом Россия. И чем очевидней будет победа РФ и Сирии в войне с террористами, тем громче будет истерия.

Помимо получения тактических преимуществ, информационные войны готовят войны горячие, настраивая общество на конкретный образ врага. И заметно, что страны Запада такую обработку населения по отношению к России проводят.

Известно, что власть держится не столько на силе, сколько на согласии. В основе согласия – контроль над умами людей. Не будет общего государства там, где нет общих идей, которые рассматриваются как истины, определяющие общую судьбу страны во времени [10]. Поэтому смысл «битвы за историю» за пределами истории как науки и заключается в использовании её в информационно-психологических, эпистемологических и консциентальных войнах, где последние означают войну знаний и войну в области смыслов, «войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника» [4]. Так происходит борьба за «образ» прошлого во имя образа будущего. Вой-

на мифов. Война знаний за умы, за идентичность, за будущее, за право быть.

Переписывание истории по инициативе Запада осуществляется под новые задачи будущего глобального передела с помощью сознательной системной фальсификации и ставки на реальные или выдуманные исторические обиды, как это делается на Украине [9]. Цель его – перекодировка сознания и цивилизационная перевербовка населения через смену национальной идентичности [8] и подстроенного под него исторического выбора. Поэтому и осмысление этой информационной стратегии должно осуществляться тоже глобально, системно и в перспективе.

Главная цель «Большой игры» против России в историческом поле и пространстве памяти – обезоружить, сформировав комплекс неполноценности и состояние вины за все беды, которые Россия якобы принесла европейскому миру. И историческое мифотворчество такой инструмент нашим конкурентам даёт, выступая оружием массового поражения для сознания [7]. Но это не значит, что мы не можем ему успешно противостоять [6].

В ходе информационного взаимодействия основной удар наносится по культурным кодам России, по символически означенным ценностным смыслам, в которых истории Великой Отечественной войны отводится ключевая роль [2]. На мой взгляд, она соотносима с тем, какую роль сыграли «Илиада» и миф о Троянской войне для эллинов накануне и во время греко-персидских войн, когда разбитая на самостоятельные города-полисы древнегреческая цивилизация становится единой, вырастая из «Илиады».

Не случайно Л.С. Клейн предлагает «усмотреть в ней призыв к единению всех греческих племен в борьбе за освоение и защиту Эгейского мира от складывающихся на востоке все более крупных и грозных империй, армии которых волнами лавы катились на запад. ... Призыв прозвучал своевременно: за век-два до самого опасного персидского нашествия. И не пропал даром» [1, с. 45]. В свете сказанного можно утверждать, что «если бы Гомер не выиграл Троянскую войну в стихах, греки не выиграли бы войну с персами в действительности» [3, с. 166]. И нам не выиграть сейчас борьбу за своё существование без памяти о Великой Отечественной войне.

Вот почему в битве за историю Великая Отечественная война является собой последний рубеж и играет роль спускового крючка. При этом следует учесть и то, что для нас она больше чем история, так как память о Великой Отечественной войне является «матричным тек-

стом» и той культурно оформленной структурой, на основе которой создаётся новая Россия.

Однако процесс этот будет трудным. Ведь в ходе информационной войны против РФ складывается крайне опасная ситуация, когда её снова представляют как «империю зла», существование которой угрожает всему цивилизованному миру. Таким образом, Запад обосновывает грядущий передел мира, где России отводится роль агрессора, который ради глобального мира и международного спокойствия должен быть уничтожен примерно так, как в XX в. была уничтожена и расчленена нацистская Германия, а в XXI в. были разгромлены Ирак и Ливия.

Но с Великой Отечественной войной «инженеры глобального хаоса» просчитались. За своё видение Великой Отечественной войны Россия будет бороться всеми средствами. И их у неё немало.

Литература

1. Клейн Л.С. Кто победил в «Илиаде»? // Знание – сила. 1985. № 3. С. 43-45.
2. Мартиросян А.Б. 200 мифов о Великой Отечественной войне. В 5 т. М.: Вече, 2008 – 2009.
3. Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории. СПб.: Питер, 2014. 324 с.
4. Потехин В.К. Современные консциентальные войны и национальная безопасность России. Режим доступа: <http://www.milresource.ru/Potekhin-1.html>
5. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. 748 с.
6. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
7. Ставицкий А.В. Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэст, 2013. 148 с.
8. Ставицкий А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.
9. Ставицкий А.В. Украинская мифоистория в режиме информационной войны. Севастополь: Рибэст, 2014. 176 с.
10. Ставицкий А.В. Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 208 с.

Ставицкий А.В.

СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ УКРАИНСКОГО ПРОЕКТА В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» ПРОТИВ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению смысла и назначения украинского проекта в контексте глобального взаимодействия и «Большой игры» против России.

Ключевые слова: украинский проект, война на Украине, «Большая игра» против России.

Stavitsky A.V.

THE MEANING AND PURPOSE OF THE UKRAINIAN PROJECT IN THE CONTEXT OF THE “GREAT GAME” AGAINST RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the consideration of the meaning and purpose of the Ukrainian project in the context of global interaction and the "Great Game" against Russia.

Keywords: Ukrainian project, war in Ukraine, “Great Game” against Russia.

Характер и масштабы непрекращающегося украинского кризиса неизбежно подводят нас к мысли о проблеме смысла. Ведь, если кризис связан не просто с финансами, экономикой или политикой, а охватывает системообразующие сферы общества и носит комплексный и всеобъемлющий характер, ставя под вопрос состоятельность украинской государственности, впору подумать над тем, правильные ли смыслы были заложены под неё, грамотно ли проложен курс её развития? Понимание важности данного вопроса исходит из положения, что в нас существует лишь тот смысл, который мы формируем и ценим в себе [2]. И он составляет основу идентичности, по которой о нас судят, кто мы есть среди других. Идентичность народа отражает образ нации и формируется через переживание себя во времени, определяясь как искусство жить в мире с собой [3]. Именно поэтому:

– вне позитивных смыслов выжить, сохранив человеческий облик и не допустив расчеловечивания, нельзя;

– в идентичности проступает предназначение страны, как своеобразная историческая миссия, дающая право на жизнь во имя чего-то высшего;

– будущее страны зависит от выбора и качества идентичности, которая строится на неразделённой истории, понимаемой как общая судьба во времени.

К сожалению, взявшаяся за реализацию украинского проекта т.н. украинская «элита» полностью игнорировала эти положения и в основу развития Украины заложила логику отступничества и тотального разрушения, связанного с расколом, вызванным несовпадением цивилизационного и национального начал [5]. Согласно ей украинцы должны были признать себя особым народом, который существовал всегда и принципиально отличался от русских, с которыми его соотносят и связывают.

Процесс украинизации пошёл, всё более радикализируясь. Однако со временем выяснилось, что путь, выбранный украинской властью для формирования особой, этнически ограниченной украинской идентичности, оказался чрезвычайно затратен, недемократичен и бесперспективен, обрекая украинское общество на бесплодное противостояние, сродни своеобразному «самоедству», когда русский и украинский культурные потенциалы не множатся в продуктивном взаимодействии, а взаимно поглощаются. Исходя из этого, можно утверждать, что:

– проблемы украинского развития, которые мы нередко воспринимаем как досадные случайности, в действительности есть проявление изначальной порочности и несамодостаточности системы, которую создавали не для развития созданного с его помощью общества, а для деградации, архаизации, утилизации и полного уничтожения страны;

– украинское государство работает как корпорация по утилизации страны, а идеология украинства и русофобия выступают его прикрытием [1].

С этой точки зрения Украина – не государство в общепринятом смысле. Его цель – не развитие страны с последующим ростом благосостояния населения, а т. н. украинская «элита» – не патриоты Украины, а группа лиц, нанятых со стороны для проведения операции по её утилизации. И с данной задачей «украинские» элитарии успешно справляются. Они делают всё для того, чтобы страна не умерла сразу, чтобы из неё можно было изъять и выкачать как можно больше, не всполошив население. Для этого утилизация сочетается с поддержанием постоянного процесса деградации страны и населения. И всё, может быть, утилизаторам бы удалось, но последовавший за отказом подписать «Угоду» с ЕС второй Майдан радикализировал ситуацию в стране настолько, что процесс пошёл совсем не так, как его планировали. Украина прошла точку невозврата. Маски сброшены. Подлинное бан-

деровское лицо украинского проекта проступило сквозь деланное благодушие. И народ начинает просыпаться [4].

Осмысленность существования в истории в соответствии со своей идентичностью неразрывна от проблемы выбора, который воспринимается как проблема поиска и обретения себя. Применительно к Украине эта проблема усугубляется тем, что характерная для Украины жизнь на разломе, когда не гармонизированы украинские Инь и Ян, таит огромную потенциальную опасность оказаться разорванной между пришедшими в движение цивилизациями. Ведь сила Украины – в единстве, а единство – в разности множеств. Эту Богом данную множественность, которая на Украине проявлялась в постоянном диалоге культур, надо было беречь. Но украинская «элита», руководствуясь принципом «один народ, один язык, одна вера», пошла по пути украинизации. И даже сейчас, когда на Донбассе идут боевые действия, элитарии не могут понять, что между украинизацией с одной стороны и руиной, деградацией, архаизацией и развалом Украины – с другой, существует прямая связь.

Во внешней политике попытка украинизировать население сопровождалось евроинтеграцией. И того не заметило украинское общество, что провозглашённый курс Украины в Европу:

- загоняет страну в финансовую кабалу и подводит её к дефолту;
- ведёт к уничтожению украинской промышленности и делает Украину аграрно-сырьевым придатком ЕС;
- свидетельствует об общей неготовности украинской «элиты» к конструктивному руководству Украиной;
- уличает власть в продаже Украины и стремлении переложить ответственность за страну на Европейский союз.

Так, пытаясь присоединиться к чужому проекту и не выдвигая своего, украинская «элита» расписывается в своей безответственности и неспособности управлять страной. А, значит, вслед за потерей большого пространства СССР Украина постепенно теряет и историческую перспективу.

В контексте евроинтеграции Украину уже можно воспринимать как товар и «пищу» глобальных игроков, а в лучшем случае, как разменную монету «Большой игры». А общее вырождение украинцев – понимать как следствие их цивилизационного отступничества и готовности к навязываемому стране плану «Ост», который соотносим с рабством духовным, физическим и культурным. В этом смысле война на Украине была неизбежной и стала свидетельством того, что русское начало с помощью украинизации не было до конца уничтожено. Где не могут договориться политики, дипломаты и общественные деятели –

начинают говорить пушки. Поэтому гражданская война – плата за неправильный цивилизационный выбор и нежелание договариваться со своим народом, когда несогласных с радикализмом и продажностью «элиты» учат Украину любить с помощью бомб, пуль и ракет. И эта война, независимо от её исхода, вынуждает всех мыслить и действовать в режиме Апокалипсиса, давая шанс победить тем, за кем правда.

Литература

1. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. 748 с.
2. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
3. Ставицкий А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.
4. Ставицкий А.В. Украинская мифоистория в режиме информационной войны. Севастополь: Рибэст, 2014. 176 с.
5. Ставицкий А.В. Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 208 с.

Степанова О.А., Лазаренко А.Л.

ИНСТИТУТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Важнейшим базовым фактором организующим систему и создающим конкретные условия, элементы, способы формирования и функционирования экономических институтов являются отношения собственности. Трансформация отношений собственности в условиях перехода к рынку есть процесс превращения общественной собственности на ресурсы в частную собственность.

Ключевые слова: Право собственности, приватизация, институциональная трансформация, транзитивная экономика, экономические реформы.

INSTITUTE OF OWNERSHIP AS THE DETERMINING FACTOR IN THE INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF MARKET RELATIONS

Abstract. Organizing system and creating specific conditions, the elements, the methods of formation and functioning of economic institutions are the most important basic property relations factor. The transformation of property relations in the conditions of transition to a market economy is a process of transformation of social ownership of the resources in private ownership.

Keywords: The right of ownership, privatization, institutional transformation, transitive economy, economic reforms.

Разнообразие форм собственности и прав, прикрепленных к ним, лежит в основе института прав собственности, который культивируется в той или иной институциональной среде.

При рассмотрении проблем становления в России института права собственности следует учитывать, что разнообразие имущественных отношений значительно шире отношений собственности. Однако, именно вопрос о собственности стал одним из важнейших в ходе российских экономических реформ.

Необходимость перехода к рыночной экономике обусловлена исчерпанием экстенсивных факторов развития экономики, неспособностью административно-командной системы обеспечить высокую эффективность и динамичность экономики.

Реформирование отношений собственности предполагает решение целого спектра целей, в том числе формирование новых институтов рыночного типа (рынок ресурсов, рынок ценных бумаг, фондовый рынок, рынок недвижимости, обновленные структуры субъектов экономической деятельности и др.).

Трансформация отношения собственности в России основана на процессе приватизации государственных предприятий, которую условно разделяют на два этапа: массовая приватизация предприятий за приватизационные имущественные сертификаты и приватизация инвестиционно-привлекательных объектов за денежные средства.

Существенным недостатком осуществления приватизации была направленность на достижение краткосрочных эффектов (в том числе и пополнения доходной части бюджета), тогда как на первый план должны выходить долгосрочные стратегии.

Для переходной экономики имеет значение, как быстро возникает правовой режим (диктат закона). Предположение, что стратегия быстрой приватизации, имеющая целью быстрый переход государственной собственности в частные руки, тем самым быстрое установление настоящей рыночной экономики, включая диктат закона, не оправдалось. В России массовая приватизация была инициирована до того, как установились институты, поддерживающие диктат закона. Анализ показывает, что даже если диктат закона формируется постепенно, быстрое проведение реформ может привести в действие силы, задерживающие установление диктата закона.

Таким образом, условия социально-экономической подготовленности вводимых преобразований, эффективное взаимодействие различных экономических институтов транзитивной экономики могут быть установлены на основе важнейшего системообразующего фактора – института права собственности, как сферы свободного перераспределения имущественных прав между различными субъектами хозяйственной деятельности.

Формирование прав собственности в переходной экономике происходит в сложных условиях. Одна из главных причин отсутствия эффективного собственника в России и соответственно, стабильности экономического развития в том, что приватизация не привела пока еще к установлению четкой и стабильной системы прав собственности.

Изменение отношений собственности не сводится к формальной передаче титула собственности из рук государства в руки негосударственных структур или частных лиц. Для реализации права частной собственности необходим целый комплекс дополнительных экономических и правовых условий, и, прежде всего, такие фундаментальные общественные институты, выработанные в течение тысячелетий истории человечества, как рынок, гражданское общество, правовое государство.

Защита прав собственности и принуждение к выполнению контракта – относительно новые взаимосвязанные понятия, возникшие в современной экономической науке и являющиеся важнейшими институтами, определяющими эффективность рыночной экономики в целом. Одной из основных функций государства является обеспечение эффективного функционирования именно этих институтов, оказывающих первостепенное влияние на качество и условия экономического развития.

Взаимодействие механизма рынка, институтов общества и правового государства, базирующегося на моральных традициях, и образует систему прав частной собственности, существующую в настоящее

время в развитых странах. Вне конкурентного рынка, гражданского общества и правового государства частная собственность не может быть положительно реализована, а сами отношения собственности приобретают уродливый, антиобщественный характер.

Теоретическое обсуждение проблем переходных экономик первоначально сводилось к известной «триаде» - либерализация торговли (ценообразования), финансовой (макроэкономической) стабилизации и приватизация государственной собственности. При этом в центре обсуждения находились вопросы временного характера: в каком порядке целесообразно осуществлять перечисленные реформы, проводить их постепенно или параллельно и т.д. Достаточно интенсивно, особенно среди российских ученых, обсуждалось само понятие переходной экономики, критерии переходности экономических систем, а также вопросы формирования особых институтов, соответствующих новому способу мышления и новому типу хозяйственных отношений, направленных, прежде всего, на создание конкурентной среды и свободного движения всех экономических ресурсов как внутри страны, так и между государствами.

В то же время проблемы институциональной трансформации, и, прежде всего, создания надежно защищенных прав собственности и контрактных прав, а также других институтов рыночной экономики, то есть базовых условий обеспечения эффективного распределения и использования ограниченных ресурсов, находились вне сферы внимания подавляющего большинства экспертов и политиков. Вопросы особенностей институциональных соглашений и институциональной среды были отодвинуты на второй план, а теория институционализма не рассматривалась в качестве основополагающей концепции, способной решить и объяснить многие вопросы трансформации командно-административной системы и формирования экономики рыночного типа.

Ситуация кардинально изменилась в середине 1990-х гг., когда практика показала, что реализация вышеобозначенной триады реформ не обязательно приводит к повышению эффективности функционирования экономики, к надежному и стабильному укоренению рыночных форм в поведении всех хозяйствующих предприятий. Свобода хозяйствования, не ограничиваемая рамками надежно защищенных прав собственности, часто сводилась не к производительному, а к рентоориентированному, перераспределительному поведению, не обеспечивающему рост общественного богатства и национального дохода.

Протяженность периода перемен по сравнению с временным лагом, который требуется для адаптации экономики к новым условиям,

определяет нетто-эффект изменений. Но ни в каком случае мы не можем допускать функционирования рыночных законов, пока саморегулирующийся рынок не подает признаки своего существования. Рыночные законы уместны только в контексте существования институциональных основ рыночной экономики. Но наличие некоторых, присущих спонтанному рыночному порядку институтов еще не является достаточным условием для становления рыночной институциональной среды. Например, создание правовой базы для частной собственности не означает, что она действительно может функционировать в экономике как рыночный институт.

Таким образом, формирование института права собственности – не только стержень экономической реформы, но и центральная проблема тех глубоких качественных сдвигов в обществе, которые определяют перспективы социально-экономического и политического развития России, а также ее место в мировом сообществе в XXI веке.

Литература

1. Степанова О.А., Алтынникова Л.А., Минакова Е.И., Кузнецова И.В. Формирование институциональной среды транзитивной экономики // Российское предпринимательство. 2009. № 1. С. 36-39.
2. Широков Г.К. Запад – Восток: эволюция форм собственности в XX веке // Россия и современный мир. 2002. № 2 (сент.). С. 137-153.

Тер-Акопов А.А.

РОЛЬ ДИАСПОР В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В Г. МОСКВА)

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 16-36-00411 мол_a

Аннотация. Тема имеет масштабный характер и является актуальной, принимая во внимание сложности, связанные с кросс-культурным взаимодействием, кризисом культурного диалога, отсутствием единого механизма адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Уровни, формы межэтнических отношений значительно усложнились. Этническое разнообразие приобретает новые оттенки. Неадекватное восприятие и трактовка «иного», отсутствие терпимости к проявлениям «иных» культурных ценностей и этническая интолерантность в современных условиях – глобальная проблема, которая необратимо обретает значимый характер.

Ключевые слова: трудовая миграция, неформальные инструменты регулирования, диаспора, этническая экономика, адаптация и интеграция мигрантов.

Ter-Akopov A.A.

THE DIASPORAS ROLE IN THE SOCIO-POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE EXAMPLE OF THE KYRGYZ DIASPORA IN MOSCOW)

Abstract. The topic is broad and extremely relevant today, taking into consideration the complexity of cross-cultural interaction, crisis of cultural dialogue, the lack of a single mechanism of adaptation and integration of migrants into the receiving society. Levels, forms of inter-ethnic relations become much more complicated. Ethnic diversity today takes on new shades. Incorrect, inadequate perception and interpretation of «other», the lack of tolerance of «other» cultural values and ethnic intolerance in modern conditions is a global problem, which permanently becomes meaningful.

Keywords: labor migration, informal instruments of regulation, the diaspora, the ethnic economy, adaptation and integration of migrants.

Глобальные миграционные потоки привели к формированию крупных «современных» диаспор и «диаспоризации» экономики многих стран. XXI в. можно назвать «веком диаспор», размер которых значительно увеличился за последние несколько десятилетий. В данном исследовании речь идет о «современных» диаспорах, появившихся с возникновением волн трудовых миграций в индустриально развитые страны [3, с. 56].

Для многих представителей стран Центральной Азии – бывших советских республик трудовая миграция – это один из способов борьбы с бедностью. Учитывая исторические особенности совместного развития государств постсоветского пространства и их населения, можно прийти к выводу, что они в большей степени ориентированы на коллективную модель поведения в вопросах трудовой миграции [1, с. 112]. Таким образом, миграция – путь к диаспоре.

Российская Федерация обладает самым высоким уровнем миграционной привлекательности среди стран-участниц ЕАЭС. Этому свидетельствуют ежегодные массивные потоки трудовых мигрантов, как официальных, так и недокументированных. В рамках ЕАЭС основными донорами трудовых ресурсов являются Кыргызстан и Армения, соответственно кыргызская и армянская диаспоры являются одними из

наиболее развитых и крупных на территории РФ. Таким образом, стоит полагать, что помимо глубоких исторических связей РФ с Арменией и Кыргызстаном, существует прямая зависимость между масштабом миграции и размером диаспоры.

Когда речь заходит о диаспоре, подразумевается определенное этническое сообщество людей, объединенных единым интересом. Другими словами, сообщество, социум, перманентный, структурированный, осознающий свою общность и идентичность. Не исключено, что на ранних стадиях становления такой социум может существовать при явном преобладании временных мигрантов. Главное – устойчивость существования и функционирования этнической группы, когда постоянные приезды – отъезды, постоянные ротации членов не нарушают преемственности и устойчивости связей, отношений, структур, сетей. Другими словами, диаспора – это устойчивая сеть многообразных коммуникаций между общинами [4, с. 26-34].

С другой стороны, диаспора – не данность, ее становление и развитие – не автоматический процесс. Возникновение и развитие диаспор может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Принимая во внимание сложности, связанные с кросс-культурным взаимодействием и кризисом культурного диалога, проблема отсутствия единого механизма адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, является очень важной [6, с. 43]. Уровни, формы межэтнических отношений значительно усложнились. Этническое разнообразие сегодня приобретает новые оттенки. Неправильное, неадекватное восприятие и трактовка «иного», отсутствие терпимости к проявлениям иных культурных ценностей и этническая интолерантность в современных условиях – глобальная проблема, которая необратимо приобретает значимый характер. На фоне глубоких общественных трансформаций по формированию свободного и открытого общества, рыночной экономики в постсоветской России проявились кризис российской гражданской идентичности, межэтническая нетерпимость, этнотерриториальный сепаратизм, вооруженный терроризм, в результате которых возникла опасность дезинтеграции общества вплоть до возможного распада страны.

Социум как объединение людей воспринимает представителя другой культуры как чужого, вызывая тем самым волну социального напряжения. Все более часто другие разные приходят в соприкосновение, в котором возникают противоречия своего и чужого, непонятого, а поэтому плохого.

Многие страны столкнулись с проблемой формирования на своей территории анклавов, населенных отдельными этническими группами

иммигрантов. Как правило, в таких зонах наблюдаются проблемы адаптации и интеграции мигрантов, существуют потенциальные риски для сепаратизма, распространения преступности. В случаях, когда отсутствуют эффективные модели интеграции, мигранты предпочитают обособленное, «компактное» размещение [5, с. 8].

В России примерами формирования «этнических анклавов» мигрантов являются некоторые рынки в крупных городах, в частности в Москве. Здесь мигранты из стран Центральной Азии предпочитают жить и работать изолированно от внешнего мира, не ощущают потребности в особом изучении русского языка, познании культуры страны, что вызывает определенные сомнения в отношении перспектив их интеграции в российское общество. Со стороны местного населения, которое пользуется услугами рынков, тем не менее, велики опасения по поводу «экспансии», люди с недоверием относятся к мигрантам, порой создается почва для конфликтов. Подобная этническая локализация мигрантов может привести к росту антимигрантских настроений и ксенофобии, к открытым конфликтам и противостояниям между мигрантами и местным населением.

Было бы целесообразно выбрать объектом исследования диаспоры основных стран-доноров трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС – Армении и Кыргызстана. Однако, несмотря на значимую роль армянской диаспоры в России, выбор был сделан в пользу Кыргызстана. Так как армянская диаспора совместно с еврейской относится к «классической» (исторической) диаспоре и для объективности исследования была выбрана деятельность «современной» кыргызской диаспоры на территории г. Москва.

В Москве множество объектов этнической инфраструктуры: кафе, рестораны, закусочные, больницы, ночные клубы и т.д. Для этих заведений характерны скромные интерьеры, национальная кухня и посетители той же национальной принадлежности. Их владельцы, сотрудники и клиенты – иностранные мигранты. Кроме того, в столице есть медицинские центры, где работают и лечатся мигранты, агентства недвижимости, ориентированные на мигрантов и т.д. Целый город, существующий параллельно.

Кыргызское сообщество в городе трудно назвать единым и сплоченным. Даже у тех кыргызстанцев, которые, приезжая в Москву, начинают общаться со своими соотечественниками, разные круги общения. Либо это те, с кем они познакомились в Москве, либо это их односельчане и соседи, которых они знали прежде. Сформировался своего рода «Кыргыз-таун» без территориальной локализации. По мере развития национальной инфраструктуры в крупных городах,

происходит трансформация временной трудовой миграции в постоянную. Мигранты не уезжают на родину, располагая всеми возможностями жить и работать в крупном городе. В Москве около 80 кыргызских клубов-кафе. Есть кыргызские клубы единоборств, больницы, билетные кассы, сервисы по поиску жилья, есть московско-кыргызский сайт, где выкладывается важная для сообщества информация [2].

Как отмечает директор Центра исследований миграции и этничности РАНХиГС Е. Варшавер, «формирование национальной инфраструктуры в Москве можно объяснить большим количеством мигрантов из Кыргызстана, которым удобнее обращаться к врачам, говорящим на родном языке. Был период, когда к кыргызским врачам, работающим по разным больницам, выстраивались очереди из соотечественников. И в какой-то момент, не без содействия кыргызского посольства, в районе Марьино Роща было арендовано помещение для частной кыргызской клиники» [2].

Не в интересах государства иметь на своей территории «этнические анклавы» мигрантов. Кроме того, формирование «параллельных городов» мигрантов с национальной инфраструктурой в российских мегаполисах делает процесс адаптации и интеграции мигрантов невозможным. Вместо того, чтобы «заработать и уехать», мигранты начинают искать новые жизненные траектории. Происходит определенный слом модели поведения. Таким образом, трансформация временной миграции в постоянную, как правило, происходит в случае, если мигранты выходят из-под контроля диаспоры, сообщества, которые могут воздействовать на временное пребывание мигрантов.

Процесс интеграции мигрантов возможен только в случае их контакта с местным населением в процессе трудовой деятельности и взаимодействия. Теория контакта свидетельствует, что контакт уменьшает стереотип. Когда люди контактируют в рамках совместной деятельности (работа, совместный досуг и т.д.), негативные представления друг о друге у них снижаются. Процесс интеграции необходимо направлять на тех мигрантов, кто к такой интеграции готов. Наиболее плохо подающаяся интеграции группа – это женщины с детьми младше трёх лет. Отец семейства не может стать проводником в принимающее общество для своей семьи, так как с утра до вечера на работе, а жена и дети в свою очередь не идут на контакт с местным населением, так как не имеют языковых и социальных компетенций.

Выводы:

1. Развитие диаспор способствует как этнической интеграции, так и экономической.

2. Диаспоры обладают значительным социально-экономическим ресурсом и могут оказывать влияние на принятие решений в области государственного регулирования, влиять на социально-экономические процессы.

3. С одной стороны диаспоры выполняют важную роль «помощника» и «куратора», с другой стороны могут способствовать участию вновь прибывших мигрантов в неформальной экономике, что повышает уровень недокументированной миграции. Поэтому так важно, чтобы деятельность диаспор контролировалась компетентными органами.

4. С одной стороны, диаспоры выступают в роли акторов интеграции и адаптации мигрантов в принимающее общество, неким буфером между мигрантским сообществом и местным населением, с другой стороны способствуют формированию этнических анклавов с этнической экономикой в местах территориальной концентрации мигрантов.

5. Модель интеграции мигрантов в России должна иметь специфический характер, отвечающий условиям российской действительности.

Литература

1. Быков А.Н. Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. СПб., 2009. 192 с.

2. Уколов Р. Информационный портал Лента: «Такой вот Киргиз-таун» Почему гастарбайтеры создают в Москве параллельный город. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/05/18/migration/> (дата обращения: 15.12.2016).

3. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 136.

4. Попков В. Феномен этнических диаспор. М. 2003. С. 74.

5. Рязанцев С.В. Трудовая иммиграция в Россию: старые проблемы и новые подходы к регулированию // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2013. № 1. С. 3-14.

6. Стрельченко С.В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов (Социально-философский анализ наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) // Энергия. 2006. № 7. С. 42-69.

Ускова О.С.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В КРЫМСКОЙ АССР В 1920 – 30-е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются причины и процесс формирования национальной элиты в период становления Советской власти – 20-е – 30-е гг. XX в. Производится анализ процесса реформирования и частичной замены элит, оценивается значимость и определяются потенциальные последствия проводимой программы.

Ключевые слова: Крымская АССР, элита, политика «коренизации», национальный, репрессии.

Uskova O.S.

THE FORMING OF NATIONAL ELITE IN THE CRIMEAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN 1920-s – 30-s

Abstract. The article discusses the reasons and the process of forming of the national elite in the period of Soviet power – 20-s – 30-s years of XX century. The process of reforming and the partial replacement of the elites, assesses their significance and determines the potential consequences of the conducted programs.

Keywords: Crimean autonomous Soviet socialist republic, elite, policy of “indigenization”, national, repressions.

Установление советской власти ознаменовало начало процесса, при котором «со страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое» [2, с. 43]. К концу 1920 г. Крым представлял собой полностью разоренный край. Гражданская война и резкие преобразования негативно повлияли на все сферы человеческой жизни: сельскохозяйственную, промышленную, экономическую, культурную и социальную.

Специфической проблемой Крымской АССР в составе РСФСР (образована 18 октября 1921 г.) была этническая пестрота. По переписи населения 1921 г. в Крыму насчитывалось 720 тыс. чел. 59 национальностей, среди них 51,5% - совокупно русские и украинцы, 25,9% - крымские татары, 6,8% - евреи, 5,9% - немцы, 9,9% - в совокупности армяне, поляки, греки, караимы и др. [5, с. 47]. Помимо этнического вопроса актуальной проблемой являлась интеллектуальная отсталость населения. Причинами выступают:

- неграмотность, получали трёхлетнее школьное образование, высшее образование было у единиц;
- ведение традиционного образа жизни, неготовность к переменам;
- минимальное количество интеллигенции (вследствие эмиграций, репрессий, ссылок).

В данных условиях, сложившихся в Крыму, важнейшее место занимало осуществление ленинской национальной политики. Её реализация даст возможность советской власти создать опору во всех слоях общества. Основными направлениями данной политики были:

- 1) ускорение ликвидации неграмотности, всемерное развитие общеобразовательных школ на родном языке;
- 2) общий подъем культурного уровня многонационального населения;

3) формирование национальных кадров рабочего класса.

4) привлечение к работе в партийном и советском аппаратах местного населения на ускорение подготовки кадров местного населения, то есть формирование новой политической и управленческой элиты, лояльной власти [2, с. 46]. Эти меры позволят повысить социальный и культурный уровни жизни населения, тем самым ослабить межнациональные конфликты. Более того, Советская власть, просветляя массы, заручалась их поддержкой, что определенно играло ей на руку. С первых дней установления советской власти в Крыму велась работа по развитию народного образования. С 1921 г. началось массовое формирование образовательных учреждений. К концу 1930-х гг. на полуострове насчитывалось 1263 общеобразовательных школ, 4 ВУЗа, 41 техникум, 9 рабфаков и т.д. [1, с. 334]. Внедрение образования в массы и её просвещения было средством, а не самоцелью. Государству было необходимо формирование новых поколений интеллигенции и элиты, которой определенно не хватало. Как же осуществлять управление на местном и государственном уровнях, пока подрастающее поколение «элиты» еще не сформировано? В этом случае существовала важнейшая часть национально-культурного строительства в Крыму в 1920-30-е гг., имеющая название «разверстка по коренизации». Официальное начало этому процессу было положено в 1923 г. на XII съезде РКП (б), признавшем необходимость обеспечения в союзных и автономных республиках приоритета «национальных» языков, широкого их использования в делопроизводстве всех советских учреждений, СМИ, культурно-просветительских учреждений первоочередного выдвижения на руководящие посты лиц коренной национальности, свободно владеющих своим родным языком. Данный критерий послу-

жил средством привлечения масс на сторону советской власти [1, с. 331]. Коренизация предусматривала создание условий для обеспечения прав и возможностей участия в работе органов управления представителей всех национальностей в целях стабилизации политической обстановки и повышения народной активности, другими словами «формирование национальной элиты» для участия в политическом процессе [5, с. 47]. Поскольку коренным населением полуострова считались крымские татары, политика коренизации касалась, непосредственно, их, и имела название «татаризация».

Наряду с формированием органов управления происходил процесс «фильтрации» управленческой элиты и укрепления сформированного состава. Примером таких фильтраций является так называемое «дело Вели Ибраимова». В. Ибраимов был обвинен в антисоветской деятельности и связях с националистическими организациями. По приговору Верховного суда РСФСР он был расстрелян в 1928 г. Это громкое дело открыло серию преследований части крымско-татарского населения, в основном – служащих [1, с. 329]. Против многих служащих государственного аппарата крымско-татарской национальности выдвигались весьма сомнительные обвинения в принадлежности к подпольным комитетам партии «Милли Фирка». В печати использовался термин «миллифирковщина», означавший тактику проникновения в аппарат Советской власти с целью дискредитации ее социальной и национальной политики [4, с. 56].

Также проводилось административно-территориальное районирование как часть национальной политики. Районы, с преобладанием определённого этноса получали статус национального. Изначально в 1930 г. их было восемь, но со временем их количество увеличивалось [3, с. 10]. Данные изменения нельзя рассматривать однозначно. С одной стороны, выделение отдельных территорий для этносов являлось показателем прогресса в проведении национальной политики. С другой же, разделение этносов между собой создает тенденцию обособления друг от друга, тем самым ухудшая межэтнические отношения. Более того, увеличение количества административно-территориальных единиц вело к дальнейшему разветвлению аппарата управления, дробило его функции, бюрократизировало управленческую элиту.

Процесс коренизации имел и обратную сторону, ведущую к:

- снижению «русского влияния»;
- сокращению доли русских кадров и минимизации использования русского языка;
- увеличение количества руководителей разных уровней, без упоминания о профессионализме (качестве);

–рост национальных амбиций, чреватый стремлением к сепаратизму и дискриминации [5, с. 50].

Репрессии длились непрерывно на протяжении 1920-х–30-х гг., но достигли апогея в 1937–1938 гг., за что они получили название «Большой террор». В 1938 г. ЦК ВКП (б) выступил с инициативой ликвидировать «искусственно созданные» национальные районы и сельсоветы. В Крыму 19 из них было ликвидировано, а 11 преобразовано в обычные [5, с. 54]. Это означало, что коренизация не только остановилась в развитии, но и сделала большой шаг назад. Дела, открывавшиеся против «националистов», «шпионов» и «вредителей», сначала подкосили интеллигенцию, а после распространились на партийных и советских работников. Среди них было дело «группы Самединова», «заговор Семёнова» и другие. В процессе этого ряды сформировавшихся элит вновь поредели [5, с. 54].

За период 20–30-х годов произошло огромное количество изменений и преобразований. Экономике и сельское хозяйство удалось вывести на новый уровень развития с помощью индустриализации и сплошной коллективизации. Политика коренизации сыграла ключевую роль в формировании этнической элиты и элиты в целом. Создавать элиту с нуля – сомнительный процесс, ведь этот социальный статус достигается поколениями, а в исторических условиях 1920-х гг. требовалось осуществить это в течение кратчайших сроков. Этот факт дает мне право усомниться в качестве и компетенции сформированной элиты. Более того, непрерывные репрессии препятствовали нормальному функционированию госслужащих и населения в целом. Но положительный аспект заключался в следующем: подрастало новое поколение, получив полноценное общее, специально-профессиональное и высшее образования, были в состоянии частично или полностью заменить «пробную версию» элит и работать на благосостояние Союза Советских Социалистических Республик.

Литература

1. История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Симферополь: Атлас-компакт, 2006. 400 с.
2. Крым многонациональный / сост. Н.Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. 144 с.
3. Крымская АССР: 20-е – 30-е годы (исторический очерк). Киев, 1989. 19 с.
4. Миллифирка. Националистическая контрреволюция в Крыму / сост. А.К. Бочагов. М., 1932.

5. Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.

Филин Н.А.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ ИРАНА

Исследование выполнено при поддержке совета по грантам Президента Российской Федерации (грант № МК-5496.2016.6: «Конфликт старых и новых религиозных форм в политической жизни Ирана после Исламской революции 1979 года»)

Аннотация. Институт шиитского духовенства в Исламской Республике Иран (ИРИ) поддерживается постоянным рекрутированием в свою среду новых кадров, которые получают образование в религиозных семинариях. Оно имеет характеристики, отличающие его от современного светского обучения, которое принято в большинстве развитых стран мира. Наиболее важным является то, что ни один этап образования и способ получения знаний не являются заранее полностью спланированными и обязательными.

Ключевые слова: Иран, ислам, шиизм, образование, духовные семинарии.

Filin N.A.

EDUCATIONAL SYSTEM IN IRANIAN THEOLOGICAL SEMINARIES

Abstract. The institution of Shiite clergy in the Islamic Republic of Iran is supported by constant recruitment of new members that are educated in religious seminaries. It has its own characteristics that distinguish it from modern secular education that is adopted in the majority of the world's developed countries. Most importantly, none of stages of education and ways of learning is compulsory and pre-planned in advance.

Keywords: Iran, Islam, Shiism, education, theological seminaries.

Начиная с первого этапа образования в духовных семинариях Ирана, студент сам выбирает себе преподавателя и с ним продолжает изучение необходимых тем шариата так, как он сам считает нужным.

Если учитель по каким-либо причинам перестает его устраивать, то он может выбрать себе другого.

Кроме того, в духовных семинариях отсутствует система выдачи государственных сертификатов об окончании образования, поэтому студенты-богословы могут свободно планировать способы постижения знаний в выбранном ими темпе. Та же свобода проявляется в преподавании предметов. Учитель не следит за посещаемостью студентов, читая лекции по различным вопросам в соответствии с расписанием занятий. Когда обучающийся чувствует, что полностью постиг тот или иной предмет или хотя бы его часть, он имеет право обратиться к преподавателю для того, чтобы последний в ходе обоюдной дискуссии оценил уровень его знаний и указал на ошибки. В случае, если дискуссия по всему предмету оканчивается положительно, студент считается завершившим изучение данной дисциплины. Однако нет никакой информации, что ему от преподавателя даются какие-либо подтверждающие документы [3], хотя по окончании всего курса обучения студент получает сертификат об образовании.

Для подготовки к занятию студенты-богословы, как правило, ищут нужную информацию в религиозных книгах и высказываниях духовных авторитетов. После занятия они обсуждают уроки между собой для того, чтобы еще больше вникнуть в сущность рассмотренной проблемы. Этот метод изучения помогает студентам-теологам развивать свои ораторские и аналитические навыки. Также они получают дополнительный опыт, устраивая публичные проповеди и получая с этого некоторый доход.

Первый уровень богословского образования называется «могад-дамаат» (перс. – введение, начало). Он включает в себя изучение арабского языка, его грамматики, синтаксиса, правила ведения дискуссии и т.п. Также студенты изучают логику, основы тафсира (толкование Корана) и некоторое количество общей литературы по исламскому праву (фикху). Причиной акцента на изучение арабского языка является то, что Коран, хадисы и важнейшие религиозные книги написаны именно на нем. Обучение, в среднем, занимает семь лет.

Сейчас в различных медресе можно встретить преподавание дополнительных курсов: история ислама, риджал (Исследование биографии людей, кто передавал хадисы от их изречения пророком Мухаммадом или пречистыми имамами, до того времени, пока они были записаны), дарайа (Исследование источников, с помощью которых был обнаружен тот или иной хадис, их иерархию и отношение к первоначальному источнику: пророку или имаму), ирфан (исламская мистика), этика, риторика, астрономия, социология, психология, английский или

другой иностранный язык и т.п. Например, существенным различием между духовными семинариями Кума и Наджафа является преподавание дисциплин, связанных с мистикой и философией. В Наджафе данным дисциплинам вообще не обучают, делая упор на «рационалистское» образование [5].

Когда студент заканчивает эту ступень обучения, то становится хаджат-аль-эсламом (носителями исламской истины). Далее он может перейти на следующий уровень, который называется «сатх» (перс. – поверхность, плоскость). На нем, как считается, он должен искать информацию непосредственно в книгах и «учиться у них», дойдя до такого понимания предмета, чтобы иметь способность грамотно рассуждать о поставленных проблемах. К изучению арабского языка и шиитской юриспруденции добавляются курсы, связанные с основами, правилами и способами применения иджтихада (вынесение решений по религиозным вопросам), а также религиозной философией, аргументацией и логикой. На определенном этапе студенту допускается начать преподавание части дисциплин, на которых он специализируется. Как правило, учеба на этом уровне занимает восемь лет. Не все духовные семинарии могут позволить себе данный уровень образования, поэтому он преподается только в крупных и наиболее известных медресе.

Третий уровень называется «харэдж» (перс. – внешний, находящийся вне чего-то). На него могут поступить студенты, закончившие первые два этапа образования, получившие разрешение своих учителей и сдавшие определенные экзамены. Эту ступень образования можно охарактеризовать, как стадию исследования, которая в конце позволит человеку стать муджтахидом (человеком, который имеет право на иджтихад). На этом уровне учитель обсуждает со студентом взгляды тех или иных исламских правоведов, включая свои собственные, и позволяет ему вступать с ним в серьезные дискуссии. Срок обучения зависит от того, насколько быстро студент приобретет необходимые навыки для интерпретации богословских вопросов и сформирует о них свое собственное мнение, которое будет находиться в рамках шиитского мировоззрения [4]. Именно в ходе учебы на данной стадии или после ее завершения в результате сдачи соответствующего экзамена человек может получить от своего наставника-муджтахида или двух, а иногда трех муджтахидов (разные религиозные наставники по-разному интерпретируют данную ситуацию) свидетельство о его праве на частичный или полный иджтихад.

Необходимо отметить, что подавляющее число представителей духовенства заканчивает только первый этап обучения. На вторую и

третью ступень идет его малая часть. Например, в Иране сейчас, по приблизительным оценкам, насчитывается около 100 великих и обычных аятолл [5].

Каждый студент определенного медресе получает небольшую стипендию от наставника этого заведения в размере около 50 долл. [6] Али Хаменеи в 2014 г. каждый месяц тратил на выплаты студентам медресе, которые находились под его покровительством, 180 млрд. иранских риалов, что соответствовало приблизительно 6 млн. долл. [1] Эта традиция берет свое начало в средних веках, когда ведущий религиозный деятель брал на себя части стоимости содержания своих учеников [3, с. 206-207]. Впоследствии денежные выплаты студентам стали частью формирующейся вокруг марджа' религиозной сети, которая позволяла ему адекватно перераспределять доходы, чтобы, как минимум, сохранять свое религиозное влияние.

Литература

1. Гольпайегани М.М. 18 миллиардов туманов – месячные расходы Хаменеи на студентов (18 миллиард томан шахрий-е махиане-йе хаменеи бе толаб) // Информационный ресурс «Дигярбан». 30.01.2014. URL: <http://www.digarban.com/node/16683> (дата обращения: 15.02.2017).
2. Хаменеи А. Исламское право: учебное пособие. М., 2010.
3. Moussavi A.K. Religious Authority in Shi'ite Islam. Kuala-Lumpur, 1996.
4. The Howza Education System // Информационно-аналитический сайт islamic-laws.com. URL: <http://www.islam-laws.com/howzasystem.htm> (дата обращения: 15.02.2017).
5. Twelvers: Alevi, Twelver, List of Current Maraji, Imamah, Alawi, Sukayna Bint Husayn, Muhammad Al-Mahdi, the Fourteen Infallible. General Books, 2011.
6. Walbridge L.S. The Thread of Muawiya: The Making of Marja Taqlid. Bloomington, 2014.

Чернев Черньо

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КАРКАСА ЖИЗНЕННОГО МИРА

Аннотация. Автором предпринята попытка проанализировать предметное поле религиозных ценностей и их роль в формировании каркаса жизненного мира и дать определение этой области в информационно-аналитическом исследовании.

Ключевые слова: Справедливость и солидарность, моральные ценности христианства.

RELIGIOUS VALUES AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF A FRAMEWORK OF THE LIFE-WORLD

Abstract. The author attempts to analyze subject, field of religious values and their role in shaping the life of the world to define the frame and the field of information and analytic studies.

Keywords: Justice and solidarity, the moral values of Christianity.

Религия и религиозно-нравственные ценности христианства основываются на вере в Бога и возникают из-за тесной связи между человеком и Богом. Они строят духовное и нравственное отношение и опыт этих отношений в жизни человека и человеческого общества, определяют скрытый духовный смысл человеческого поведения и горизонты человеческого существования.

Сформированы два основных подхода к изучению ценностей:

1. Структурно-энергичный относится к религиозным ценностям или инструментальным ценностям или материальным ценностям, присущим традиционным обществам. К ним относятся такие ценности, как: безопасность, процветание, порядок и преданность сильной власти.

2. Структурно обоснованный подход относится к религиозным ценностям или ценностям отношений с Богом, или групповым ценностям, которые способствуют удовлетворению потребностей в социальной координации и сохранении социальных групп.

Культурное наследие делится на материальное и нематериальное. Культурное наследие Болгарии в основном носит религиозный характер, т.е., связано с религиозными конфессиями. Нематериальное наследие включает в себя религиозные ценности верующих на основе этических ценностей различных религий, а также их проявления в религиозном поведении в обществе. В сегодняшней ситуации постмодерна система ценностей болгар серьезно трансформируется. Одним из главных факторов является глобализация, которая отдает предпочтение светскости, атакует традиционно сконструированные иерархии и создаёт новые властные отношения. Вторым фактором является процесс секуляризации, который охватил современные общества еще в XIX в. и стал господствовать в XX – XXI вв.

С точки зрения религиозных ценностей, разработаны две основных теории. В соответствии с ними, в современном обществе проводится разделительная линия между личной религиозностью и принад-

лежностью к институционализированной религиозной общине. Теория секуляризации подчеркивает, что рационализация, урбанизация, индустриализация, механизация, разделение труда и отступление традиции являются факторами, которые предполагают снижение роли религии в современных обществах. Многие исследователи религии полагают, что существует кризис религиозных ценностей во всем мире, который затрагивает посткоммунистические общества, в том числе – Болгарию.

В то же время теория десекуляризации настаивает на том, что современное общество поворачивается к религии и её ценностям. Её сторонники называют этот процесс возрождением религии. В посткоммунистических странах, в том числе Болгарии, это означает бум религиозности и посещений храмов после того, как в 1989 г. прекратилось вмешательство и государственный контроль в религиозной сфере, произошла либерализация отношений между церковью и государством, возник религиозный плюрализм.

Личность священнослужителей может быть средством для преодоления духовного кризиса. Большинство из них подчеркивают личные качества веры, смирения, терпения, целомудрия, рвение, честность и преданность делу. Они отмечают, что священнослужитель должен быть ориентиром для духовных ценностей, живой иконой Бога, пастырем своего стада.

Тем не менее, некоторые из них показывают, что церковь должна быть социальным индикатором; компасом, показывающим правильное направление в жизни, психологом и быть эрудированной, образованной и подготовленной. Напротив, православное духовенство ясно говорит, что священник – не социальный работник, и такая деятельность (помощь и уход за людьми, в том числе) не является приоритетом для болгарской православной церкви. Культурная и образовательная функция помещаются на задний план по сравнению с миссионерством, проповедью и служением Богу.

Стратегии по преодолению кризиса религиозных ценностей можно резюмировать следующим образом: включение религиозных праздников в календари общин и обогащение их содержания; распределение религиозных моральных сообщений посредством публикаций, переводов и торжеств; создание альтернативного религиозного образования; использование возможности влиять на искусство.

Последние десятилетия мы переживаем огромное количество разнообразных кризисов – культурные, политические, экономические и прочие. Но самый страшный из всех возможных – это кризис нашей идентичности... Мы усомнились в своем первородстве, в своем историческом предназначении, в уместности своего нахождения в мире

богатых и успешных. Языческий культ успеха, навязываемый нашим умам, неокрепшим сердцам, предлагает другую систему ценностей, не совместимую с христианским образом жизни.

Какова взаимосвязь между моральными ценностями христианства, политической системы демократии и принципами свободной рыночной экономики, создания и функционирования стабильного гражданского общества? Мы спрашиваем себя: может ли Церковь быть стабилизирующим фактором в процессах социальных изменений или в наших условиях она рискует изолировать себя, православные страны от динамики социальных процессов, если подходит консервативно и традиционалистски к демократическим социальным структурам гражданского общества и остаётся без четкого видения своей социальной ответственности, социального служения и присутствия в обществе? Ценности христианства, однако, к которым относится христианская этика, имеют свои корни в личности Богочеловека Иисуса Христа. Поэтому личность Христа, Его учение и Его ценности – это абсолютно неразделимые вещи. Таким образом, вера в Бога, т.е. Вера в Иисуса Христа является основой, фундаментом христианской этики.

В наши дни опять актуален статус личности, нации и национальных государств, актуально обращение к смыслам науки и научной рациональности, прогресса и порядка, опять приходят в соприкосновение народы и культуры. Происходящие в условиях глобализации радикальные трансформации человека, общества, нации, государства, прогресса и т.д. носят столь фундаментальный характер, что делают востребованным предельно метафизический уровень анализа происходящих событий. Вопросы «кто мы?» не задаются в истории часто, а сама постановка таких вопросов – свидетельство глубины кризиса мысли и экзистенции, в которой оказалось человечество.

В последние годы очень часто поднимают вопросы о роли Церкви в новой социальной ситуации, о необходимости более активного служения церкви для поддержания универсальных христианских нравственных ценностей и укрепления моральных принципов гражданского общества.

Сосредоточим наше внимание на христианских ценностях и гражданском обществе. На основе опыта испытаний и искушений тоталитаризма христианские церкви в Восточной Европе, в том числе – православие, строят свою современную социальную доктрину, которая основана на этических принципах и ценностях Христа, нравственного преподавания, но ориентирована на преодоление современных социальных конфликтов и решение социальных проблем. Современное социальное учение Церкви основано на христианском понимании до-

стоинства человека как свободного существа и духовной богоподобной личности, ищет защиты естественных прав человека и социальных связей и общин в семье, поддерживает право на свободу совести и свободу объединений различных духовных и культурных общин, профессиональных групп, которые отстаивают социальные права и составляют структуру гражданского общества.

Согласно христианской этике и христианскому социальному учению Церкви, понимаем роль трех основополагающих принципов свободы, справедливости и солидарности в качестве основополагающих и важнейших моральных ценностей и основ построения любого общества, которое хочет быть демократическим, защищать права человека и достоинство всех граждан. Ибо, чтобы быть демократическим обществом, в нём должно быть право демократически настроенных граждан активно защищать ценности демократии, должно быть понимание не только формальных норм политической системы или абстрактных принципов правовой системы, но и основных духовных ценностей, моральных норм человеческого и социального поведения.

С христианской точки зрения, свобода, справедливость и солидарность являются не только социально-этическими принципами, но и духовно-нравственными добродетелями, которые формируют важные аспекты индивидуальной морали граждан, разделяющих демократическую политическую культуру гражданского общества.

В современной посттоталитарной ситуации надо быть подлинным и достоверным участником в процессах социальной трансформации и демократизации, чтобы не являться объектом общественных отношений. Сама Церковь должна сделать небольшое изменение акцентов в своём социальном учении и вновь открыть своё богатое и ценное наследие прошлого. Христианская традиция в области социально-благотворительного служения, которое было присуще Церкви, теряется в результате вынужденного сдерживания Церкви в ее служении народу. В условиях тоталитарных режимов церкви насильственно были лишены этих естественных функций и потеряли важные позиции в обществе. Наряду с организационной и институциональной реконструкцией Святой Церкви нужно сознательно поощрять процесс возрождения духовного сообщества, чтобы восстановить традиции духовного и социального служения Церкви в обществе.

Параллельно с институциональным обновлением необходимо и духовное обновление, и даже некоторое смещение центра тяжести институциональной системы отношений от модели, которая традиционно присуща для православного Востока, к новой системе общественных отношений в рамках гражданского общества.

Всякий раз, когда мы пытаемся сформулировать и выявить в современном культурном пространстве традиционные христианские ценности, которые являются несущими конструкциями нашей цивилизации, мы соприкасаемся с тем исконно-бытийным, что их породило. Более того, мы становимся лицом к лицу с чрезвычайно важной задачей – утвердить основы национального бытия. Каждое поколение должно проходить своего рода инициацию и погружаться в священные пласты своей истории. Сейчас, как никогда, мы должны напрячь свою историческую память и совершить духовное усилие, которое поможет усвоить наше особое предназначение, отошедшее на периферию общественного сознания, и восстановить органическую связь с блистательным космосом восточно-христианской цивилизации.

Черный Е.В.

КОНФЛИКТНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕХНОЛОГИЯ НАПРАВЛЕННОГО ВЗРЫВА

Аннотация. Предлагается типология социальных идентичностей в совокупности с социальными ролями, в зависимости от восприятия извне. Технология направленного взрыва дана в форме алгоритма. Он может быть применен как для развития управляемого конфликта, так и для его профилактики и предотвращения.

Ключевые слова: стандартная, новаторская, противоречивая, конфликтная идентичность, социальные роли, управляемый конфликт, направленный взрыв.

Chiorny E.V.

CONFLICTS OF IDENTITY: TECHNOLOGY DIRECTED EXPLOSION

Abstract. In the article there is a provided typology of social identities in conjunction with social roles, which depend on the outside perception. The technology of directional explosion is given in the form of an algorithm. It may be used in order to develop a managed conflict and also for its prevention.

Keywords: standard, innovative, controversial, conflictual identity, social roles, managed conflict, directed blast.

В процессе социализации человек становится мультиидентичным, то есть осознает и переживает свою причастность (принадлежность) к тем или иным группам: большим (нация, этнос, религия, возраст, гендер), малым (семья, трудовые и учебные коллективы, религиозные общины, землячества, кружки и проч.), формальным и неформальным, реальным и условным, постоянным и временным, целевым, референтным. Отождествление себя с членами тех или иных групп, как правило, не вызывает никаких внутренних противоречий: человек вполне комфортно чувствует себя россиянином, русским, христианином, 40-летним мужчиной, сыном, отцом, мужем, братом, служащим, инженером, туристом, автолюбителем, шахматистом, танцором танго, игроком в «танчики» и проч. В глазах окружающих его идентичности выглядят как некая совокупность социальных ролей и мало кто увидит в предложенном наборе какие-либо противоречия. Назовем такую совокупность идентичностей и социальных ролей **стандартной**.

Современному обществу в целом присущи достаточно гибкие социальные сценарии и некоторые неприемлемые ранее (а, тем более, в традиционных культурах) комбинации ролей не вызывают неприятия или осуждения. Новые сочетания идентичностей и соответствующих им социальных ролей назовём **новаторскими**, поскольку феномен новаторства всегда присутствовал во всех сферах культуры и общества. Такие сочетания как женщина-босс, женщина-священник, или мужчина-домохозяйка в декретном отпуске, или мужчина-мужчина-семья; женщина-женщина-семья были неприемлемы ещё полвека назад, а теперь, хотя ещё и не являются стандартными, но и не слишком удивляют.

Казалось бы, процесс расширения рамок допустимого и возможного, вероятного и желательного необратим и носит всеобъемлющий характер. Объём и стремительность информационных потоков способствуют быстрому признанию необычного обыденным. Тем не менее, социальная феноменология полна противоречий. Диалектических, разумеется. Всякая тенденция и каждый социальный феномен, быстро становящиеся характерными для одних групп, вызывают сопротивление и, соответственно, противоположные тенденции, у других. Поэтому, если для одних групп определённые сочетания идентичностей и социальных ролей являются новаторскими, то для других – **противоречивыми**.

И, наконец, есть идентичности и соответствующие им социальные роли, которые можно назвать **конфликтными**, так как они зачастую воспринимаются таковыми большинством социальных групп. Само их возникновение, а затем и совместное существование в куль-

туре и обществе связано с конфликтами. Это глубоко разделяющие людей на «псевдовиды», по выражению А. Маслоу, идентичности: этническая, религиозная, политическая, экономическая. Основанием для разделения явилась вечная борьба за ресурсы, но идеологическим обоснованием и социальной легитимацией, разумеется, всегда были благие намерения. Например, слово «религия» происходит от латинского глагола *religare* – связывать, соединять, воссоединять, поэтому современные исследователи, вслед за Лактанцием и Августином, определяют религию как союз человека с Богом [1]. В то же время, религия – это и общность, связанность взглядов, единство мироощущения, объединение людей в организации. Однако не одно тысячелетие практика общественной жизни показывает, что религия несколько объединяет людей, настолько же и разъединяет их с другими людьми и группами, принадлежащими иной религиозной конфессии. Впрочем, в своё время была и другая точка зрения на происхождение слова религия от латинского существительного *religio* – «совестливость, благочестие, набожность, предмет культа» [3, с. 488]. Институционализация религиозности, этничности, политики и экономики проявляется в создании сложной системы государственных и общественных структур, стремящихся в рамках своих властных полномочий упорядочить и распределить ресурсы таким образом, чтобы и государство и общество продолжали существовать. Но время от времени, противоречивые и конфликтные идентичности становятся инструментом в борьбе за власть (если речь идёт об оппозиции) или инструментом упрочения и сохранения власти. Причем, оппозиция гораздо чаще пытается применить на практике концепции «управляемого хаоса», «управляемого конфликта» или, в нашей терминологии, направленного взрыва.

Сейчас, как никогда ранее, эффективность любых производственных процессов, то есть, достижение цели, зависит от четкой реализации технологий. В политике это так и называется, «политтехнологии», «избирательные технологии». В более широком смысле употребляется категория «социальные технологии», понимаемые как «способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование (изменение состояния) социального объекта, достижение заданного результата» [2, с. 48]. Частью социальных технологий становятся нано-, био-, инфо- и особенно когнитивные технологии и психотехники. Ясно, что происходит экстраполяция технических терминов и, что важнее, процессов на гуманитарную сферу. В технике отработанность алгоритмов имеет первостепенное значение, поэтому для начала обратимся к понятию «управляемый взрыв» в технике, а затем

попробуем перевести полученный алгоритм в сферу социального бытия.

Один из примеров направленного взрыва – это кумуляция (кумулятивный эффект), т.е. концентрация действия взрыва в определённом направлении. Достигается путём создания у заряда кумулятивной выемки (сферической, конической и др.) и тогда направление потока продуктов взрыва сосредоточивается по оси выемки, обращенной в сторону поражаемого объекта, а не рассеивается по всем направлениям. Кумулятивный эффект используется в кумулятивных боеприпасах, взрывном деле. Например, горная порода перемещается в заранее заданном направлении и на заданное расстояние. То же происходит при направленном взрыве дома при его запланированном сносе среди жилого квартала.

Основные ошибки таковы:

- неправильно выбран объект взрыва (например, взорвали не тот дом);
- объект выбран правильно, но кумулятивная выемка направлена не в ту сторону (и снова взорвали не тот дом);
- не сделана кумулятивная выемка и энергия взрыва распространилась в равной мере по всем направлениям (вместе с запланированным, взорвали и несколько других домов);
- неправильно выбрано время взрыва (взорвали дом, а люди ещё не успели его покинуть);
- неправильно выбрали место закладки заряда (взрыв не нанёс существенного ущерба, а напротив, затруднил разрушение и снос);
- неправильно рассчитана мощность взрыва: нет достаточного эффекта (дом пошатнулся) или, наоборот, он чрезмерен и разрушения критичны (взорвались все дома и собачья будка);
- ошибка в выборе действия (нужно было пристроить верхний этаж, а вместо этого дом взорвали).

Учитывая возможность подобных ошибок при планировании и реализации управляемого конфликта, его алгоритм должен быть выстроен таким образом:

- должны быть выявлены линии разломов (этнических, религиозных, политических, экономических), т.е. противоречий, затрагивающих чувства людей (прежде всего, это неприятие несправедливости в распределении возможностей, ресурсов в разных сферах жизни людей), связанные с их идентичностью («Почему им можно, а нам нет? Почему у них есть, а у нас нет? Почему... это несправедливо! Долой! Ганьба! И проч.);

- правильно выбранный объект взрыва по принципу «где тонко, там и нужно надрывать» (например, субъективно воспринимаемое какой-либо социальной группой ущемление этнокультурных, религиозных, политических или экономических прав);

- правильно организованные акции – четко направленная в сторону взрыва, а не во все стороны, «кумулятивная выемка» (провокационная статья или аудио-видео информация в СМИ, митинг, пикет или шествие, вызывающее протест и проч.);

- точно выбранные повод и момент вброса информации или инициирования акции (когда будут затронуты чувства как можно большего количества активных людей);

- правильно выбранный носитель информации или «застрельщик» акции – лучше, если он олицетворяет жертвенность;

- правильно рассчитанная мощность информации или акции (образность, эмоциональная насыщенность, факты, аргументация, подкрепление рассказами очевидцев и проч.);

- привлечение союзников из числа авторитетных, обладающих теми или иными ресурсами людей, «лидеров мнений»;

- обоснование направленного взрыва (управляемого конфликта) как наиболее эффективного средства достижения цели (свержение власти/удержание власти, укрепление существующего порядка).

Здесь приведен общий алгоритм, а последовательность и содержание зависит от конкретных условий: ситуации, региона, расклада политических сил и проч. Разумеется, цель специалиста может состоять как в развитии направленного взрыва, так и в его прогнозировании и предотвращении. Это всего лишь технология, а моральный выбор остается за человеком.

Литература:

1. Жуковский В.И., Копцева Н.П., Пивоваров Д.В. Визуальная сущность религии. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2006. 460 с.

2. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я.А. Маргуляна. СПб.: Изд-во С.-Петерб. акад. управления и экономики, 2010. 436 с.

3. Элбакян Е.С. Религия // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.

Юрина Т.И.

ЕГО ЭТИКА И МОРАЛЬ МАЛО ПОДХОДИЛИ К ИНТЕРЕСАМ ИМПЕРИИ И ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА

Аннотация. В то время, когда в Мировой войне первые успехи Брусиловского прорыва на Западной Украине в июле 1916 г. сменились громадными потерями русской армии на Западе Белоруссии, в Новороссийске по инициативе вице-губернатора Черноморской губернии Л.А. Сенько-Поповского был основан Музей природы и истории Черноморского побережья Кавказа. Важность этого события не смогли затмить ни продолжающаяся мировая война, ни надвигавшаяся Великая русская революция. До свержения самодержавия оставалось два месяца, когда в Новороссийске 27 декабря 1916 г. открыта первая экспозиция музея. Даже Гражданская война не помешала функционированию музея, который бережно сохранен Сенько-Поповским и целиком оставлен городу, в то время как сам бывший чиновник вынужден уйти из него вместе с Белой армией в 1920 г. Личность Сенько-Поповского малоизвестна в стране, но восстановленная по архивам история его судьбы показательна и позволяет лучше понять сущность отношений либеральной интеллигенции и власти на рубеже эпох.

Ключевые слова: Новороссийск, музей, революция, либеральный интеллигент.

Iurina T.I.

HIS ETHICS AND MORALITY WAS NOT WELL SUITED TO THE INTERESTS OF THE EMPIRE AND OF THE REIGNING HOUSE

Abstract. In our history there are many striking facts. Here is one of them. After the first successes of the Brusilov breakthrough in Western Ukraine in July 1916 huge losses of the Russian Army in the West Belarus occurred. At the same time in Novorossiisk on the initiative of Vice-Governor of the Black Sea province of L. Senko-Popovski was founded the Museum of Nature and history of the Black Sea coast. The importance of this event could not outshine neither ongoing World War I, nor coming The Great Russian revolution. Before the overthrow of the autocracy remained exactly two months, when the first exhibition of the Museum of Novorossiisk was opened on December 27, 1916. Even a terrible civil war did not

prevent the operation of the museum which has been carefully preserved by Senko-Popovski and completely left in Novorossiisk while the former official of Petrograd was forced out of city with the White Army in 1920. Personality of Senko-Popovski is little known in our country due to many factors, but the recovered files on the story of his life is very indicative and allows a better understanding the entity of relationships between the liberal intelligentsia and the power at the turn of epochs.

Keywords: Novorossiisk, museum, liberal intelligentsia, revolution.

Сто лет назад, в конце 1916 г., в Новороссийске, был создан Музей Природы и Истории Черноморского Побережья Кавказа. Решение это зародилось в кругу лиц «искренне верящих, что пришла, наконец, пора разбудить, оживить и призвать к культурной жизни этот интереснейший и богатейший во всех отношениях, но, к сожалению, до сих пор заброшенный и неустроенный край» [1, с. 3]. Любопытные подробности истории создания музея мы можем прочесть в письме его первого хранителя Г.Н. Сорохтина. Он писал, как в студенческой форме (этом символе крамолы против царского режима), вошёл в приемную губернаторского дома весной 1916 г. «с целью получения открытого листа, разрешающего производить раскопки мегалитических гробниц-дольменов в пределах тогдашней Черноморской губернии. К моему удивлению я был тут же принят вновь назначенным вице-губернатором Леонидом Александровичем Сенько-Поповским. Сразу у нас завязался живой разговор о природных богатствах губернии. К тому времени, изучая геологию, я исходил Черноморье вдоль и поперёк по всем его тропинкам. Л.А. с большой искренностью высказал мне своё сожаление, что в губернском городе такого чудесного края и нет своего музея. Я тут же увлёкся замечательной мыслью и инициативой Леонида Александровича создать такой музей, обещал снабдить его нужной литературой и подарить будущему музею свою большую минералогическую, петрографическую и палеонтологическую коллекцию» [2]. Георгий Сорохтин, будучи тогда еще студентом Санкт-Петербургского университета, впоследствии стал крупнейшим ученым с мировым именем в области физиологии, и, несмотря на свое дворянское происхождение, верой и правдой служил советской науке, прожив долгую и увлекательную жизнь [3, с. 12-15]. Его судьба весьма вписывается в рамки данной темы. Но фигура Сенько-Поповского нам показала еще более показательной.

В справочнике «Царские жандармы. Биографический указатель» упоминается имя Леонида Александровича: «Сенько-Поповский Л.А. (род. в 1885 (по др. сведениям в 1883 г.), с 1907 г. служил по ве-

домству МВД; в 1911–1916 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, откомандирован в распоряжение товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов; и.о. секретаря при ген. П.Г. Курлове и ген. В.Ф. Джунковском. Коллежский ассессор. В 1916–1917 гг. и.о. Черноморского вице-губернатора» [4].

Появление Сенько-Поповского в Черноморской губернии не случайно. В 1915 г. он был одним из участников делегации, требовавшей от Николая II ссылки для Г. Распутина, подрывавшего устои государства и компрометирующего Россию. Царица потребовала сурового наказания за оскорбительное поведение тех членов делегации, которые не принадлежат к роду Романовых, и ссылки их в Сибирь. Однако великий князь Николай Николаевич взял Сенько-Поповского под свою защиту и назначил его вице-губернатором Черноморской губернии. «Сенько-Поповский был левый кадет, либеральный интеллигент, с очень своеобразной этикой и моралью мало подходящей к интересам империи и царствующего дома». Бывший его начальник В.Ф. Джунковский, вспоминал: «Это был уникум в полном смысле этого слова. Такого добросовестного человека я никогда больше не встречал. Это был очень способный и образованный человек, преданный всей душой, правдивый и не боявшийся говорить мне правду в лицо, оберегавший меня с особой заботой, труженик, каких мало, и забывающий совершенно самого себя, ушедший весь в службу и в интересы, меня окружавшие. Он приходил ко мне в 8 с половиной часов утра и оставался до 6. Затем приходил в 9 часов вечера, уходил в 11, иногда позже. И за редким исключением одинаково в воскресенье и праздничные дни. Когда я сейчас вспоминаю о нём, мне хочется писать о нем без конца, такой нескончаемой благодарностью преисполнена к нему моя душа» [5].

А теперь попытаемся представить себе человека с подобной деловой характеристикой в роли вице-губернатора Черноморья. О коротком периоде его вице-губернаторства мы знаем крайне мало, но музей-то в Новороссийске стоит и благополучно отметил свое столетие! Первая мировая война была в полном разгаре, а до свержения самодержавия оставалось ровно два месяца, когда в Новороссийске 27 декабря 1916 г. была открыта первая экспозиция Музея. Даже страшная Гражданская война не помешала функционированию музея, который был бережно сохранен Сенько-Поповским и целиком оставлен городу, в то время как сам бывший петроградский чиновник вынужден был уйти из него вместе с Белой армией в 1920 г.

Г.Н. Сорохтин ещё раз встречался с Сенько-Поповским в 1918 г., когда в Новороссийске была советская власть. «Я навестил Леонида

Александровича, - пишет Сорохтин. – В то время он жил в маленькой комнате при музее, исполняя роль его директора. Он говорил мне, что доволен своей судьбой, доволен освобождением от тяжёлого бремени губернаторства, доволен тем, что может читать хорошие книги, проводить экскурсии по музею и писать мемуары. Больше я его не видел, т.к. при эвакуации белых он уехал с ними на юг. Что заставило его покинуть Родину, которую он так любил, я не знаю» [2].

Имя Сенько-Поповского оказалось вычеркнуто из Отечественной истории на долгие десятилетия... Но восстановить основные вехи его жизненного пути оказалось возможным совсем недавно. Когда спустя два месяца после открытия в Новороссийске Музея природы и истории Черноморского Побережья Кавказа, в России свергли монархию, Леонид Александрович продолжил исполнять обязанности вице-губернатора, затем – стал управляющим Черноморской губернией, заместителем губернского комиссара. Советская власть в Новороссийске была установлена 1 декабря 1917 г., а в августе 1918 г. была свергнута деникинскими войсками. И всё это время бывший вице-губернатор оставался директором музея! Однако мог ли он остаться в Новороссийске после бегства белых в марте 1920 г.? Вряд ли можно себе это представить, ибо 12 октября 1919 г. в он был избран Новороссийским городской головой [6] и судьба его, останься он в России, была бы предreshена этим фактом.

В эмиграции с 1921 по 1922 гг. он возглавлял греческое представительство Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей» [7]. Переехав в Германию, являлся товарищем председателя приходского совета Русской православной церкви в Гамбурге, став одним из её основателей. С 1923 г. жил также во Франции, написав там книгу «Нападение на Гамбургскую церковь» (Париж, 1928)» [10]. Скончался в Гамбурге в 1931 г. Но где бы не приходилось жить Сенько-Поповскому, он до конца оставался частью российского социума, служа ему искренне и последовательно.

Литература

1. Записки Музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа. Новороссийск, 1916. Вып. 1.
2. ГБУК КК НИМЗ. Письмо Г.Н. Сорохтина. НА-2593.
3. Бакумченко И.Г. Новороссийский музей: сто лет в истории. Новороссийский исторический музей-заповедник. Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 2016. Вып. 10.
4. Хронос. Биографический справочник. URL: <http://www.hrono.ru> (дата обращения: 22.02. 2017).
5. Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997.
6. Селиверстова Л.Н. Л.А. Сенько-Поповский // ГБУК КК НИМЗ. НА-4894.

7. Крячко Н.Н. Учреждение Временного Высшего церковного управления на Юго-Востоке России в 1919 г. URL: <http://sedmitza.ru>

8. Государственный архив РФ. URL: <http://www.statearchive.ru> (дата обращения: 22.02. 2017).

9. Cataloge 20 cazo ruse

10. Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь. М., 2001. (Архив русской эмиграции в Библиотеке современной международной документации (BDIC) в г. Нантер (Франция)).

Яковлева Е.Л.

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ КАЮМА НАСЫРИ КАК ПОСРЕДНИК В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Объектом исследования стала концепция Каюма Насыри, в которой выстраивается модель идеальной личности. Среди ключевых черт воспитания такой личности татарский просветитель выделяет умение учиться, трудиться и проявлять себя нравственно. Личность, сформированная в духе идей К. Насыри, способна выполнять роль медиатора в конфликтных ситуациях, что становится актуальным в современности.

Ключевые слова: конфликт, Другой, диалог культур, медиатор, Каюм Насыри.

Iakovleva E.L.

IDEAL PERSONALITY MODEL OF KAYUM NASYRI AS A MEDIATOR IN CONFLICT RESOLUTION

Abstract. The object of the study was the concept of Kayum Nasyri, in which the ideal personality model is built. Among the key features of the education of such a person, the Tatar enlightener singles out the ability to learn, work and manifest himself morally. The personality, formed in the spirit of K. Nasyri's ideas, is able to fulfill the role of a mediator in conflict situations, which becomes actual in modern times.

Keywords: conflict, Other, dialogue of cultures, mediator, Kayum Nasyri.

Современная быстротечность и инновационность приводят к утрате стабильности и устойчивости, заставляя людей жить в состоянии переходности. Усугубляют ситуацию военные столкновения, политические и экономические катаклизмы, социальные риски и конфликтные ситуации. Последние обнажают негатив происходящего,

сопровождающийся выходами за общественные барьеры (нормы/правила), что требует немедленного разрешения и гармонизации отношений.

Конфликт как явление социального и личного порядка ставит конфликтующие стороны перед лицом *Другого*, заставляя осознать и принять данный факт. Другие, отличающиеся по своим мировоззренческим взглядам, национальной и конфессиональной принадлежности, психофизиологическим параметрам и пр., доставляют Я разнообразные эмоции, при чем при конфликте – отрицательные (страх, напряжение, раздражение, ненависть и др.). Неслучайно при разрешении конфликта необходимо усилие воли, чтобы принять Другого, осознав инаковость его жизненного мира.

Взаимодействие с Другим заставляет обратить внимание на проблему *диалога культур*. Он особенно важен для судеб современного человечества, потому что, вступая в диалог, осуществляется причастность не только ко всему мирозданию и общечеловеческой культуре, но и к многообразию культурных парадигм современности. В диалоге возможна встреча различных позиций и их адекватная интерпретация. Диалог предполагает толерантное отношение и поиск компромисса в напряженной ситуации, что переводит ситуацию в русло этического. Внутри диалогических взаимоотношений важна ответственность, формирующаяся первоначально в виде ответственности за собственную жизнь, а затем – как ответственность за Других и перед ними. Более того, в конфликтных ситуациях необходимо выделить ответственность за принятие решений и их последствия.

Значимая нагрузка в разрешении конфликта лежит на *медиаторе*, роль которого может выполнять личность/группа/общество, что актуализирует вопрос: какими качествами он должен обладать? Поиск ответа на вопрос, безусловно, приводит к идеальной модели личности. Несмотря на то, что идеальных людей не бывает, тем не менее, выполняя роль посредника в урегулировании конфликтных ситуаций, индивид должен обладать рядом характеристик, помогающим ему адекватно ориентироваться в разногласиях сторон, проявлять эмоциональную нейтральность, уметь принимать решения и найти такую оптимальную точку, оказывающуюся приемлемой для каждой из сторон.

Одну из моделей личности медиатора можно обнаружить на страницах трудов татарского просветителя *Каюма Насыри*. Всю свою жизнь он служил высшим человеческим ценностям и идеалам, распространяя их среди современников. В этом отношении он придерживался гетевского принципа, согласно которому, идеальные ценности находятся в пределах жизни самой личности, поэтому она должна, в первую оче-

редь, найти и осознать их. Осознание и внедрение идеальных ценностей в жизнь формирует нравственное отношение не только к себе, но и Другому.

Личность медиатора элитарна. Медиатор как представитель элиты должен обладать *high quality education*, благодаря которому получил фундаментальные разносторонние знания, навыки и компетенции. Как замечает Каюм Насыри, знания помогают ориентироваться личности в жизни: «человек, выполняющий работу без науки – это все одно, что человек, путешествующий без дорог» [1]. Татарский исследователь считал, знания способствуют формированию самодостаточной личности, имеющей собственное мнение и способной минимизировать риски манипуляции над ней. Мыслитель подчеркивал, предпочтительнее всего учиться у людей мудрых и умных. «Послушать мудреца – удовольствие для души, словно бы постоять возле лавки торговца благовониями: хотя и не перепадет тебе ничего, зато вволю ароматом надышишься» [1]. Человек невежественный и глупый не годится «даже во враги»: «глупец причинит тебе столько зла, сколько умный и врагу причинить не сможет» [1].

Выполнение обязанностей медиатора предполагает рационально-дисциплинарную практику делания Я. Практика сотворения Я сопряжена с постоянным трудом, в котором заложен мощный импульс для воспитания личности, ее умения контролировать себя и владеть собой. Неслучайно К. Насыри акцентировал внимание на том, что «человек никогда не должен оставаться без заботы и труда. Если ты хочешь испытать наслаждение в жизни, живи своим трудом, знанием, наукой и не расходуй всего приобретенного трудом». Более того, мыслитель предупреждает, что человек должен заниматься только тем, что он хорошо умеет делать: «не берись за дело, в котором не имеешь опыта, лучше занимайся привычной работой» [1].

Каюм Насыри считает, что человек разумный должен уметь прогнозировать ситуацию, предвидя ее позитивные/негативные последствия, и рассчитывать свои силы в доведении любого начатого дела до конца, что значимо в конфликтных ситуациях. Он пишет, «кто думает о последствиях, избавит себя от многих бед и огорчений», поэтому «прежде чем войти, подумай, как выйти», а «открывая дверь, подумай, как ее затворить», «и вообще, за какое бы дело ты ни взялся, заранее прикинь, сможешь ли довести его до конца» [1].

Наставляя учеников, Каюм Насыри призывал их помогать людям и делать добро, избегая зла. Подобное поведение, сочетающееся с мягкостью и приветливостью, гарантирует любому человеку много друзей. «Истинным мужеством» исследователь называет «умение простить», что оказывается возможным благодаря способности адекватно ориенти-

роваться в ситуации. Более того, К. Насыри учил людей эмпативному пониманию, умению чутко относиться к бедам и проблемам окружающих людей: «злорадство недостойно человека. Никогда не радуйся, если придется услышать о разорении и горе другого» [1]. Каюм Насыри постоянно подчеркивает, что «только приветливый и добрый человек заслуживает уважения и почестей», поэтому в любых ситуациях, обладая чуткостью, искренностью и соучастностью, необходимо первым протягивать руку помощи. Жизнь любит открытых и приветливых людей.

Каюм Насыри однозначен в оценке лжи как негативного качества личности: «человеку, прослывшему лжецом, не поверят, если даже слова его – чистейшая правда». Честь надо беречь с молодого возраста, предупреждает ученый: «совершь один только раз – доверия лишишься на всю жизнь» [1].

Особое внимание К. Насыри уделяет проблеме речи и доброго слова во взаимоотношениях между людьми, потому что «злой язык опасней стали», он может ранить «так жестоко, что легче вынести боль, причиняемую при отсечении руки пилой». За своей речью и ее смысловым содержанием каждый человек должен следить, ведь «беспощадное слово способно пронзить сердце», причинив боль и обиду.

Современная нестабильность, расшатывание ценностных основ личного и социального, отсутствие взаимопонимания приводят к постоянному возникновению конфликтов разного уровня. Данное обстоятельство актуализирует поиск оснований, методов и форм управления конфликтными ситуациями современного общества. Особую роль в урегулировании конфликтов играет личность медиатора. На страницах трудов Каюма Насыри можно обнаружить идеальную модель личности, обладающую такими качествами как доброта, воздержанность, дружелюбие, почтительность и др. Как мы считаем, такая личность способна быть посредником в урегулировании конфликтных ситуаций, осуществляя диалог между противостоящими друг другу сторонами. Благодаря приобретенным в учебе и труде знаниям и опыту такая личность способна осуществлять контроль за ситуацией, проявлять аскетизм, умение слушать противоположные стороны, помогающие понять суть происходящего, чувство меры, способствующее избеганию крайностей в решениях, осмоторительность и прогнозирование будущего. Медиатор как посредник в решении конфликтных вопросов должен руководствоваться нравственным принципом «не навреди», умело управляя людьми и приводя их к разрешению негативной ситуации.

Литература:

1. Насыри К. Книга о воспитании. Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nasyri.php>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапов Олег Дмитриевич - доктор философских наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), директор научно-исследовательского института социальной философии КИУ (ИЭУП), г. Казань, РФ.

Агапова Элеонора Игоревна - кандидат философских наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), директор Колледжа Нижнекамского филиала КИУ (ИЭУП), г. Нижнекамск, РФ.

Азарова Юлия Олеговна - кандидат философских наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, философский факультет, г. Харьков, Украина.

Алехина Лариса Леонидовна - Орловский государственный университет экономики и торговли, кандидат экономических наук, доцент, г. Орёл, РФ.

Анчев Стефан Иванов - кандидат исторических наук, доцент, Великотырновский университет Св. Кирилла и Мефодия, исторический факультет, кафедра новой и новейшей истории, преподаватель, г. Велико-Тырново, Болгария.

Баранов Андрей Владимирович - доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ.

Баранов Николай Алексеевич - доктор политических наук, профессор, Балтийский государственный технический университет «Военмех», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Бастина Татьяна Евгеньевна - Крымский университет культуры, искусств и туризма, аспирантка, г. Симферополь, РФ.

Безвербный Вадим Александрович - кандидат экономических наук, отдел Экономики и социологии знаний Института социально-политических исследований РАН, научный сотрудник, г. Москва, РФ.

Беспалова Татьяна Викторовна - доктор философских наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва, РФ.

Бойчук Сергей Сергеевич - кандидат философских наук, доцент, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск.

Буга (Отец Макарий) - преподаватель школы византийского пения, г. Ялта, РФ.

Вакулова Татьяна Владимировна - кандидат политических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, РФ.

Васюк Сергей Владимирович - ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», аспирант, г. Краснодар, РФ.

Гарас Людмила Николаевна - кандидат философских наук, доцент, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, РФ.

Гончаренко Лев Николаевич - доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Горетить Йожеф - кандидат философских наук, доцент, Институт славистики Дебреценского университета, директор, г. Дебрецен, Венгрия.

Давыдова Евгения Игоревна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, студентка, г. Симферополь, РФ.

Дибас Оксана Андреевна - кандидат исторических наук, доцент, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск.

Zhang Jian - Ph.D., China Foreign Affairs University, Research associate, China, Beijing.

Иванков Кирилл Владимирович Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, студент, г. Симферополь, РФ.

Клюй Яна Станиславовна – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, студентка, г. Москва, РФ.

Ковальска-Стус Ханна - доктор философских наук, профессор, Ягеллонский университет, заведующая кафедрой православно-византийской культуры, г. Краков, Польша.

Когут Виктор Григорьевич - Заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.

Коларов Георги Иванов - кандидат политических наук, Экономический университет Варны, преподаватель, г. Варна, Болгария.

Конобеева Елена Евгеньевна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет экономики и торговли», г. Орёл, РФ.

Конобеева Оксана Евгеньевна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет экономики и торговли», г. Орёл, РФ.

Коношевская Мария Владимировна - Краснодарский государственный институт культуры, эксперт, г. Краснодар, РФ.

Кротова Мария Владимировна - доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Крюкова Ольга Сергеевна - доктор филологических наук, МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет искусств, заведующая кафедрой словесных искусств, г. Москва, РФ.

Лазаренко Алла Леонидовна - доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет экономики и торговли», заведующая кафедрой финансов и кредита, г. Орёл, РФ.

Лебедева Марина Михайловна - доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений, заведующая кафедрой, г. Москва, РФ.

Лебедева Ольга Александровна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет экономики и торговли», г. Орёл, РФ.

Лиханова Александра Борисовна - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, преподаватель, г. Москва, РФ.

Лукьянец Артем Сергеевич - кандидат экономических наук, ФГБУН Институт социально-политических исследований РАН, ведущий научный сотрудник, г. Москва, РФ.

Миклина Наталья Николаевна - доктор философских наук, доцент, Российский государственный социальный университет, г. Москва, РФ.

Муравьева Наталия Николаевна - кандидат экономических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов на Дону, РФ.

Нагорный Виталий Александрович - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, студент, г. Симферополь, РФ.

Неверов Кирилл Алексеевич - кандидат политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, ассистент, г. Санкт-Петербург, РФ.

Нурышев Геннадий Николаевич - доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Омельчук Дмитрий Владимирович - кандидат исторических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, г. Симферополь, РФ.

Парахина Валерия Юрьевна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, студентка, г. Симферополь, РФ.

Пашковский Пётр Игоревич - кандидат политических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, г. Симферополь, РФ.

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований, г. Санкт-Петербург, РФ.

Романович Нелли Александровна - доктор социологических наук, профессор, Российская Академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, (Воронежский филиал), г. Воронеж, РФ.

Росенко Мария Ивановна - доктор политических наук, профессор, Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь, РФ.

Рябова Светлана Николаевна - МБОУ СОШ №1, учитель русского языка и литературы, г. Петушки, Владимирская область, РФ.

Сардановская Ольга Сергеевна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, аспирант кафедры политических наук и международных отношений, г. Симферополь, РФ.

Свешникова Ирина Порфирьевна - Крымская региональная общественная организация «Центр духовной культуры «Лебедь». Народный университет духовной культуры и здорового образа жизни, председатель, г. Ялта, РФ.

Сенюшкин Евгений Александрович - кандидат политических наук, доцент Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, философский факультет, доцент кафедры политических наук и международных отношений, г. Симферополь, РФ.

Сенюшкина Маргарита Александровна - кандидат экономических наук, доцент, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, почётный член Крымской академии наук, г. Симферополь, РФ.

Сенюшкина Татьяна Александровна - доктор политических наук, профессор, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, философский факультет, профессор кафедры политических наук и международных отношений, г. Симферополь, РФ.

Сидоров Александр Александрович - кандидат политических наук, Федеральное агентство «Россотрудничество», Руководитель представительства агентства в Никарагуа, г. Манагуа.

Соколов Юрий Витальевич - кандидат исторических наук, профессор, независимый исследователь, г. Москва, РФ.

Ставицкий Андрей Владимирович - кандидат философских наук, доцент, Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе, г. Севастополь, РФ.

Степанова Оксана Александровна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет экономики и торговли», г. Орёл, РФ.

Тер-Акопов Александр Александрович - кандидат экономических наук, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, научный сотрудник, г. Москва, РФ.

Ускова Ольга Сергеевна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, студентка, г. Симферополь, РФ.

Филин Никита Александрович - кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, факультет истории, политологии и права, кафедра современного Востока, доцент, г. Москва, РФ.

Чернев Черньо Щерионов - Институт болгар за рубежом, Международная Академия болгарознания, инновации и культуры (МАБИК), директор, г. София, Республика Болгария.

Черный Евгений Владимирович - доктор психологических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, декан факультета психологии, г. Симферополь, РФ.

Шпортова Татьяна Валерьевна - ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет экономики и торговли», старший преподаватель, г. Орёл, РФ.

Юрина Тамара Ивановна - кандидат исторических наук, профессор, Новороссийский исторический музей-заповедник, научный сотрудник, г. Новороссийск, РФ.

Яковлева Елена Людвиговна - доктор философских наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин, профессор, г. Казань, РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Агапов О.Д., Агапова Э. И. АНТРОПОДИАГНОСТИКА РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ	3
Азарова Ю.О. ДЕРРИДА О ФЕНОМЕНЕ СССР: УНИКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ	7
Алехина Л.Л. САМОМЕНЕДЖМЕНТ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	14
Анчев С.И. СОЗДАНИЕ МАРИОНЕТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ КАК ПОЛИТИКА, НАПРАВЛЕННАЯ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВИЯ, СЛАВЯНСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	17
Баранов А.В. БАЛАНС ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ: ВЫБОР МЕЖДУ КОНФЛИКТОГЕННОСТЬЮ И МИРОСТРОИТЕЛЬСТВОМ	20
Баранов Н.А. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА	25
Бастина Т.Е. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ.....	29
Безвербный В.А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ МЕГАПОЛИСА	34
Беспалова Т.В. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ	38

Бойчук С.С. ВЫЗОВ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: РУССКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ОТВЕТОВ.....	46
О. Макарий (Буга) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АПОЛИТИЧНОСТИ	51
Вакулова Т.В. ИСХОД 1920 ГОДА: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	56
Васюк С.В. РЕФЕРЕНДУМ О СТАТУСЕ КРЫМА В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ	61
Гарас Л.Н. СПЕЦИФИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	64
Гончаренко Л.Н. ФЕВРАЛЬ 1917 Г. В РОССИИ: ЦЕНА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВЫБОРА.....	69
Горетить Йозеф ЛИТЕРАТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. ЗАМЕТКИ К РОМАНУ ЮРИЯ ПОЛЯКОВА «КОЗЛЕНОК В МОЛОКЕ».....	75
Давыдова Е.И. «АРАБСКАЯ ВЕСНА» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ	79
Дибас О.А. СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ И КАТЕГОРИИ В ПРОЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ	82
Чжан Цзянь АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВИДЕНИЯ МИРА И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИК, ПРИЧИНЫ И ВЛИЯНИЕ.....	87

Иванков К.В. ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИИ ВЛАСТИ В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.....	96
Клюй Я.С. РОЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	101
Ковальска-Стус Ханна «КАПИТАЛИСТЫ ЗНАНИЯ», «БУРЖУА КУЛЬТУРЫ». РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И СЕГОДНЯ В ОЦЕНКЕ ЯНА МАХАЙСКОГО И ТОМАША ЗАРЫЦКОГО	104
Когут В.Г., Нурышев Г.Н. РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НАЧАЛА XX ВЕКА	
Коларов Г.И. ОТНОШЕНИЕ ЗАПАДА К УКРАИНЕ И УКРАИНЫ К ЗАПАДУ	115
Конобеева Е.Е., Конобеева О.Е., Шпортова Т.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ В АСПЕКТЕ ПОВЫШЕНИЯ ВОСПРИИМЧИВОСТИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА К ИННОВАЦИЯМ	121
Кротова М.В. УЧАСТИЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В РЕВОЛЮЦИИ: МОТИВЫ И СУДЬБЫ	124
Крюкова О.С. ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ И ВЛАСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ.....	129
Лебедева М.М. ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «МЯГКАЯ СИЛА» ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА.....	133

Лебедева О.А. КОММУНИКАТИВНЫЕ И ИНФОРМАТИВНЫЕ СРЕДСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	136
Лиханова А.Б. ПРОШЛОЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ	140
Лукьянец А.С. ЭМИГРАЦИОННЫЙ ОТТОК МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.....	143
Миклина Н.Н., Коношевская М.В. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И СОБОРНОСТЬ: АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ ЕДИНСТВО?	147
Муравьева Н.Н. ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА.....	152
Нагорный В.А. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИМЕНЕНИЕ ВОЕННОЙ СИЛЫ В XX ВЕКЕ.....	155
Неверов К.А. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ	159
Омельчук Д.В. СТОЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ. НАСКОЛЬКО УСВОЕНЫ УРОКИ?.....	163
Парахина В.Ю. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ.....	168
Пашковский П.И. РОССИЯ В СИСТЕМАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО.....	172
Попова О.В. МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	176

Романович Н.А.	
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОШЛОМ РОССИИ: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ	183
Росенко М.И.	
ОСОБЕННОСТИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	189
Рябова С.Н.	
ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В АРХИТЕКТУРЕ ХЕРСОНЕСА	192
Сардановская О.С.	
К ВОПРОСУ О ДУХОВНОМ ЕДИНСТВЕ И ЦЕННОСТНЫХ КОНФЛИКТАХ В РОССИИ.....	196
Свешникова И.П.	
ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	198
Сенюшкин Е.А.	
РИСКИ И ВЫЗОВЫ КАК КАТЕГОРИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	202
Сенюшкина М.А.	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ	206
Сенюшкина Т.А.	
СОЦИАЛЬНЫЕ ЭПОХИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А.С.ПАНАРИНА	210
Сидоров А.А.	
РОССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НИКАРАГУА. КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ	216
Соколов Ю.В.	
К КОНЦЕПЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	221
Ставицкий А.В.	
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИГРЫ	226

Ставицкий А.В. СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ УКРАИНСКОГО ПРОЕКТА В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» ПРОТИВ РОССИИ.....	230
Степанова О.А., Лазаренко А.Л. ИНСТИТУТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	233
Тер-Акопов А.А. РОЛЬ ДИАСПОР В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В Г. МОСКВА).....	237
Ускова О.С. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В КРЫМСКОЙ АССР В 1920 – 30-е ГОДЫ.....	243
Филин Н.А. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ ИРАНА	247
Чернев Черньо РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КАРКАСА ЖИЗНЕННОГО МИРА.....	250
Черный Е.В. КОНФЛИКТНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕХНОЛОГИЯ НАПРАВЛЕННОГО ВЗРЫВА	255
Юрина Т.И. ЕГО ЭТИКА И МОРАЛЬ МАЛО ПОДХОДИЛИ К ИНТЕРЕСАМ ИМПЕРИИ И ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА.....	260
Яковлева Е.Л. ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ КАЮМА НАСЫРИ КАК ПОСРЕДНИК В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ	264

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

1917-2017:

СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ ПРОШЕДШЕГО СТОЛЕТИЯ

XXXII ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

17-21 мая 2017 г.

г. Ялта,

Республика Крым

Под редакцией

Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 29,06. Тираж 90 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».

295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru